

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№2 (14)
2026**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№2(14)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- ЛЕНЕЦ А.В. «Дорогу осилит идущий» или прагматический
эффект имплицитного речевого акта мотивации 4
- МИЛОВАНОВА М.В., ЕКИМЦОВА Е.Н. Темпоральная
компрессия и экспансия: семантика субъективности (на
примере лексем *минута* и *год*) 11
- ВАН ЦЗИНЬЛИН, ЮАНЬ ЛИИН, ЧЖАО ЧУНЬЮЙ.
Философские идеи классических аллюзий в выступле-
ниях Си Цзиньпина 18
- ПАНЧЕНКО Н.Н. Концепт «эксцентричность» в русско-
язычной картине мира: логико-понятийный аспект 33
- БАЛХОВА С.Я., МУРОДБЕКОВА Ш.Н. Лингвокультуроло-
гический анализ концепта «гостеприимство» в вахан-
ском и русском языках 38
- ШТЕБА А.А., НИКОДИМОВА А.Д. Синестезийная репре-
зентация эмоциональных переживаний 45
- МЕЛЬНИКОВА К.А. Нейтрализованные лексические еди-
ницы как маркер языковой манипуляции 51
- МОСЕЙКО А.А. Трансформация культуры речевого пове-
дения в условиях цифровой коммуникации 56

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Я.А. Волкова
С.Г. Воркачев
В.В. Дементьев
А.Х. Гольденберг
Д.Ю. Гулинов
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
С.А. Мызников
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

БУРЯКОВСКАЯ В.А., ГРАСС Е.П., РЫКУНОВА И.Ю.
Видео бьюти-лайфхак как медиажанр62

ПОПОВА М.А. Паремия как аргументативное средство
(на материале русско- и испаноязычных медийных текстов)..67

ОРЛОВ П.В., КИСЛЯКОВА Е.Ю. Тематическая организа-
ция и концептосфера развлекательно-информационного
медиадискурса (на материале российских, американских
и китайских программ)74

КУЗНЕЦОВА В.В. Анализ категории «участники портрет-
ного интервью».....78

ЦУКАНОВ М.В. Сопоставительный анализ реализации ну-
мерологического кода культуры в русской и английской
лингвокультурах86

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

МОСКВИН В.П. Асистемные явления и лакуны в сфере
деривации русского причастия: типы, причины, оценка90

ВАЙРАХ Ю.В. Концептуализация света и цвета мысли в
русской лингвокультуре 102

КОРОВИНА К.Г., БОЧАРНИКОВА Н.В. Стилистические
и культурные характеристики рассказов В.В. Набокова
«Пасхальный дождь» и «Рождество» 107

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЗАВЬЯЛОВА Е.Е., ДЕДОВА М.В., УНАШАЕВА Л.А.
Семантика онимов в пьесе А.В. Королёва «Формалин»:
проблема границы между человеческим и животным 115

КУДРЯВЦЕВ Д.А. Научная проза Н.В. Гоголя и аспекты ее
изучения 122

Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

ЗИМИНА Н.В. Системное описание коммуникативной демонстративности: признаки, функции, средства репрезентации в различных типах дискурса (рецензия на монографию И.А. Тисленковой «Демонстративность как коммуникативная тональность: функции, жанры, способы выражения». Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2025. 329 с.)..... 131

Подписано в печать
10.09.2026

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 15,4
Тираж 1000 экз.

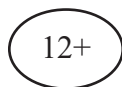
Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 10/09/1

Выход в свет
21.09.2026

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2026

Сведения об авторах.....135
Information about authors.....138
Состав редакционной коллегии140
Состав научно-редакционного совета.....140

А.В. ЛЕНЕЦ
Ростов-на-Дону

«ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ» ИЛИ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ
ИМПЛИЦИТНОГО РЕЧЕВОГО АКТА МОТИВАЦИИ

Матвеевой Галине Григорьевне –
Учителю – посвящается...

Исследуется прагматический потенциал мотивирующих выражений как особых речевых актов, способных оказывать воздействие на адресата и формировать ценностные установки. Показано, что речевой акт мотивации имеет гибридную структуру, сочетающую репрезентативный, директивный и декларативный компоненты. Устойчивые выражения функционируют как эффективные коммуникативные инструменты, прагматическая сила которых обусловлена апелляцией к коллективному опыту.

Ключевые слова: мотивация, речевой акт, устойчивые выражения, прагматический эффект, иллюкутивная сила, имплицитность.

В научной биографии каждого исследователя есть личности, чьё влияние выходит далеко за пределы академического наставничества. Они не только передают знания, но и формируют научное мышление, исследовательскую интуицию и, что особенно важно, внутреннюю мотивацию к движению вперёд. Фраза «Дорогу осилит идущий», которая часто звучала во время обсуждения исследовательских трудностей, при подготовке научных докладов, в моменты сомнений и поиска новых направлений работы с моим научным руководителем и консультантом – профессором Матвеевой Галиной Григорьевной – постепенно превратилась в своего рода исследовательский принцип, определяющий отношение к научному труду: настойчиво двигаться вперёд, несмотря на сложности научного процесса. В результате высказывание «Дорогу осилит идущий» приобрело функцию не просто метафорического напутствия, а прагматически значимого речевого действия, имеющего имплицитное воздействие.

Очевидно, что подобные афоризмы выступают как речевые действия, способные выполнять важную регулятивную функцию в любом типе дискурса – повседневном и институциональном [6]. Прагматический потенциал данного высказывания проявляется не только в его скрытом мотивирующем содержании, но и в самой коммуникативной ситуации его употребления. Известно, что «толкование высказывания в существенной мере зависит от так называемого «фактора адресата»» [1, с. 357], который становится отправной точкой при интерпретации высказываний как инструмента мотивации. Высказывания типа «Дорогу осилит идущий» выступают своеобразным «кодом доступа» к общей фоновой базе обоих коммуникантов, но при этом напрямую зависят от их социального статуса, жизненного опыта, желаемой дистанции, самой коммуникативной ситуации и т.п.

Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, современная лингвистика всё в большей степени ориентируется на изучение языка как инструмента социального взаимодействия и коммуникативного действия [24]. Исследуя язык как инструмент социального взаимодействия, современная лингвистика, согласно Е.С. Кубряковой, все больше опирается на коммуникативную парадигму, в фокусе которой находится коммуникативная деятельность и влияние контекста на использование языка [7, с. 36–37]. Во-вторых, интерес к прагматическим аспектам дискурса обусловлен необходимостью глубокого понимания механизмов речевого воздействия с помощью устойчивых выражений, афоризмов, пословиц и поговорок мотивирующего характера [6; 9; 17]. Традиционно устойчивые выражения, афоризмы, пословицы, поговорки изучались преимущественно в русле фразеологии, лингвокультурологии и паремиологии как хранилища народной мудрости, культурных кодов и ценностных ориентиров [5; 14; 18]. Постепенно назрела необходимость изучения данных единиц не как статичных «сокровищниц смыслов», а как динамичных инструментов речевого воздействия, способных менять поведение и ценностные установки адресата [13; 21]. В-третьих, функции пословиц, устойчивых выражений существенно варьируются в зависимости от жанра дискурса, что подтверждает необходимость их изучения в конкретных коммуникативных ситуациях в различных культурах [22; 23].

Цель настоящей статьи – выявить и проанализировать прагматический потенциал мотивирующих устойчивых выражений как особых форм речевого акта, способных оказывать воздействие на адресата и формировать определённые коммуникативные и ценностные установки.

Методологическую основу исследования составили фундаментальные положения прагмалингвистики и теории речевых актов, согласно которым афоризм или устойчивое высказывание рассматривается не только как носитель семантического содержания, но и как форма коммуникативного действия, направленного на достижение определённого эффекта у адресата [10; 12]; работы Г.П. Грайса о логике речевого общения и постулатах коммуникативного сотрудничества [2]; а также теории пословичной картины мира [4] и теории мотивации [26].

Материалом исследования послужили устойчивые выражения, пословицы и афоризмы, которые занимают особое место в языковой картине мира, выступая не только средством передачи культурного опыта [14], но и инструментом речевого воздействия [8]. Под устойчивыми выражениями нами понимается совокупность воспроизводимых в речи единиц, характеризующихся постоянством компонентного состава, целостностью значения и фиксированной структурой. Данное родовое понятие объединяет несколько классов единиц, являющихся предметом анализа – афоризмы, пословицы, поговорки, устойчивые выражения мотивирующего характера. Ключевым свойством всех перечисленных единиц является их конденсированность, т.е. способность в предельно сжатой, лаконичной форме аккумулировать сложные смыслы, культурные коды и оценки. Данная характеристика соотносится с положением о том, что язык выступает средством обработки и организации знаний, обеспечивая компактное представление информации [7, с. 10–15]. Паремеиологические единицы, к которым относятся пословицы, выполняют функцию категоризации отношения к действительности, аккумулируя в себе ценностные ориентиры и поведенческие нормы [4, с. 1156]. Это свойство, наряду с образностью и апелляцией к коллективному опыту, обеспечивает высокий прагматический потенциал устойчивых выражений. Они функционируют как полноценные речевые акты, обладающие иллокутивной силой и способные оказывать перлокутивный эффект [8; 11; 12].

В результате предварительного анализа материала были собраны 50 высказываний мотивирующего характера, которые составили эмпирическую базу исследования. В исследовании применялись метод прагмалингвистического анализа, позволяющий выя-

вить иллокутивную силу; метод контекстуального анализа, направленный на изучение функционирования единиц в различных типах дискурса; метод лингвокультурологического анализа, раскрывающий аксиологический потенциал мотивирующих устойчивых выражений.

Обладая высокой степенью семантической концентрации и прагматической направленности, высказывания мотивирующего характера активно используются в различных типах коммуникации – от повседневного общения до институционального дискурса, например, академического [11; 16], политического, делового дискурса [26]. Это подтверждается и современными корпусными исследованиями, согласно которым прагматический потенциал пословиц реализуется в зависимости от жанра дискурса. Так, в новостях они служат аргументации, в художественной литературе – характеристике персонажей, а в социальных сетях – выражению оценки и идентичности [19, с. 683; 20, с. 135]. В медиасреде и сетевом общении развиваются формы и самомотивации, включая афористические высказывания и краткие текстовые формулы, обладающие высокой степенью семантической компрессии и прагматической направленности [13]. В исследованиях зафиксировано влияние цифровых форматов на трансформацию речевого воздействия, где краткость и выразительность становятся ключевыми факторами эффективности коммуникации [18]. При этом афоризмы представляют собой авторские, глубокие по содержанию и отточенные по форме изречения, выражающие оригинальную мысль и обладающие способностью к широкому обобщению [6, с. 186].

В большинстве лингвистических работ устойчивые выражения рассматриваются преимущественно с точки зрения семантики [3; 7], фразеологии [5; 14] или лингвокультурологии [4; 9]. Исследуемые выражения нередко используются в качестве средств убеждения, наставления, мотивации или предупреждения. Их коммуникативная сила заключается в том, что они воспринимаются носителями языка как воплощение коллективной мудрости и авторитетного знания, что усиливает их иллокутивный потенциал. Поэтому справедливо мнение о том, что прагматика афоризмов заключается в «интеллектуальном стимуле», который требует от читателя активной дешифровки смысла. Главная функция здесь – не просто передача информации, а провокация мысли и воздействие на ценностно-смысловую сферу адресата [6, с. 192].

Устойчивые выражения мотивируют, формируют поведение и актуализируют имплицитные стратегии побуждения. Прагматика афоризмов рассматривается в современной лингвистике как взаимодействие иллокутивной силы, когнитивной нагрузки и контекстуальной интерпретации [6; 10; 18; 20]. Интерпретация пословиц, афоризмов требует намеренного подавления буквального смысла в пользу вывода имплицитной фигуральной интенции говорящего, что представляет собой сложный процесс вербального рассуждения и значительно увеличивает когнитивную нагрузку, особенно в случаях низкой степени знакомства с изречением [20, с. 136, с. 155]. Значительная часть смысла афористического высказывания мотивирующего характера реализуется имплицитно и извлекается адресатом на основе контекста и культурного опыта [5]. Для того чтобы проследить, каким образом перечисленные свойства афористики (имплицитность, когнитивная нагрузка, воздействующий потенциал) реализуются в конкретном высказывании, обратимся к анализу мотивационного речевого акта на примере устойчивого выражения «Дорогу осилит идущий».

Речевой акт (РА) мотивации включает три компонента: оценку ситуации, аргументацию и побуждение к действию. Первый компонент – *оценка ситуации* – реализуется имплицитно через метафору «дороги», обозначающей жизненный или профессиональный путь, требующий настойчивости. Высказывание содержит скрытую оценку ситуации как сложной, но преодолимой. Второй компонент – *аргументация* – воплощен в причинно-следственной модели, согласно которой достижение цели возможно только при активном движении. Логический аргумент (успех – следствие действия) опирается

на коллективный опыт и подкрепляется этимологией глагола «осилить», что возможно лишь при непрерывном движении вперед. Третий компонент – *побуждение* – представлен имплицитно. Отсутствие прямого императива компенсируется скрытым директивным смыслом: «продолжай движение, действуй».

С позиции теории речевых актов (ТРА) РА мотивации рассматривается как сложное коммуникативное образование, сочетающее директивные, комиссивные и экспрессивные компоненты [2; 12]. РА мотивации «Дорогу осилит идущий» представляет собой смешанный (гибридный) тип, где в качестве основных параметров выступают иллюкутивная цель (побудить адресата к действию); модальность (степень категоричности – приказ (максимальная), требование, совет, рекомендация, просьба, намёк); способы выражения (грамматически – императив, инфинитивные конструкции, лексически, глаголы волеизъявления (нужно, следует, стоит); дискурсивно (афоризмы, пословицы, лозунги). В таких случаях побуждение выражено через констатацию жизненной закономерности, что соответствует структуре директивного высказывания: описание ситуации, аргументация, побуждение. Прагматическая сила РА «Дорогу осилит идущий» возрастает благодаря метафоричности, лаконичности и универсальности смысла, что превращает его в эффективный инструмент стимулирования активности адресата.

Выявленная гибридная природа РА «Дорогу осилит идущий», сочетающего репрезентативную констатацию с имплицитной директивностью, подтверждается его изучением и в более широком контексте современных коммуникативных практик [20; 22; 25]. Так, например, мотивационные высказывания анализируются в институциональных и цифровых формах дискурса, где наблюдается усложнение их прагматической структуры. В деловом дискурсе РА мотивации направлен на формирование готовности к действию и реализацию целей, что обеспечивается сочетанием эксплицитных и косвенных средств побуждения [26]. Прагматический эффект усиливается за счёт конденсации содержания и опоры на культурно закреплённые модели знания, а также просодические параметры, маркирующие иллюкутивную силу и коммуникативное намерение [21]. Исследования речевого воздействия показывают, что эффективность РА мотивации определяется его способностью учитывать когнитивные категории адресата и контекст взаимодействия [10]. Обозначенные тенденции функционирования мотивационных высказываний в институциональном дискурсе получают системное описание мотивации как стратегии [26]. Сочетание репрезентативного, директивного и декларативного компонентов формирует сильный перлокутивный эффект мотивации, благодаря которому высказывание широко используется в академическом, научном и повседневном дискурсе как средство стимулирования деятельности адресата.

На основе прагматической функции и типа побуждения можно выделить несколько типов мотивационных пословиц и афоризмов. Кратко остановимся на некоторых из них. К первому типу относятся афоризмы и пословицы, стимулирующие активность адресата и направленные на *преодоление бездействия*. Высказывания, прагматическая структура которых основана на противопоставлении действия и пассивности, представляют собой утверждение о жизненной закономерности: *Не бойся двигаться медленно, бойся стоять на месте; Не бойся ошибаться, бойся ничего не делать; Под лежащий камень вода не течёт*. С позиции ТРА подобные высказывания можно интерпретировать как косвенные директивы, где репрезентативное утверждение служит аргументом для скрытого побуждения к действию.

Ко второму типу относятся выражения, мотивирующие адресата к *продолжению деятельности и преодолению трудностей*. Их прагматический эффект основан на утверждении ценности терпения и постепенного достижения результата. Данные высказывания представляют собой репрезентативное утверждение о закономерности длительного процесса, но их иллюкутивная сила направлена на имплицитный призыв не прекращать усилия: *Москва не сразу строилась; Каждый вызов делает тебя лучше; Ве-*

ликое искусство – искусство терпения; Капля камень точит; Терпение и труд всё перетрут. Данные выражения интерпретируются как имплицитные директивы, где констатация постепенности результата служит аргументом для продолжения действий.

Третий тип объединяет выражения, регулирующие поведение адресата через **ориентацию на осмотрительность** и **предварительное обдумывание действий**, которые представляют собой репрезентативное описание возможных негативных последствий поспешности, однако их иллюкутивная сила направлена на реализацию предупредительного директивного акта: *Надев доспехи, уже слишком поздно отступать; Лучшее – враг хорошего; Спешка – мать всех неудач; Поспешишь – людей насмешишь; Не зная броду, не суйся в воду; Утро вечера мудренее*. Данные высказывания интерпретируются как имплицитные директивы, в которых репрезентативное описание последствий выполняет функцию аргументации в пользу осторожного поведения.

К четвёртому типу относятся выражения, направленные на **формирование и поддержание этических норм поведения**, которые представляют собой репрезентативное утверждение о причинно-следственной связи между поступками человека и их последствиями. Однако их иллюкутивная сила направлена на реализацию нормативного директивного акта, побуждающего адресата придерживаться определенных ценностных установок: *Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой; Что посеешь, то и пожнешь; Как аукнется, так и откликнется; Не рой другому яму – сам в нее попадешь; Сделал добро – жди добра*. Данные выражения интерпретируются как имплицитные директивы, в которых описание моральной закономерности служит аргументом для побуждения к этически одобряемому поведению.

Пятый тип включает выражения, мотивирующие адресата к **активной жизненной позиции и принятию ответственности за собственные действия**, которые представляют собой утверждения о роли субъекта в достижении благополучия. Их иллюкутивная сила направлена на побуждение к самостоятельному действию и опоре на собственные силы: *Всё в наших руках, поэтому их нельзя опускать; На Бога надейся, а сам не плошай; Каждый кузнец своего счастья; Спасение утопающих – дело рук самих утопающих; Своя рука – владыка*. С позиции ТРА подобные выражения интерпретируются как косвенные директивы, в которых репрезентативное утверждение об ответственности за самостоятельные решения служит аргументом для побуждения к активности.

Представленные РА мотивации являются прагматически сложными РА, в которых сочетаются репрезентативный, директивный и декларативный компоненты. Директивная функция реализуется имплицитно. В ситуациях спора или конфронтации мотивационное высказывание выступает в роли «социального щита», позволяя смягчить категоричность высказывания, в медиадискурсе активизируют прецедентный текст, а в теории вежливости позволяют смягчить критику.

Таким образом, устойчивые выражения сочетают семантическую конденсированность, образность и апелляцию к коллективному опыту, что усиливает их иллюкутивный потенциал. Речевой акт мотивации представляет собой смешанный тип, включающий имплицитную оценку ситуации, аргументацию и побуждение к действию. Перлокутивный эффект проявляется в долгосрочном формировании ценностных установок адресата. Результаты исследования могут применяться в лингводидактике для развития межкультурной компетенции, а также в политической и рекламной лингвистике для создания убедительных слоганов.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. №4. С. 356–367.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ.; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.
4. Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. №4. С. 1154–1177.
5. Иванов Е.Е., Маслова В.А., Мокиенко В.М. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2022.
6. Курпнище Р. Прагматика современных афоризмов // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2012. № 20. С. 186–194.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира: монография. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Ладутко М.В. Лингвопрагматическое направление изучения речевого воздействия // Прикладная лингвистика: наследие и современность: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. Минск: БГУ, 2024. С. 94–100.
9. Ломакина О.В. Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 622–637.
10. Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. 4-е изд., стереотип. М: Флинта, 2019.
11. Мельникова Л.С. Особенности реализации мотивировочного компонента в побудительных речевых актах (на материале итальянского языка) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2014. № 3. С. 26–30.
12. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–130.
13. Прокофьева В.Ю. Сетевой афоризм в зеркале речевого общения // Славянские чтения–2017: Сб. мат-лов Междунар. научн.-практ. конф. Стерлитамак, 16–18 мая 2017 г. Стерлитамак: Башкир. гос. ун-т, 2017. С. 225–226.
14. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
15. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. М.: МГПУ, 2018.
16. Юркина Т.Н. Семантика мотивации в высказываниях с отношениями обусловленности (аспектуальная характеристика) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2007. № 2(54). С. 121–128.
17. Abdullaeva N.A. Corpus-Based Empirical Analysis of Pragmatics of English Proverbs with Gradonymy // International Journal of New Trends in Social Sciences. 2022. № 6(2). P. 73–83.
18. Akbarova R. The Fundamental Nature and Role of Paremiology in German Language Linguistics // InterConf. 2024. No. 178. P. 23–30.
19. Axmedov I. The pragmatics of proverbs in English discourse: a corpus-based study // Journal of Applied Science and Social Science. 2025. № 15(06). P. 681–691.
20. Kljajevic V., & Šarić L. Corpus-Based Investigation of Proverbs: Challenges and New Directions. Corpus Pragmatics. 2025. №9. P. 135–163.
21. Kravchenko N., Valigura O., Kozub L., Babchuk Y. Pragmatics via prosody in interaction optimization // Studies about Languages. 2024. No. 44. P. 56–71.
22. Leuschner T. Verb-First in Proverbs and Slogans: A German-Based Contrastive Approach // Proverbium. 2020. Vol. 37. P. 179–204.
23. Lipatova Y.Y., Shigapova F.F. Communicative-Functional Approach to the Phenomenon of Silence in Proverbs and Sayings (Based on Russian, English and German Proverbs) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 1 (37). P. 115–121.
24. Massalskaya J.V., Nikolaeva A.V. Manifestation of Anthropocentrism in German Paremiology (Based on Proverbs with Contradictory Meaning) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 5 (41). P. 27–34.
25. Spellerberg C. Proverbial Markers and Their Significance for Linguistic Proverb Definitions: An Experimental Investigation // Phrasis. 2022. Vol. 6. No. 1. P. 45–66.
26. Sullivan J.J. Three Roles of Language in Motivation Theory // Academy of Management Review. 1988. Vol. 13, No. 1. P. 104–115.

1. Arutyunova N.D. Faktor adresata // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1981. T. 40. №4. S. 356–367.
2. Grajs G.P. Logika i rechevoe obshchenie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika. M.: Progress, 1985. S. 217–237.
3. Dejk T.A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya / Per. s angl.; sost. V.V. Petrova; pod red. V.I. Gerasimova. M.: Progress, 1989.
4. Ivanov E.E. Kategorizaciya otnosheniya k dejstvitel'nosti v paremiologicheskikh edinicah // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2023. T. 14. № 4. S. 1154–1177.
5. Ivanov E.E., Maslova V.A., Mokienko V.M. Nasledie Biblii v yazykah i kul'turakh narodov Rossii i Belarusi. M.: Rossijskij universitet družby narodov, 2022.
6. Kurpniece R. Pragmatika sovremennyh aforizmov // Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskij al'manah. 2012. № 20. S. 186–194.
7. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya: monografiya. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004.
8. Ladut'ko M.V. Lingvopragmaticheskoe napravlenie izucheniya rechevogo vozdejstviya // Prikladnaya lingvistika: nasledie i sovremennost': mat-ly II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Minsk: BGU, 2024. S. 94–100.
9. Lomakina O.V. Metayazyk sovremennoj lingvoaksiologii: paremiologicheskij uroven' // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2025. T. 16. № 3. S. 622–637.
10. Matveeva G.G., Lenec A.V., Petrova E.I. Osnovy pragmalingvistiki. 4-e izd., stereotip. M: Flinta, 2019.
11. Mel'nikova L.S. Osobennosti realizacii motivirovochnogo komponenta v pobuditel'nyh rechevyh aktah (na materiale ital'yanskogo yazyka) // Vestnik Belaruskaga dzyarzhaj'naga ŭniversiteta. Seryya 4: Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika. 2014. № 3. S. 26–30.
12. Ostin Dzh.L. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevyh aktov. M.: Progress, 1986. S. 22–130.
13. Prokof'eva V.Yu. Setevoy aforizm v zerkale rechevogo obshcheniya // Slavyanskije chteniya–2017: Sb. mat-lov Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. Sterlitamak, 16–18 maya 2017 g. Sterlitamak: Bashkir. gos. un-t, 2017. S. 225–226.
14. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996.
15. Fedosyuk M.Yu. Neyavnye sposoby peredachi informacii v tekste. M.: MGPU, 2018.
16. Yurkina T.N. Semantika motivacii v vyskazyvaniyah s otnosheniyami obuslovlennosti (aspektual'naya harakteristika) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva. 2007. № 2(54). S. 121–128.

“The road will be mastered by the walking” or the pragmatic effect of implicit speech act of motivation

The pragmatic potential of motivating expressions as the special speech acts, that are able to impact on the addressee and the development of value systems, is studied. It is demonstrated that the speech act of motivation has a hybrid structure, combining the representative, directive and declarative components. The set expressions function as the efficient communicative tools, their pragmatic force is conditioned upon the appeal to collective experience.

Keywords: *motivation, speech act, set expressions, pragmatic effect, illocutionary force, implicitness.*

(Статья поступила в редакцию 16.04.2026).

М.В. МИЛОВАНОВА

Е.Н. ЕКИМЦОВА

Волгоград

ТЕМПОРАЛЬНАЯ КОМПРЕССИЯ И ЭКСПАНСИЯ: СЕМАНТИКА
СУБЪЕКТИВНОСТИ (на примере лексем *минута* и *год*)

*Рассматриваются особенности репрезентации субъективно-оценочного восприятия времени в русском языке. На материале Национального корпуса русского языка с применением синхронно-диахронного метода проводится сопоставительный анализ лексем **минута** и **год**. Анализируются две модели субъективного восприятия времени – растяжение / сжатие временного интервала. Определяются различные смысловые оттенки субъективности, отраженные в семантике лексем *минута* и *год*.*

Ключевые слова: *временной отрезок, субъективное восприятие времени, растяжение временного интервала, сжатие временного интервала, синхронно-диахронный анализ, лексема **минута**, лексема **год**.*

Проблема вербализации категории времени справедливо считается одним из наиболее сложных и противоречивых аспектов отражения действительности в языке и традиционно находится в центре внимания ученых-лингвистов. Сложность во многом объясняется тем, что между физическим временем и его языковой репрезентацией нет прямого соответствия. Язык фиксирует как объективную (природную) последовательность действий, так и процесс осмысления этих действий в сознании говорящего. В этом случае мы можем говорить о том, что в языке время способно репрезентировать не только объективный, астрономический и календарный показатель, но и субъективное восприятие той или иной ситуации, того или иного события.

Ученые-лингвисты неоднократно обращались к проблеме языковой репрезентации категории времени. По мнению З.М. Маллаевой и С.М. Маликовой, концепт времени обладает исключительным статусом в жизни человека, поскольку осмысление темпоральности неразрывно связано с пониманием как общего бытия, так и индивидуального человеческого существования, что определяет его фундаментальное мировоззренческое значение [4]. А.В. Бондарко определял темпоральность как семантическую категорию, отражающую восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчёта [1]. Ученые отдельно подчеркивают связь времени с интеллектуальной и психоэмоциональной сферами субъекта. Так, А.В. Кравченко считает, что языковое время скорее отражает человеческое «переживание», нежели объективную реальность, восприятие времени субъектом «высвечивает» глубинные приоритеты общества и актуальную картину мира [3]. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв отмечают, что время в большей степени, чем другие речемыслительные категории, связано с оценкой и ощущениями субъекта. Кроме того, оно неодинаково переживается и осознается разными людьми, т.е. в разных культурах, на разных стадиях общественного развития, в разных социальных группах и даже у отдельных индивидов это восприятие неодинаково [2].

Таким образом, можно утверждать, что время в языке выступает не как единая универсальная шкала измерения, а является сложным ментальным конструктом, со-

вещающим в себе объективные хронологические показатели и субъективное проживание, тесно связанное с происходящими фоновыми событиями. С одной стороны, такая амбивалентность времени порождает многочисленные научные споры и отсутствие единой точки зрения в терминологическом понимании, с другой – позволяет исследовать данную категорию с различных сторон и находить новые аспекты ее актуализации в языке.

Ключевым параметром, объединяющим рассмотренные подходы, является акцент на субъективном характере языковой репрезентации времени. В отличие от объективного времени, которое зачастую выражается в языке с помощью маркеров точности, субъективное время всегда тесно связано с человеческим восприятием и сознанием. Временной отрезок с объективно одинаковой длительностью в разные жизненные моменты может ощущаться одним и тем же субъектом как более короткий или как более продолжительный в зависимости от различных обстоятельств событийного и эмоционального фона. Именно субъективность наполняет темпоральность различными смысловыми оттенками и представляет ее как механизм, способный репрезентировать индивидуальную оценку и коллективный опыт переживаемого времени, причем в толковых словарях, как правило, субъективность восприятия каких-либо значимых категорий не находит последовательного отражения (см.: [5]).

В статье остановимся на субъективных показателях категории времени в языке и рассмотрим их выражение на основе сопоставительного анализа двух временных отрезков различной длительности – **минута** и **год**, обозначаемых одноименными лексемами. Выбор данных единиц обусловлен их оппозиционным положением на шкале длительности, что позволяет наиболее наглядно показать, как особенности восприятия времени субъектом трансформируют осмысление разно протяженных временных интервалов. Рассмотрим две частотные оппозиционные субъективные модели, выделенные при анализе обеих единиц: «Растяжение временного интервала» и «Сжатие временного интервала».

В работе используется синхронно-диахронный подход: представлены три хронологических среза: XIX в. (вторая половина), XX в. (50–80-е гг.), XXI в. (начало века – 20-е гг.). Материалом является Национальный корпус русского языка (подкорпус художественной литературы) [6].

Модель «Растяжение временного интервала»

Рассмотрим примеры из фактического материала различных периодов.

XIX в.: *Прошла, быть может, одна минута, показавшаяся Екатерине Петровне целою вечностью* [Н.Э. Гейнце. Аракчеев (1898)]; *Длилась минута напряженного ожидания* [М.П. Старицкий. Молодость Мазепы // «Московский листок», 1898]; *Словно круглый год серое небо поливало несчастное село мелким дождем, да ветер свободно входил в раскрытые избы и вырывался на простор через праздные, никому не нужные трубы...* [А.Н. Апухтин. Между жизнью и смертью (1892)]; *Должно быть, в церковь внесли. Который уже год чистим. Я дал сторожу рублевую бумажку* [К.К. Случевский. Мой дядя. Из воспоминаний успокоившегося человека (1898)];

XX в.: *Тянулась, тянулась страшнейшая минута в жизни – щёки их горели, соединённые, – он не двигался!* [Александр Солженицын. В круге первом (1968)]; *Прошла длинная минута. «А кто это спрашивает?» – уже другим голосом спросила девушка ...* [И. Грекова. Под фонарем (1963)]; *Шло время, каждая минута для него была мучительно длинна ...* [Эдуард Хруцкий. Осень в Сокольниках (1983)]; *Снегири хоть целый год и не видели котлов, а воображают* [Юрий Коваль. Про них (1988)]; *Я лег на верхнюю полку и, глядя на потолок, вспоминал день за днем весь этот тревожный и длинный год* [К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность (1954)];

XXI в.: *И сейчас, пока истекает эта минута, им ничего не стоит это сделать* [Евгений Эдин. Танк из веника // «Октябрь», 2013]; *Минута длилась долго, успела мелькнуть мысль, что гости передумали, или мне все привиделось* [Елена Негода. Чужая дача (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 30.11.2003]; *Снег не заканчивался, и весь бесконечный год был тоже впереди – просто Миша этого ещё не знал...* [Михаил Блехман. Римские цифры // «Ковчег», 2012]; *Устали они ужасно. Тяжелый год. И конца-края ему не видно* [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)].

В фактическом материале XIX в. единица **минута** выступает в большей степени как маркер психологически напряженного момента для субъекта, который замедляет происходящие события, а в некоторых случаях действие ощущается как «поставленное на паузу»; единица **год**, «растягиваясь», выражает иное значение – исчерпанности терпения, отсутствия перемен или вынужденной монотонности бытия. В фактическом материале XX в. акцент в контекстах с единицей **минута** смещается на ситуации, происходящие в обыденной жизни, когда ожидание становится особенно томительным, а растяжимость **года** проявляется не в отсутствии событий, а в их избыточности, эмоциональной наполненности (как правило, с оттенком «минора») и повторяемости. В фактическом материале XXI в. **минута** сохраняет оттенок бытовой обыденности, приобретая в некоторых контекстах ощущение психологической тревожности и неопределенности, интервал **год**, в свою очередь, воспринимается не просто долгим, а потенциально бесконечным из-за своей «тяжести», граница между годом и дующимся состоянием стирается.

В представленную модель входят контексты, в которых единицы **минута** и **год** утрачивают свое объективное значение ‘временной промежуток 60 секунд’ и ‘временной промежуток 365 (366) дней’, и начинают номинировать более продолжительные по субъективным ощущениям темпоральные отрезки.

Использование лексемы **минута** в таком значении помогает выразить психологизм, акцентировать внимание на внутреннем эмоциональном состоянии субъекта, обозначить относительность в восприятии времени. Такое употребление единицы **минута** в приведенных и аналогичных примерах связано со стремлением передать момент ожидания, который обычно ощущается как более длинный временной интервал (в сравнении с временным интервалом, наполненным действиями). Искажение временного восприятия связывается также с эмоциональными ситуациями высокой интенсивности, когда субъект не способен критически оценивать происходящее и время как объективную астрономическую величину, в таких случаях короткий интервал времени может ощущаться как более долгий или бесконечно долгий. Это указывает на диссонанс между действительным течением времени и его восприятием субъектом.

Лексема **год** в рамках данной модели приобретает семантику предельной, исчерпывающей длительности, переживаемой как тяжелое время, ожидание или безысходность. Ядро в данной модели образует оппозиция между объективной продолжительностью, фиксированностью временного интервала и его субъективной растяжимостью. Объективно продолжительность года остается неизменной, однако в зависимости от обстоятельств он предстает как длинный, тяжелый, бесконечный, тревожный, долгий и т.д. Названные атрибуты не описывают временную протяженность как таковую, а квалифицируют субъективную оценку внутри объективно продолжительного отрезка времени.

Сопоставляя способы выражения единиц **минута** и **год** в рамках данной модели, отметим некоторые важные различия в механизме растяжения временных интервалов. Для единицы **минута** механизмом выступает предельная эмоциональная насыщенность краткого интервала (своего рода обратная пропорциональность) – чем больше переживаний в единицу времени, тем медленнее оно течет, или чем короче единица времени, тем сильнее ощущается ее драматичность при растяжении.

Лексема *год* совмещает оба представленных механизма, обозначаемый отрезок может быть растянут как в результате отсутствия событий и монотонности времени, так и вследствие большой событийной плотности и эмоциональной насыщенности (обычно речь идет о негативных событиях). Помимо этого, за счет большей объективной продолжительности выраженная единицей *год* растяжимость воспринимается более глобально, создавая ощущение бесконечности времени. Говоря о растяжении единицы *минута*, отметим, что растяжимость времени выступает на максимальном контрасте между краткостью отрезка и безграничной продолжительностью в восприятии субъекта. В случае с *годом* говорить о таком контрасте не представляется возможным из-за его объективно большей продолжительности.

Минута в приведенных и аналогичных примерах выступает как маркер предельного сжатого во времени, но при этом внутренне развернутого момента, связанного с ожиданием и/или напряжением. В такого рода контекстах растяжение момента во времени создает эффект мгновения, поставленного на паузу, за этот недлительный промежуток времени субъект успевает прожить целый ряд эмоциональных состояний (обычно речь идет о таких эмоциях, как страх, надежда, волнение и т.д.). Лексема *год*, напротив, репрезентирует длительность фонового состояния, охватывающего значительный жизненный цикл субъекта. В таких контекстах он способен утрачивать свою календарную конечность и ощущаться как потенциально бесконечное в своей тяжести состояние.

Таким образом, если растяжение *минуты* предполагает внутреннюю событийность и некоторую надежду на разрешение (и окончание) ситуации, то отрезок *год* демонстрирует застой и ощущение тягостной бесконечности, где само понятие интервала утрачивает границы и определенность.

Модель «Сжатие временного интервала»

Приведем примеры из материала различных периодов.

XIX в.: *Пролетела минута, двое лакеев взяли его под руки...* [А.Ф. Писемский. Котик (1851)]; *Год промелькнул незаметно в этих оскорбительных мелочах* [И.Л. Леонтьев-Щеглов. Корделия (Страничка жизни) (1889)]; *Год летел за годом неуловимо в благословенном городке* [З.Н. Гиппиус. Легенда (1896)];

XX в.: *И тут она не выдержала, обвисла в его руках, рыдания прорвались помимо ее воли, и он, усадив ее на диван и опустившись рядом, стал гладить ее по голове, по плечам, целуя мокрое лицо, щеки, губы, глаза, лоб, почти физически чувствуя, что каждая новая минута становится короче и короче* [Петр Проскурин. Черные птицы (1983)]; *Всего минута подарена мне и Каричке, я уже беспокоюсь за эту минуту* [Евгений Велтистов. Глоток солнца (1967)]; *Бои происходили в районах, которые лишь год назад вошли в состав СССР...* [Аркадий Львов. Двор (1981)];

XXI в.: *Минута – и они у подъезда ближайшего дома* [Лев Дворецкий. Шакалы (2000)]; *Минута, не больше, нужна, чтобы совершить обратный марш, закрыть за собой дверь собственной квартиры и перевести дух* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]; *Ее муж только год как ушел с «производства» (Керамический завод) и стал гражданином великого Архипелага ПБОЮЛ – т.е. предпринимателем без юридического лица* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]; *Всего-то год назад, а кажется, что в другой жизни* [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)].

В фактическом материале XIX в. лексема *минута* связана с внутренним эмоциональным состоянием субъекта, сменой его настроения, единица год означает 'поток, который «летит» сам по себе'. В фактическом материале XX в. в контекстах с единицей *минута* сохраняется акцент на психологизме, однако прослеживается связь внутренне-

го состояния субъекта с внешними (часто драматичными) обстоятельствами, а *год* выступает как временной отрезок, в состав которого могут входить глобальные на социальном и субъективном уровне события – смена государственных границ, эпох, необратимое взросление и т.д. В фактическом материале XXI в. прослеживается стремление к отражению прагматичных ситуаций, однако отрезок *минута* начинает обладать большей динамичностью, а сжатие отрезка *год* становится свойством самого течения времени, календарный *год* воспринимается менее длительной величиной (по сравнению со своей объективной астрономической протяженностью) из-за высокой событийной плотности.

В данную модель мы включили контексты, в которых единицы *год* и *минута* перестают выражать свою объективную длительность и воспринимаются как менее продолжительные отрезки времени.

Изначально обладая значением короткого отрезка времени, лексема *минута* в приведенных и аналогичных примерах становится по значению более динамичной (*пролетела минута, минута – и они у подъезда, каждая новая минута становится короче*), приобретает оттенок незначительного отрезка времени (*всего минута, минута не больше нужна*). Можно говорить о том, что в данном случае лексема *минута* номинирует не «короткий отрезок времени», а «очень короткий временной интервал», т.е. представлено явление так называемой семантической редукции. По определению Е.П. Сеничкиной, семантическая редукция – это «сокращение числа дифференциальных признаков языковой единицы по сравнению с намеренно заменяемой» [7]. Е.П. Сеничкина также отмечает, что данное явление корректно рассматривать только на уровне контекста или высказывания [8].

Причинами искаженного восприятия временного интервала *год* могут быть внешние обстоятельства (политические изменения, смена жизненного этапа, война, переезд) или внутреннее состояние субъекта (эмоциональная усталость, стресс и другие психоэмоциональные состояния). В данном случае *год* выступает как интервал, который оказывается недостаточным для адаптации к произошедшим переменам. На первый план выходит контраст между двумя состояниями («до» и «после»), где *год* является переходной точкой, границей, в которой проходит это деление. В ретроспективе прослеживается сжатие продолжительного временного отрезка до одного мгновения, отделяющего одну жизненную ситуацию от другой.

Языковыми маркерами в такого рода контекстах обычно выступают конструкции *всего год назад, только год как, лишь год прошёл*, указывающие на контраст между объективной длительностью и субъективной плотностью изменений. Отрезок *год* может сжиматься не только из-за насыщенности событиями, но и из-за их отсутствия в жизни субъекта. Рутинная, повторяющаяся деятельность, погруженность в однообразные занятия делают время незаметным. Создается ощущение, что календарный *год* ускоряется сам по себе, независимо от внешних обстоятельств. При ретроспективном рассмотрении *год* воспринимается не как интервал, наполненный различными событиями, а как практически пустой промежуток, отмеченный только самим фактом своего стремительного прохождения: *годы промелькнули, он и не заметил их*.

Сопоставляя единицы *минута* и *год* в рамках названной модели, отметим, что изначальная краткость *минуты* в условиях «сжатия» времени делает данную единицу едва уловимым мгновением; продолжительность *года* не позволяет ему стать мгновением (т.е. номинативный объем единицы сохраняется), но сокращает его субъективно воспринимаемую протяженность – он остается годом, но ощущается значительно короче своей календарной протяженности. *Минута* сжимается под влиянием внутреннего состояния субъекта (эмоциональные ситуации, психологическое напряжение и пр.), *год* же ощущается более коротким по двум внешним по отношению к субъекту причинам – из-за высокой плотности событий (глобальные общественные перемены) и/или отсут-

ствия событий и рутины, в этом случае время становится незаметным из-за однообразных и повторяющихся действий.

Таким образом, в рамках указанной модели нами установлена следующая закономерность. Чем короче исходный интервал (*минута*), тем более сфокусированно и ситуативно происходит сжатие обозначаемого интервала, а его границы либо стираются, либо сохраняются, но теряют весомость. Чем длиннее отрезок (*год*), тем масштабнее характер его сжатия, оно охватывает не отдельный эпизод, а целые циклы или этапы жизни, при этом границы отрезка осознаются субъектом и указывают на контраст между объективной продолжительностью и субъективной краткостью.

Проведенный анализ языковой репрезентации временных интервалов *минута* и *год* подтверждает мысль о том, что время в языке не является прямой проекцией физического и астрономического времени. Рассмотренные оппозиционные по длительности временные отрезки (*минута* и *год*) в зависимости от контекста способны утрачивать показатели своей объективной продолжительности и передавать субъективное ощущение времени. Обозначенные модели «Растяжение временного интервала» и «Сжатие временного интервала» демонстрируют как общие черты, так и существенные различия, связанные с неодинаковой длительностью интервалов. *Минута*, как более ситуативная единица, демонстрирует большую гибкость к изменениям и быстрее «откликается» на смену событий, *год*, как единица, связанная с жизненными этапами, номинирует более масштабные изменения восприятия времени не только отдельным человеком, но и обществом. Синхронно-диахронный анализ временных единиц показал, что противопоставление «*минута* – *год*» по шкале объективной длительности сохраняет свое значение на протяжении всех рассматриваемых периодов, но механизмы растяжения и сжатия, а также смысловые оценки, связанные с субъективным восприятием интервала, подвергаются изменениям.

Таким образом, субъективное время в языке представляет собой не совокупность отклонений от объективной нормы, а самостоятельную семантическую систему с внутренней логикой. Язык способен репрезентировать время не только как последовательность действий, но и как процесс переживания эмоций, событий и др. Предложенный в исследовании подход позволяет раскрыть темпоральность как один из наиболее точных инструментов передачи ареоцентрической картины мира.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
3. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55, № 3. С. 3–24.
4. Маллаева З.М., Маликова С.М. Актуализация концепта «время» во фразеологических единицах русского языка // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 40. Вып. 3. С. 70–76.
5. Милованова М.В. Гендерные стереотипы в толковых и толково-переводных словарях русского языка в аспекте социальной эксклюзии, инклюзии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23, № 4. С. 16–30.
6. Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.03.2026).
7. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2002.
8. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012.

1. Bondarko A.V. Funkcional'naya grammatika: Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990.
2. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997 (Yazyk. Semiotika. Kul'tura).
3. Kravchenko A.V. Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennom yazyke // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 1996. T. 55, № 3. S. 3–24.
4. Mallaeva Z.M., Malikova S.M. Aktualizaciya koncepta «vremya» vo frazeologicheskikh edinicah russkogo yazyka // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2025. T. 40. Vyp. 3. S. 70–76.
5. Milovanova M.V. Gendernye stereotipy v tolkovykh i tolkovo-perevodnykh slovaryah russkogo yazyka v aspekte social'noj eksklyuzii, inkluzii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2024. T. 23, № 4. S. 16–30.
6. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka // URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 03.03.2026).
7. Senichkina E.P. Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke. M.: Izd-vo Mosk. gos. obl. un-ta, 2002.
8. Senichkina E. P. Evfemizmy russkogo yazyka: speckurs. 2-e izd., ster. M.: Flinta, 2012.

***Temporal compression and expansion: the semantics of subjectiveness
(based on the lexical units “minute” and “year”)***

The peculiarities of representation of subjective and evaluative perception of time in Russian are considered. Based on the material of the National corpus of the Russian language with the use of synchronic and diachronic method there is conducted the comparative analysis of the lexical units “minute” and “year”. Two models of subjective perception of time - time interval stretching and compression, are analyzed. The different shades of meaning of subjectiveness, reflected in the semantics of the lexical units “minute” and year, are defined.

Keywords: *time line, subjective perception of time, time interval stretching, time interval compression, synchronic and diachronic analysis, lexical unit “minute”, lexical unit “year”.*

(Статья поступила в редакцию 11.05.2026).

ВАН ЦЗИНЬЛИН

ЮАНЬ ЛИИН

ЧЖАО ЧУНЬЮЙ

Чанчунь (КНР)

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ КЛАССИЧЕСКИХ АЛЛЮЗИЙ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ СИ ЦЗИНЬПИНА

Рассматривается одна из важных характеристик выступлений китайского лидера Си Цзиньпина – использование классических аллюзий или цитат для выражения своих философских и политических идей и инициатив. Анализируется происхождение классических цитат, использованных в разных политических ситуациях и содержательно дополненных положениями собственной концепции китайского лидера на основе сочетания истории прошлого и современности. Установлено, что во всех выступлениях китайского лидера применяются классические аллюзии, в которых всегда концентрируются его позиции, идеи и инициативы в разрешении внутригосударственных и внешнеполитических вопросов. Классические аллюзии или цитаты в выступлениях китайского лидера Си Цзиньпина служат мощным инструментом передачи глубоких философских и политических идей через доступные культурные образы, укрепляют связь между современной политикой и традиционной китайской мудростью, придавая решениям историческую преемственность и моральную легитимность, способствуют формированию единого национального самосознания и укреплению социального доверия.

Ключевые слова: выступления Си Цзиньпина, классические аллюзии, философские идеи, политические идеи, интерпретация.

Философские и политические идеи китайского лидера Си Цзиньпина отражены в его выступлениях и статьях по случаю важных политических событий в Китае и за рубежом. Для формулирования и иллюстрации своих идей и инициатив, связанных с управлением страной и обеспечением международного порядка, Си Цзиньпин часто использует цитаты из древнекитайских классических произведений. Эти изречения, в которых излагается опыт разных философских школ древнего Китая, имеют глубинные идеологические и контекстуальные смыслы. В выступлениях Си Цзиньпина эти изречения используются для анализа реальных международных обстоятельств, выдвижения идей и инициатив в создании мирных и гармонических межгосударственных отношений, выражения надежды и пожеланий во время государственных визитов, выявления человеческих качеств, необходимых для кадровых сотрудников на разных административных должностях и т.д.

Аллюзии из древних классических произведений имели важное контекстуально-историческое значение в тот период, когда они были созданы, но в выступлениях Си Цзиньпина они приобрели связь с современностью. Классические цитаты становятся рекомендациями для управления внутренней жизнью страны, выражения китайской мирной политической позиции, оценки реальных международных ситуаций и китайского отношения к происходящему во внешнем мире.

Классические аллюзии вызывают большой интерес с точки зрения понимания центральных идей и глубинных смыслов выступлений Си Цзиньпина.

Понимание, интерпретация и перевод имплицитных смыслов этих классических цитат часто вызывают большие трудности. Необходимо разъяснение как первоначаль-

ных исторических ситуаций, в которых эти цитаты возникли, так и их современных конотативно-контекстуальных значений, предлагаемых китайским лидером.

Си Цзиньпин очень часто использует цитаты из классических философских трудов, которые тесно связаны с его собственными мыслями об управлении государством и обществом. В выступлениях Си Цзиньпина по внутригосударственным вопросам и проблемам внешней политики для обоснования собственных суждений и позиций употребляются различные классические аллюзии. С увеличением количества выступлений Си Цзиньпина появляется все больше новых цитат из китайской классики.

В книге Ян Чжэньу «Классические аллюзии в речах Си Цзиньпина» (“习近平用典”) [1] выделены 135 наиболее часто употребляемых классических аллюзий, многократно использованных в выступлениях Си Цзиньпина с 2002 г. по 2015 г. В этих цитатах сконцентрированы его идеи по управлению страной и инициативы в создании сообщества единой судьбы человечества [3].

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые древние изречения, использованные в выступлениях и статьях китайского лидера. Объясним их происхождение, контекстуальные значения в оригинальном тексте и в актуальном индивидуальном контексте; определим философские и политические идеи китайского лидера, применившего цитаты, а также установим прагматические функции классических аллюзий, позиционирование своих идей, представление Китая как миролюбивого государства, выявление китайской позиции по созданию многополярного мира, упорядочению международной жизни как зоны ответственности великой страны.

1. Классические аллюзии в китайской традиции

В китайском языке слово 典故 diǎn gù (классические аллюзии) появилось во времена династии Цинь (221–207 гг. до н.э.). В китайском словаре «Цихай» (“辞海”) и в «Этимологическом словаре Циюань» (“辞源”) у этого слова два объяснения: первое – ‘древние кодовые системы, прошлые события’; второе – современное значение. В вышеуказанных словарях и в «Современном словаре китайского языка» выражение 典故 diǎn gù интерпретируется как ‘используемые в стихотворениях истории из древних книг и слова, имеющие историческое происхождение’ [5] (Перевод наш – В.Ц., Ю.Л., Ч.Ч.).

Классические аллюзии подразделяются на фразеологические цитаты, исторические цитаты, литературные цитаты и культурные цитаты. Их использование в стихотворениях повышает эмоционально-экспрессивную тональность текста, поэтому применение классических цитат стало актуальным стилистическим приемом в древней и современной поэзии Китая. В древних классических произведениях “礼记” («Лицзи»), “尚书” («Шаншу»), “山海经” («Шаньхайцзин»), “诗经” («Шицзин»), “论语” («Лунььюй»), “春秋” («Чуньчу»), “战国策” («Чжэньгоцэ») и др. были записаны и сохранены многие истории и легенды, связанные с цитируемыми выражениями.

Впервые использовать исторические аллюзии, ссылки на мифы и легенды начал поэт-патриот Чюй Юань (屈原), живший в поздний период династии Чжэнго (475–221 гг. до н.э.).

По мнению Чжан Люйсяна, классические аллюзии представляют собой цитируемые в стихотворных произведениях концентрированные готовые изречения, поговорки и пословицы на основе обобщения, реконструкции и перестраивания исторических рассказов. Они имеют такие характеристики, как историчность, завершенность, языковая концентрированность, креативность автора и письменное оформление [4, с. 41–50].

Ци Вэньсян предлагает определять классическую аллюзию как речевое выражение с трех сторон: 1) имеет ли она историческое происхождение, 2) часто ли упоминается она последующими поколениями, 3) имеет ли она особое содержание и подтекст в определенном контексте [2, с. 8–9]. Эти особенности становятся необходимыми условиями для определения речевых единиц как классических аллюзий. Классические цита-

ты приобретают более глубокие значения, включая метафорические, метонимические и другие коннотативные смыслы на основе имеющихся исторических и контекстуальных значений в цитируемом тексте. Последующие поколения ссылаются на них, именно исходя из их целостных контекстуальных смыслов в сочетании с современными ситуациями, а не просто повторяя или пересказывая данные цитаты.

Классические аллюзии в китайском языке представляют собой слова, словосочетания и предложения. Но они семантически не являются сложением каждого элемента этих единиц, а имеют целостный смысл как фразеологические единицы. Стандартами определения классических аллюзий являются интегрированное значение целостных речевых единиц, единство частей и семантики всех речевых единиц цитаты [2, с. 17].

С течением времени при использовании в разных контекстах классические аллюзии изменяли свой смысл.

2. Классические аллюзии в выступлениях Си Цзиньпина

Со времени вступления в должность (2012) Си Цзиньпин использовал классические аллюзии, источниками которых была не только традиционная древнекитайская классика, но и поговорки, пословицы и афоризмы других народов, во многих своих выступлениях.

Используя классические цитаты, китайский лидер выражает свое мнение о важнейших международных проблемах, знакомит со своими размышлениями об актуальных вопросах управления страной, представляет свою позицию в регулировании международных отношений и в разрешении различных международных ситуаций. Цитируемые китайским лидером изречения весомы для управления страной, демонстрируют его основные стратегии в разрешении внутренних и внешних противоречий. Используемые им классические аллюзии носят политический характер, в то время как употребление древних цитат отражает творческую трансформацию и инновационное развитие традиционной китайской культуры в современном понимании.

Китайский лидер Си Цзиньпин своей практикой использования классических цитат дает пример возрождения шедевров, показывая, как и что именно можно извлечь из древних философских произведений, как можно применить их концепции в современных условиях, какого результата можно достичь, применяя классические аллюзии в воспитании и формировании высокой морали у китайских граждан. Умение использовать классические цитаты из древних книг и трансформировать их для выдвижения своих инициатив и требований в решении возникающих политических и социальных проблем страны – это не только отражение компетентности и стиля руководства, но и способ модернизации управления страной с помощью мудрости древних философов [3, с. 3].

Некоторые цитаты были использованы Си Цзиньпином многократно. Раскрытие имплицитных смыслов этих классических аллюзий в зависимости от конкретных контекстов, очень важно и актуально для правильного понимания и распространения их на разных языках. Классические литературные произведения не имеют ограничений во времени. Последующие поколения обязаны постоянно изучать, интерпретировать и использовать их содержание, чтобы принимать, развивать их концепции подчеркивать их непреходящую ценность для управления обществом [1, с. 214].

Классические аллюзии в выступлениях китайского лидера вызывают резонанс у адресата, придавая живость, уникальность, формируя особый стиль его выступлений. Не все сразу могут понять их значения и скрытые смыслы, их полное понимание всегда предполагает обращение к источникам, изучению их происхождения, установлению связи ассоциируемых компонентов древнего текста с современными сравниваемыми объектами и постижению их целостного коннотативного значения для данного контекста.

Далее мы рассмотрим классические цитаты, неоднократно повторяющиеся в выступлениях китайского лидера в разных ситуациях в силу их глубинной афористичности и актуальности для современного управления страной.

3. Философские идеи классических аллюзий, используемых в выступлениях Си Цзиньпина

Большинство цитат, использованных в выступлениях Си Цзиньпина, взяты из традиционных китайских классических произведений и являются изречениями историков, ученых и политиков. Эти классические аллюзии содержат глубинные философские идеи, которые до сих пор имеют актуальное значение для управления обществом и налаживания взаимоотношений между разными государствами. Китайский лидер Си Цзиньпин, извлекая из древних текстов философские идеи, прикладывая передаваемые ими исторические ситуации и инициативы к реальной внутригосударственной или внешнеполитической обстановке, использует классические аллюзии для выражения своих собственных политических взглядов и идей управления государством и обеспечения международного порядка.

В некоторых часто используемых классических аллюзиях китайским лидером сконцентрированы философские идеи обеспечения гармоничного мира, создания общества единой судьбы человечества, которые подчеркиваются в разных ситуациях.

Приведем некоторые примеры классических цитат, которые были многократно использованы в выступлениях китайского лидера на темы: «Ответственность перед миром» (“天下”), «О вере и убеждениях Китая» (“信念”), «Концепция управления страной» (“为政”), «Концепция добросовестного исполнения обязанностей» (“笃行”), «Концепция использования талантов» (“任贤”) и «Концепция уважения народа» (“敬民”). Возьмем по одному примеру использования классической цитаты на каждую тему. Проанализируем их контекстуальные смыслы в диахроническом плане, уточним выбранное китайским лидером актуальное современное значение, выявим содержащуюся в этих цитатах концентрацию философских и политических идей для решения внутригосударственных и международных проблем.

3.1 Ответственность перед миром

В 12 выступлениях* на эту тему Си Цзиньпин повторял цитату “大道之行也。天下为公” / «Когда Великий Путь царит в Поднебесной, мир становится общим достоянием всех людей», подчеркивая внешнеполитическую стратегию Китая с целью создания сообщества единой судьбы человечества. Это высказывание происходит из конфуцианской классики Китая «Лицзи. Лиюнь» (“礼记·礼运”). Авторами этой книги были ученики Конфуция и их ученики. В этом произведении обсуждались вопросы происхождения ритуалов, способы реализации ритуалов и их социальные роли для управления обществом. В книге были выдвинуты идеи о полной согласованности и гармонии общества в Поднебесной. Первоначальный контекст был таким:

“大道之行也，天下为公，选贤与能，讲信修睦。故人不独亲其亲，不独子其子，使老有所终，壮有所用，幼有所长，矜寡孤独废疾者皆有所养，男有分，女有归。货恶其弃于地也，不必藏于己；力恶其不出于身也，不必为己。是故谋闭而不兴，盗窃乱贼而不作，故外户而不闭。是谓大同。” / «Когда Великий Путь царит в Поднебесной, мир становится общим достоянием всех людей. Люди выбирают тех, кто обладает высокими нравственными качествами и сочетает в себе добродетель и талант, и поручают им управлять государством. Каждый ценит честность и добросовестность, и все живут в мире друг с другом. Люди не только считают своих родственников родными, не только своих детей – своими детьми, но и обеспечивают пожилым место, где они могут дожить свой век, молодым – работу, чтобы прокормить семью, маленьким детям – место, где они могут расти здоровыми, а вдовцам, вдовам, сиротам, инвалидам и одиноким старикам – поддержку со стороны общества. Мужчины имеют свои обязанности, а жен-

* Здесь и далее упоминаются тексты выступлений, размещенных на сайте Центрального народного правительства КНР <https://www.gov.cn/>. Конкретные названия выступлений см. в Перечне выступлений Си Цзиньпина, представленном в конце статьи, пп. 1–12.

щины – свое пристанище. Что касается богатства, люди не любят, когда оно пропадает зря, но, подобрав его, не обязательно припрятывают его у себя. Все готовы отдавать силы общему делу, а не обязательно стремиться к личной выгоде. Поэтому не возникают коварные замыслы, отсутствуют кражи, мятежи и злодеяния, и поэтому нет нужды плотно закрывать ворота. Вот что такое общество Великого Единства» (Здесь и далее перевод наш – В.Ц., Ю.Л., Ч.Ч.).

Выражение “大道之行也，天下为公” / «Когда Великий Путь царит в Поднебесной, мир становится общим достоянием всех людей» стало цитатой с самой высокой частотностью в выступлениях китайского лидера на различных международных мероприятиях. Он вкладывал в это выражение собственное понимание, свою интерпретацию. В древнем Китае под словом “天下” имелся в виду весь мир под небом как общая семья, а Китай находился в середине этого мира, этой семьи. В отличие от концепции древних философов, выдвинувших идею общей семьи под небом, Си Цзиньпин рассматривал Поднебесную как весь мир с единой судьбой, а Китай – как одного из членов сообщества всего человечества. Слово “大道” (‘Великий путь’) выражает, по его мнению, идеи справедливости и правосудия, к которым стремится все человечество. Он постоянно расширяет смысл этого понятия, рассматривая как общее достояние и ценность всего человечества мир, развитие, справедливость, правосудие, демократию, равноправие и свободу. Осуществление этих ценностей должно быть высокой целью ООН – так Си Цзиньпин прокомментировал эту цитату в выступлении на общих прениях 70-й Генеральной ассамблеи ООН в 2015 г. Цитируя это выражение, китайский лидер развивал идею о Великом единстве всего человечества, выражал общую мечту всех народов о социальной справедливости и правосудии. В данном выступлении китайский лидер 5 раз использовал обращение “主席先生、各位同事！” (букв. «Господин председатель, коллеги!») – в начале выступления, при переходе к каждому разделу речи и при подведении итогов. После первого обращения он напомнил миссию учреждения ООН для обеспечения мирового порядка. После второго обращения он обобщил исторический опыт, высказался о китайских потерях и вкладе в борьбу с японским милитаризмом на восточном фронте во время Второй мировой войны, а также об извлеченном из войны уроке, подчеркнув, что надо помнить историю, нельзя допускать противостояние между странами. После третьего обращения он подчеркнул, что ООН должна стоять на новой исторической точке отсчета, уделять внимание вопросам мира и развития всего человечества. Он также высказал суждение, что формирование многополярного мира, подъем стран с новыми рынками и развивающихся стран становятся необратимой тенденцией процесса истории. И после этого в этой же части он выдвинул идею о создании мирного, гармоничного многополярного мира как высокой цели человечества, где должны процветать такие общечеловеческие ценности, как мир, развитие, справедливость, правосудие, демократия, свобода. Прилагаем ниже этот фрагмент текста с цитируемой классической цитатой:

“大道之行也，天下为公。”和平、发展、公平、正义、民主、自由，是全人类的共同价值，也是联合国的崇高目标。目标远未完成，我们仍须努力。当今世界，各国相互依存、休戚与共。我们要继承和弘扬联合国宪章的宗旨和原则，构建以合作共赢为核心的新型国际关系，打造人类命运共同体。为此，我们需要作出以下努力”。

Вслед за этим он детально раскрыл конкретные аспекты, по которым мы должны стремиться к созданию сообщества единой судьбы человечества. Далее после четвертого обращения он подчеркивал китайские инициативы и конкретные шаги для достижения такой высокой цели. После пятого обращения он высказал намерение и желание китайского правительства сотрудничать со всеми странами для достижения мира, развития, процветания и справедливости во всем мире.

Как мы видим, использованная цитата “大道之行也，天下为公。” находится в начале центральной части выступления, занимает главное место для интерпретирования философской идеи создания общей семьи Поднебесной. Эта цитата становится обосно-

ванием для выдвижения политической инициативы Си Цзиньпина о создании сообщества единой судьбы всего человечества. Содержащаяся в древней цитате китайская мудрость сразу привлекла внимание всех слушателей на Ассамблее ООН.

Приведенная выше цитата была использована многократно и в других контекстах, включая официальные заседания в Китае и международные встречи. Надо отметить, что на китайских заседаниях эта цитата и другие философские изречения перечисляются в основном для подчеркивания того, чтобы китайцы помнили и исполняли традиционные китайские мудрости. Во всех выступлениях китайского лидера на международной арене с помощью этой цитаты были выдвинуты идеи мирного развития и создания сообщества единой судьбы человечества:

“世界格局正处在一个加快演变的历史性进程之中，新兴市场国家和发展中国家崛起已经成为不可阻挡的历史潮流。“大道之行也，天下为公。”当今世界，各国相互依存、休戚与共，我们要顺势而为，推动构建以合作共赢为核心的新型国际关系，打造人类命运共同体” / «Мировой порядок находится в процессе ускоренной исторической трансформации, а подъем стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран стал неудержимой исторической тенденцией. “Когда путь великой дороги проложен, мир становится общим достоянием”. В современном мире все страны взаимозависимы и разделяют общие судьбы; мы должны следовать этому тренду, содействовать построению новых международных отношений, основанных на принципе взаимовыгодного сотрудничества, и создавать сообщество с общей судьбой для всего человечества» (Речь в Конгрессе Перу, 21 ноября 2016 г.).

“国家不分大小、强弱、贫富，都是国际社会平等成员，理应平等参与决策、享受权利、履行义务。要赋予新兴市场国家和发展中国家更多代表性和发言权。<...>

第四，坚持公平包容，打造平衡普惠的发展模式。“大道之行也，天下为公。”发展的目的是造福人民。要让发展更加平衡，让发展机会更加均等、发展成果人人共享，就要完善发展理念和模式，提升发展公平性、有效性、协同性” /

«Независимо от размера, силы, богатства или бедности, все государства являются равноправными членами международного сообщества и должны на равных участвовать в принятии решений, пользоваться правами и выполнять обязанности. *Необходимо предоставить странам с формирующейся рыночной экономикой и развивающимся странам больше представительства и права голоса. <...> В-четвертых, следует придерживаться принципов справедливости и инклюзивности, создавая сбалансированную и всеобъемлющую модель развития. “Когда великий путь идет своим чередом, мир становится общим достоянием”. Цель развития – благо народа. Чтобы сделать развитие более сбалансированным, обеспечить равные возможности для развития и позволить каждому воспользоваться его плодами, необходимо совершенствовать концепции и модели развития, повышая их справедливость, эффективность и согласованность» (Программная речь на церемонии открытия Ежегодного заседания Всемирного экономического форума 2017, 17 января 2017 г.).*

3.2 О вере и убеждениях Китая

Для выражения убеждения в мирном и гармоничном развитии Китая лидер Си Цзиньпин многократно использовал в своих выступлениях* во время государственных визитов цитату “国虽大，好战必亡” / «Как бы ни была велика страна, если она воинственна, ей грозит гибель». Это цитата из первой главы «Человеколюбие как основа существования» знаменитого древнекитайского военного трактата «Сыма-фа» (“司马法”), который был написан Сыма Жанцзюй (司马穰苴) из государства Ци в конце периода Весны и Осени. Автор проповедовал идею справедливой войны, основанной на милосердии, и выдвинул стратегию укрепления государства под лозунгом «остановить

* См. Перечень выступлений Си Цзиньпина, пп. 13–22.

войну войной», выступая как против легкомысленного отношения к войне, так и против забвения о ней. Он написал: «Как бы ни была велика страна, но если она любит войну, то она непременно погибнет». В этом высказывании дается диалектический анализ взаимосвязи между осторожностью в отношении войны и готовностью к ней. Философская мысль заключается в следующем: 1) «Даже великая держава, склонная к войне, обречена на гибель» (т.е. войну нельзя вести без ограничений, к ней нужно относиться с осторожностью); 2) «Даже когда в мире царит мир, забывчивость о войне ведет к опасности» (т.е. нельзя терять бдительность в отношении войны, нужно в мирное время думать об опасности, усиливать чувство тревоги и быть начеку перед лицом военной угрозы).

“国虽大，好战必亡” / «Даже и великая страна, если она воинственна, то обречена на гибель» – эта фраза воплощает традиционную добродетель китайского народа, заключающуюся в том, что «мир – это самое главное, самое ценное». Си Цзиньпин неоднократно упоминал эту проникнутую восточной мудростью мысль в своих выступлениях на международной арене. Он отмечал, что идея мирного развития является неотъемлемой частью китайской культуры, а верность обещаниям, укрепление дружбы и гармония со всеми странами – основные принципы внешней политики Китая в отношении соседних государств. Процветание и расцвет Китая – это тенденция, но «сильная страна обязательно станет гегемоном» – это не закон развития истории. Китай больше всего нуждается в гармоничной и стабильной внутренней обстановке, в мирной и спокойной международной обстановке; любые потрясения и войны не соответствуют коренным интересам китайского народа. Если оглянуться на историю, то любая страна, пытавшаяся достичь своих целей развития с помощью силы, в конечном итоге терпела неудачу. Идти по пути мирного развития выгодно для Китая, выгодно для Азии и выгодно для всего мира; никакие силы не смогут поколебать веру Китая в мирное развитие. Китайский лидер постоянно использует эту цитату в международном общении для подчеркивания твердого убеждения Китая в необходимости мирного развития. Например, во время присутствия на совместном приветственном банкете, организованном местными органами власти штата Вашингтон и американскими дружественными организациями в городе Сиэтле (22 сентября 2015 г.), он выступил с программной речью. Это выступление можно разделить на 4 части. Первая часть посвящена благодарности всем дружественным лицам, которые оказывали усилия на благо дружбы и сотрудничества между Китаем и Америкой. Во второй части присутствующие знакомятся с успехами Китая как развивающейся страны после осуществления политики реформ и открытости, подчеркнул первостепенные задачи китайского правительства в улучшении уровня жизни и достижении всеобщего благосостояния китайского народа. Далее в третьей части – самой главной – идет речь о тенденциях развития и внешнеполитических стратегиях Китая. Именно в этой части Си коснулся вопросов стабильного и быстрого развития китайской экономики, необходимости проведения реформ как кардинального пути развития, поддержки политики открытости, приверженности основной стратегии управления страной в соответствии с законом, защиты сетевой безопасности, продолжении борьбы с коррупцией, пути мирного развития. Именно в этом последнем пункте использована цитата “国虽大，好战必亡” / «Как бы ни была велика страна, если она воинственна, ей грозит гибель». Рассмотрим фрагмент из оригинального текста:

“中国坚持走和平发展道路。我们刚刚纪念了中国人民抗日战争胜利暨世界反法西斯战争胜利70周年，历史给我们的一个重要启迪就是，和平发展是人间正道，一切通过武力侵略谋取强权和霸权的企图都是逆历史潮流的，都是要失败的。中国人2000多年前就认识到了“国虽大，好战必亡”的真理。中国历来奉行防御性国防政策和积极防御的军事战略。我愿在此重申，无论发展到哪一步，中国永远不称霸、永远不搞扩张。<...> 我们愿同各国一道，构建以合作共赢为核心的新型国际关系，以合作取代对抗，以共赢取代独占，树立建设伙伴关系新思路，开创共同发展新前景，营造共享安全新局面” / «Китай твердо придерживается пути мирного развития. Мы только что от-

метили 70-летие победы китайского народа в войне против японской агрессии и победу во Второй мировой войне. Один из важных уроков, который дает нам история, заключается в том, что мирное развитие – это верный путь для человечества, а любые попытки добиться господства и гегемонии с помощью вооруженной агрессии идут вразрез с историческим течением и обречены на провал. Еще более 2000 лет назад китайцы осознали истину: “Каким бы великим ни было государство, если оно воинственно настроено, оно обречено на гибель”. Китай всегда проводил оборонительную политику в области национальной обороны и использовал военную стратегию активной обороны. Я хотел бы здесь вновь заявить: каким бы ни был уровень развития Китая, он никогда не будет стремиться к гегемонии и экспансии. <...> Мы готовы строить новые международные отношения, заменять противостояние и монополию взаимовыгодным сотрудничеством, формировать эффективные партнерские отношения, открывать перспективы совместного развития и создавать новую концепцию общей безопасности».

В этом выступлении китайский лидер перед американской публикой и всем миром вновь заявил, что Китай придерживается пути мирного развития и проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику не из соображений удобства, а в качестве своего стратегического выбора. Идея, выраженная словами: «Каким бы великим ни было государство, если оно воинственно настроено, оно обречено на гибель», – является постоянным и исторически последовательным принципом внешней политики Китая. Этой цитатой китайский лидер выдвинул концепцию создания сообщества единой судьбы человечества, подчеркивая, что Китай нуждается в мирной внешней обстановке для собственного развития и предлагает всем странам создать мирные партнерские отношения и общую безопасность для совместного развития. Ознакомление с историей возникновения этой цитаты, ее скрытым смыслом позволяет заключить, что речь идет о стратегии укрепления государства под лозунгом «Остановить войну войной». Цитата содержит предостережение странам, которые ведут политику милитаризма и монополии, объясняя, что Китай не начнет войну, но и не боится войны.

3.3 Концепция управления страной

“先天下之忧而忧，后天下之乐而乐” / «Беспокоиться о проблемах мира раньше всех и радоваться его радостям позже всех» – это концепция счастья, ориентированная на народ, которую Си Цзиньпин неоднократно цитировал*, говоря о том, как следует вести себя чиновнику. Это высказывание взято из сочинения «Записки о башне Юэян» писателя Фан Чжуняня династии Северная Сун.

Известный государственный деятель Фан Чжунянь из династии Северная Сун на протяжении всей своей жизни отличался честностью и неподкупностью, сочувствовал народу, был принципиальным и непоколебимым, решительно выступал за реформы, но впоследствии неоднократно подвергался клевете со стороны коварных вельмож и несколько раз был отправлен в ссылку. Знаменитая фраза из его сочинения «Записки о башне Юэян»: «Беспокоиться о бедах мира раньше всех и радоваться его радостям позже всех», – как раз и отражает всю его жизнь, посвященную любви к родине и заботе о народе.

В «Выступлении на симпозиуме слушателей курсов повышения квалификации секретарей уездных партийных комитетов в Центральной партийной школе» (12 января 2015 г.) Си Цзиньпин объяснил: чтобы быть хорошим секретарем уездного комитета партии, нужно всегда помнить о народе:

“全心全意为人民服务是我们党的根本宗旨。县委书记是直接面对基层群众的领导干部，必须心系群众、为民造福。大家心中要始终装着老百姓，先天下之忧而忧，后天下之乐而乐，做到不谋私利、克己奉公。对个人的名誉、地位、利益，要想得透、看得淡，自觉打掉心里的小算盘。要着力解决好人民最关心最直接最现实的问题，特别是要下大气力解决好人民不满意的问题，多做雪中送炭的事情” / «Служе-

* См. Перечень выступлений Си Цзиньпина, пп. 23–30.

ние народу всем сердцем и всей душой – это основополагающая цель нашей партии. Секретарь уездного комитета партии – это руководящий работник, непосредственно взаимодействующий с рядовыми людьми, и он должен заботиться о народе и приносить ему благо. Вы должны всегда помнить о простых людях, беспокоиться об их проблемах раньше, чем они сами, и радоваться их радостям позже, чем они сами, не стремиться к личной выгоде и быть самоотверженными. К репутации, положению и интересам нужно относиться с ясностью и сдержанностью, сознательно избавляясь от личных корыстных мотивов. Необходимо сосредоточить усилия на решении вопросов, которые волнуют народ, касаются его непосредственных и насущных интересов. Важно сделать все для устранения проблем, вызывающих недовольство народа, чаще совершать поступки, которые приносят реальную помощь в трудную минуту».

Си Цзиньпин в своих речах подчеркивает важный принцип действий чиновника/руководителя. Он отмечает, что на протяжении всей истории Китая многие выдающиеся руководители, чиновники считали своим долгом заботиться о бедах и страданиях народа; у чиновника должны быть политические устремления, выраженные в принципах «Беспокоиться о проблемах мира раньше всех и радоваться его радостям позже всех», и «Тот, кто не думает о народе, не имеет права быть руководителем». Си Цзиньпин призывал партийных членов и руководителей трезво оценивать себя и не придавать большого значения личной репутации, положению и интересам, сознательно избавляясь от корыстных мотивов. «Если мы будем чувствовать себя немного менее комфортно и немного менее свободно, то уровень комфорта и удовлетворенности народа будет выше, и его отношение к нам станет лучше». Так Си Цзиньпин понимал смысл приведенной выше цитаты. Он придал этой знаменитой фразе писателя новое значение в контексте современности, а именно: думать о народе, тесно связывать собственное счастье со счастьем народа и бороться за реализацию «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации. Эта идея является продолжением ключевой конфуцианской идеи о человеколюбии.

3.4 Концепция добросовестного исполнения обязанностей

Си Цзиньпин постоянно подчеркивает идею «Деловой подход – залог процветания страны». Для выражения этой концепции он 6 раз в выступлениях и статьях* использовал изречение Лао-цзы из 63 главы книги «Даодэцзин» («Книга о Пути и благой силе»): «图难于其易, 为大于其细。天下难事, 必作于易; 天下大事, 必作于细» /

«Стремиться к трудному, когда дело легко, и достигать великого, начиная с мелочей. Все трудные дела в мире необходимо начинать с легких; все великие дела в мире необходимо начинать с мелочей». Это изречение говорит нам о том, что для достижения великих и трудных целей нужно начинать с малого и легкого.

На встрече с преподавателями и студентами Пекинского университета он выступил с речью на тему «Молодежь должна сознательно следовать основным ценностям социализма» (4 мая 2014 г.). В этом выступлении он использовал много классических аллюзий для выражения мыслей о том, каким образом молодежь должна формировать и развивать основные ценности социализма. Приведем фрагмент его выступления:

“四是要笃实, 扎扎实实干事, 踏踏实实做人。道不可坐论, 德不能空谈。于实处用力, 从知行合一上下功夫, 核心价值观才能内化为人们的精神追求, 外化为人们的自觉行动。《礼记》中说: “博学之, 审问之, 慎思之, 明辨之, 笃行之。” 有人说: “圣人是肯做工夫的庸人, 庸人是不肯做工夫的圣人。” 青年有着大好机遇, 关键是要迈稳步子、夯实根基、久久为功。心浮气躁, 朝三暮四, 学一门丢一门, 干一行弃一行, 无论为学还是创业, 都是最忌讳的。“天下难事, 必作于易; 天下大事, 必作于细。” 成功的背后, 永远是艰辛努力。青年要把艰苦环境作为磨炼自己的机遇, 把小事当作大事干, 一步一个脚印往前走。滴水可以穿石。只要坚韧不拔、百折不

* См. Перечень выступлений Си Цзиньпина, пп. 31–36.

挠，成功就一定在前方等你” / «В-четвертых, нужно быть честным: добросовестно трудиться и вести себя честно и порядочно. О правильном пути нельзя только говорить, сидя в кресле, а о добродетели нельзя рассуждать на пустом месте. Только прилагая усилия на практике и стремясь к единству знания и действия, можно сделать так, чтобы основные ценности стали внутренним духовным стремлением людей и воплотились в их сознательных поступках. В «Книге ритуалов» говорится: “Изучай широко, расспрашивай тщательно, обдумывай внимательно, различай ясно, действуй искренне”. Кто-то сказал: “Святой человек – это обычный человек, готовый прилагать усилия, а обычный человек – это святой человек, не желающий прилагать усилия”. У молодежи есть прекрасные возможности, главное – делать уверенные шаги, укреплять фундамент и прилагать усилия на протяжении долгого времени. Неустойчивость и нетерпеливость, непостоянство, когда начинаешь учиться чему-то, но бросаешь это, начинаешь заниматься чем-то, но бросаешь это, – это самое страшное, чего следует избегать как в учебе, так и в предпринимательстве. “Все трудные дела начинаются с легких; все великие дела начинаются с мелочей”. За успехом всегда стоят упорные усилия. Молодежь должна рассматривать тяжелые условия как возможность закалить себя, относиться к мелочам как к важным делам и идти вперед шаг за шагом. Капля воды может пробить камень. Если вы будете стойкими и неуклонными, успех обязательно ждет вас впереди».

Си Цзиньпин с помощью этих изречений отметил, что за успехом всегда стоят упорные усилия. Великие дела складываются из мелочей, если проявлять стойкость и не сдаваться ни перед какими трудностями, успех обязательно придет. Такая же ситуация и с реформами. Наш принцип продвижения реформ заключается в том, чтобы действовать смело. Что касается проблем, которые уже возникли или могут возникнуть в процессе реформ, то трудности нужно преодолевать одну за другой, а проблемы решать одну за другой, смело нанося удары и умело парируя их, чтобы «бежать быстро, но шагать уверенно». «Бежать быстро, но шагать уверенно» – это своеобразное перефразирование слов Лао-цзы: «Планируй трудное, начиная с легкого; совершай великое, начиная с мелочи». Этими выражениями Си Цзиньпин подчеркнул, как надо себя вести, чтобы быть честным, добросовестным и полезным человеком.

3.5 Концепция использования талантов

В своей речи Си Цзиньпин шесть раз* процитировал знаменитую фразу “宰相必起于州部，猛将必发于卒伍。” из книги “韩非子·显学” («Сяньсюэ», гл. 50, «Славные учения»), написанной философом периода Воюющих царств Хань Фэй-цзы, который являлся представителем школы легизма конца периода Воюющих царств. Эта цитата имеет следующий смысл: «Великий канцлер обязательно выходит из рядов чиновников провинций, а отважный полководец – из рядов простых солдат». Хань Фэй-цзы отстаивал идею о том, что кадры для управления государством следует отбирать из числа практиков на низовом уровне, и подчеркивает важность практического опыта для высокопоставленных чиновников и военачальников. Эта точка зрения отражает характерную для древнекитайской философии концепцию отбора кадров, в которой большое значение придается практическому опыту.

Эта глава вошла в сборник произведений Хань Фэй-цзы и была создана на фоне исторических событий, когда аристократы боролись за господство, а различные школы философии вели оживлённую дискуссию. Суть этой главы заключается в критике идеологии конфуцианства и идеологии моизма, широко распространенных в обществе того времени, а также в систематическом изложении концепции легизма государственного управления, согласно которой «не следует стремиться к добродетели, а следует руководствоваться законом».

* См. Перечень выступлений Си Цзиньпина, пп. 37–42.

В своей речи и статье Си Цзиньпин много раз цитировал знаменитую фразу Хань Фэйцзы, что отражает его взгляды на подбор кадров. Используя эту цитату, китайский лидер отмечал, что практическая работа на местах является «полем для отработки навыков» подготовки и закалывания кадров, а местные органы власти, особенно на передовой линии, – это отличная школа для руководящих кадров, где они могут знакомиться с реальной ситуацией и учиться у широких масс, а также – серьезное испытание, позволяющее им отточить свой стиль работы и повысить свой профессиональный уровень. Работа на местах и на передовой линии, совместно выполненная с местными кадрами и массами, имеет решающее значение для руководящих кадров, особенно молодых, в плане развития лидерских качеств, накопления практического опыта и ускорения их политического созревания. Чем тяжелее условия, тем лучше закаляются качества руководителей и проверяется их стойкость. Нет ничего плохого в том, чтобы руководители «закалялись» – только укрепив фундамент, можно идти дальше и увереннее. Обладая богатым опытом работы на низовом уровне, кадровые работники смогут лучше формировать народную точку зрения, понимать реалии страны, осознавать потребности народа, постоянно накапливать в практике разносторонний опыт и профессиональные знания, а также повышать свою работоспособность. Отсталые регионы, места со сложными условиями работы, а также сферы деятельности, характеризующиеся высокой степенью сложности и множеством трудностей, являются важной площадкой для подготовки кадровых работников, а также тем направлением, на которое следует обращать внимание при подборе и назначении кадров. Эта цитата стала важной частью его концепции об управлении страной. Например, в «Выступлении на симпозиуме слушателей курсов повышения квалификации секретарей уездных партийных комитетов в Центральной партийной школе» (12 января 2015 г.) он подчеркивал важность уездных кадров для управления страной. Приведем фрагмент с этой цитатой:

“в нашей партийной структуре и государственной структуре, уездный уровень занимает ключевое положение, связывая вышние и низовые эшелоны, и является важной основой для развития экономики, обеспечения благосостояния населения, поддержания стабильности и содействия долгосрочному миру и процветанию в стране. Древние говорили: “Когда уезды и округа управляются должным образом, в стране царит мир”. Уездная система в нашей стране возникла в период Весны и Осени и была укреплена и развита благодаря внедрению системы округов и уездов в эпоху династии Цинь. На протяжении более двух тысяч лет уезд оставался базовой единицей государственной структуры нашей страны и стабильно существует по сей день.

Все династии Китая уделяли большое внимание отбору и назначению чиновников на уровне уезда. Еще древние люди сформулировали историческое наблюдение: “Великий канцлер обязательно начинает свою карьеру в провинции, а отважный полководец – в рядах солдат”. В истории многие известные деятели начинали свою политическую карьеру именно на уровне уезда. <...> Каждый уезд представляет собой практически полноценное общество: “Хоть он и мал, но в нем есть все необходимое”».

Си Цзиньпин часто цитировал эту классическую аллюзию, подчеркивал, что при отборе кадров необходимо уделять внимание опыту работы и закалыванию кадров на низовом уровне и формированию практических навыков.

3.6 Концепция уважения народа

Для выражения своего уважения и почтения к народным массам Си Цзиньпин в своих выступлениях и статьях 6 раз* использовал строки из стихотворения Чжэн Банчяо “潍县署中画竹呈年伯包大中丞括”: “衙斋卧听萧萧竹，疑是民间疾苦声。些小吾曹州县吏，一枝一叶总关情” / «Сидя в кабинете, я слушаю шелест бамбука, и мне кажется, что это голос народа, страдающего от бедствий. Мы, скромные чиновники уездных и окружных управлений, переживаем за каждую ветку и каждый листок». Эти строки написаны под картиной «Рисунок бамбука, выполненный в уездной администрации Уэйсяня и посвящённый старшему по возрасту Бао Ко, уездному судье».

Поэт Чжэн Банчяо является одним из «Восьми чудачков Янчжоу» династии Цин. Он подарил эту картину исполняющему обязанности губернатора Шаньдуна Бао Ко, когда занимал должность уездного судьи в уезде Вэй провинции Шаньдун. Картина была создана примерно в 11–12 гг. правления императора Цяньлуна. В то время в Шаньдуне случилось сильное наводнение, особенно сильно пострадал уезд Вэй, где было много голодающих. Чжэн Банчяо немедленно приказал «начать масштабные ремонтные работы и пригласить голодающих из ближних и дальних мест в свою администрацию, чтобы они могли прокормиться». Кто-то предложил сначала доложить об этом руководству, но он категорически отказался, сказав: «Какое время сейчас? Пока мы будем ходить по инстанциям и докладывать, народ вымрет до последнего человека. Если меня накажут, я приму это наказание на себя!». В стихотворении звук, производимый ветром, колышущим бамбук, ассоциируется с тяготами жизни простого народа, что отражает глубокую заботу и сочувствие автора к судьбе простых людей. Язык всего стихотворения прост и естественен, что отражает чувства заботы и ответственности поэта, который, находясь на государственной службе, не забывает о народе.

В своих речах и статьях Си Цзиньпин шесть раз цитировал это знаменитое стихотворение Чжэн Банчяо, написанное под картиной, чтобы подчеркнуть, что в интересах народа нет мелочей, а вопросы благосостояния народа важнее всего на свете, что в полной мере отражает его заботу о народе и его народную позицию. Он во многих выступлениях неоднократно подчеркивал важность работы кадровых работников на местах, говоря, что чиновники, занимающие скромные должности, играют большую роль. Например, в «Речи во время инспекции работы по борьбе с бедностью и развитию в уезде Фупин провинции Хэбэй» (29–30 декабря 2012 г.) он сказал:

“对各类困难群众，我们要格外关注、格外关爱、格外关心，时刻把他们的安危冷暖放在心上，关心他们的疾苦，千方百计帮助他们排忧解难。郑板桥有一首诗写道：“衙斋卧听萧萧竹，疑是民间疾苦声。些小吾曹州县吏，一枝一叶总关情。”我们共产党人对人民群众的疾苦更要有这样的情怀，要有仁爱之心、关爱之心，更多关注困难群众，不断提高全体人民生活水平” / «Мы должны уделять особое внимание, проявлять особую любовь и особую заботу обо всех категориях населения, находящихся в затруднительном положении, всегда помнить об их благополучии, сопереживать их страданиям и всеми силами помогать им преодолевать трудности. Чжэн Банчяо написал в одном из своих стихотворений: “Сидя в кабинете, я слушаю шелест бамбука, и мне кажется, что это голос народа, страдающего от бедствий”. Мы, скромные чиновники уездных и окружных органов, сопереживаем каждой ветке и каждому листику. Мы, коммунисты, должны с еще большей теплотой относиться к страданиям народа, иметь милосердное и заботливое сердце, уделять больше внимания людям, находящимся в затруднительном положении, и постоянно повышать уровень жизни всего народа. Судьба и благополучие простых людей всегда лежат у нас на сердце!».

Си Цзиньпин требовал, чтобы руководящие кадры всех уровней заботились о благополучии и благосостоянии народа, проявляли заботу о его страданиях и всеми сила-

* См. Перечень выступлений Си Цзиньпина, пп. 43–48.

ми помогали ему решать проблемы. «Все для народа, ради всего народа» – концепция уважения к народу, заботы об интересах народа, о его благосостоянии, ответственности за счастье народа становится стандартом проверки качества работы всех уровней руководящих кадров.

Подводя итоги, подчеркнем, что классические аллюзии чаще всего являются образной концентрацией собственных идей китайского лидера и китайской мудрости, связанных с решением внутригосударственных и актуальных международных проблем. Использование Си Цзиньпином классических аллюзий в разных ситуациях общения помогает выразить его ключевую философскую идею управления страной и создания мира с единой судьбой.

Образность китайских классических аллюзий вызывает трудности в понимании и в передаче коннотативных значений на другой язык. Чтобы достичь глубокого понимания роли китайских классических аллюзий в выступлениях Си Цзиньпина, переводчик должен знать исторические идеи каждой классической аллюзии и уметь соотнести их с современностью. Без интерпретации информации из древних источников невозможно точно понять и правильно передать философскую идею, скрывающуюся за каждой классической цитатой.

Классические аллюзии или цитаты в выступлениях китайского лидера Си Цзиньпина выполняют ряд функций: во-первых, они служат мощным инструментом передачи глубоких философских идей через доступные культурные образы; во-вторых, укрепляют связь между современной политикой и традиционной китайской мудростью, придавая решениям историческую преемственность и моральную легитимность; в-третьих, способствуют формированию единого национального самосознания и укреплению социального доверия. Такая языковая стратегия не только демонстрирует культурную уверенность, но и формирует в международном дискурсивном поле логику китайского нарратива, сочетающую в себе теплоту и силу, – извлекая уроки из прошлого для настоящего, передавая идеи через культуру и трогая сердца людей.

Список литературы

1. 刘军平. 施莱尔马赫异化翻译策略之历史文化成因探究. 武汉大学学报(人文科学版). 2015. 68 (02): 114–120.
2. 亓文香. 汉语典故词语的词汇化研究. 九州出版社. 2020年. 302页。
3. 杨振武. 习近平用典. 人民日报出版社. 2015.
4. 张履祥. 典故·典故系列和典故辞典的编纂[J].辞书研究. 1996. (04): 41–50.
5. gov.cn // URL: <https://www.gov.cn> (дата обращения: 30.04.2026).
6. cihai.com.cn//URL: <https://www.cihai.com.cn/search?type=cihai&q=%E5%85%B8%E6%95%85> (дата обращения: 30.04.2026).

* * *

1. Liu Junping. An Exploration of the Historical and Cultural Origins of Schleiermacher's Strategy of Alienation in Translation // Journal of Wuhan University (Humanities Edition). 68 (02). P. 114–120.
2. Qi Wenxiang. A Study on the Lexicalization of Chinese Idiomatic Expressions. Jiuzhou Publishing House. 2020.
3. Yang Zhenwu. Xi Jinping's Use of Classical Allusions. People's Daily Press. 2015.
4. Zhang Luxiang. Classical Allusions, Allusion Series, and the Compilation of Allusion Dictionaries [J]. Lexicography Research. 1996. (04). P. 41–50.

Перечень выступлений Си Цзиньпина

(<https://www.gov.cn>)

1. Программная речь на встрече на высшем уровне между Коммунистической партией Китая и мировыми политическими партиями (1 декабря 2017 г.).

2. Добиться окончательной победы в деле построения общества умеренного благосостояния и одержать великую победу в деле развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху (18 октября 2017 г.).
3. Программная речь на церемонии открытия Ежегодного заседания Всемирного экономического форума 2017 (17 января 2017 г.).
4. Речь в Конгрессе Перу (21 ноября 2016 г.).
5. Речь на симпозиуме с участием представителей интеллигенции, передовых работников и молодежи (26 апреля 2016 г.).
6. Выступление в ходе общей дискуссии на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (28 сентября 2015 г.).
7. Выступление на симпозиуме слушателей курса подготовки секретарей уездных комитетов партии в Центральной партийной школе (12 января 2015 г.).
8. Выступление на международном научном симпозиуме, посвященном 2565-й годовщине со дня рождения Конфуция (24 сентября 2014 г.).
9. Выступление на торжественном собрании по случаю 65-летия со дня образования Китайской народной политической консультативной конференции (21 сентября 2014 г.).
10. Выступление во время совместного интервью с представителями СМИ четырех стран Латинской Америки (14 июля 2014 г.).
11. Выступление на торжественном собрании, посвященном 60-летию провозглашения пяти принципов мирного сосуществования (28 июня 2014 г.).
12. Выступление на беседе с преподавателями и студентами Пекинского университета (4 мая 2014 г.).
13. Выступление в Национальном университете Сингапура (7 ноября 2015 г.).
14. Выступление на совместном приветственном банкете, организованном местными органами власти штата Вашингтон и американскими дружественными организациями (22 сентября 2015 г.).
15. Выступление в парламенте Пакистана (21 апреля 2015 г.).
16. Выступление в Федеральном парламенте Австралии (17 ноября 2014 г.).
17. Выступление на приеме по случаю 65-летия образования Китайской Народной Республики (30 сентября 2014 г.).
18. Выступление на открытии Международного научного симпозиума, посвященного 2565-летию со дня рождения Конфуция, и V Генеральной ассамблеи Международной федерации конфуцианства (24 сентября 2014 г.).
19. Выступление в Индийском совете по международным делам (18 сентября 2014 г.).
20. Выступление в Сеульском национальном университете (Республика Корея) (4 июля 2014 г.).
21. Выступление на мероприятиях по случаю 60-летия Китайской ассоциации международной дружбы и Всекитайской ассоциации дружбы с зарубежными народами (15 мая 2014 г.).
22. Выступление в Фонде Кольбера (Германия) (28 марта 2014 г.).
23. Выступление на XIX съезде академиков Китайской академии наук и XIV съезде академиков Китайской инженерной академии (28 мая 2018 г.).
24. Выступление на симпозиуме с участием представителей интеллигенции, передовых работников и молодежи (26 апреля 2016 г.).
25. Выступление на симпозиуме со слушателями курса повышения квалификации секретарей уездных партийных комитетов в Центральной партийной школе (12 января 2015 г.).
26. Речь на симпозиуме по вопросам литературы и искусства (15 октября 2014 г.).
27. Речь на торжественном собрании по случаю 100-летия Ассоциации выпускников европейских и американских вузов (21 октября 2013 г.).
28. Речь на торжественном собрании по случаю 80-летия Центральной партийной школы и церемонии открытия весеннего семестра 2013 года (1 марта 2013 г.).
29. Не будь чиновником, если в сердце нет народа («Новые речи о реке Чжицзян») (5 января 2004 г.).
30. Выступление при проверке ситуации с рыночным снабжением и ценами в праздничные дни («Действовать на практике, идти в авангарде») (30 декабря 2003 г.).
31. Выступление на беседе с членами руководящих коллективов и представителями сотрудников и работников подразделений Генерального секретариата ЦК (8 мая 2014 г.).

32. Выступление на беседе с преподавателями и студентами Пекинского университета (4 мая 2014 г.).
33. Речь в Европейском институте в Брюгге (1 апреля 2014 г.).
34. Речь на закрытии третьего пленума XVIII ЦК (12 ноября 2013 г.).
35. Не будь чиновником, если в сердце нет народа («Новые записки из Чжицзяна») (5 января 2004 г.).
36. Размышления о политике («Избавление от бедности») (март 1990 г.).
37. Выступление на симпозиуме слушателей курса подготовки секретарей уездных партийных комитетов в Центральной партийной школе (12 января 2015 г.).
38. Выступление на тематическом собрании членов постоянного комитета уездного партийного комитета Ланькао (9 мая 2014 г.).
39. Выступление во время совместного интервью с представителями СМИ стран БРИКС (19 марта 2013 г.).
40. Несколько размышлений о формировании кадрового состава (1 марта 2009 г.).
41. Чем тяжелее условия, тем лучше закаляются качества кадров («Новые размышления о реке Чжицзян») (13 сентября 2006 г.).
42. Размышления о политической деятельности («Избавление от бедности») (март 1990 г.).
43. Выступление на симпозиуме слушателей курсов для секретарей уездных партийных комитетов в Центральной партийной школе (12 января 2015 г.).
44. Выступление на симпозиуме по вопросам литературы и искусства (15 октября 2014 г.).
45. Выступление на тематическом собрании по вопросам демократической жизни постоянного комитета уездного партийного комитета уезда Ланькао (9 мая 2014 г.).
46. Речь во время инспекции работы по борьбе с бедностью и развитию в уезде Фупин провинции Хэбэй (29–30 декабря 2012 г.).
47. Не будь чиновником, если в сердце нет народа («Новые заметки из Чжицзяна») (5 января 2004 г.).
48. Речь во время проверки ситуации с рыночным снабжением и ценами в праздничные дни («Действовать на практике, идти в авангарде») (30 декабря 2003 г.).

The philosophical ideas of classical allusions in Xi Jinping's speeches

One of the important characteristics of the Chinese leader Xi Jinping's speeches is the use of classical allusions or quotations for the expression of his philosophical and political ideas and initiatives. The origin of classical quotations, used in different political situations and substantially supplemented by the states of the personal concept of the Chinese leader on the basis of combining the history of the past and modern times, is analyzed. It is stated that the classical allusions, that are always focused on Xi Jinping's viewpoints, ideas and initiatives to solve the inner state and foreign policy issues, are used in all speeches of the Chinese leader. The classical allusions or quotations in Xi Jinping's speeches function as the powerful tool of transferring the deep philosophical and political ideas by the means of available cultural images, strengthen the connection between the current policy and the traditional Chinese wisdom, giving the decisions the historical continuity and moral legitimacy, and support the development of the unified national consciousness and the improvement of social trust.

Keywords: *speeches by Xi Jinping, classical allusions, philosophical ideas, political ideas, interpretation.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2026).

**КОНЦЕПТ «ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЬ» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА:
ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНЫЙ АСПЕКТ**

Макроконцепт «эксцентричность» рассматривается с позиции его логико-понятийного компонента в русской лингвокультуре. Учитываются подходы к изучению эксцентричности в философской и психологической парадигмах. Анализу подвергаются лексические средства объективации данного концепта в русском языке. Результаты исследования позволяют выделить параметры эксцентричного коммуникативного поведения.

Ключевые слова: *концепт, лексико-семантическая группа, макроконцепт, коммуникативный параметр, понятие, эксцентричность.*

Благодаря антропоцентрическому подходу к исследованию языка стало возможным возникновение таких взаимно дополняющих друг друга направлений лингвистической науки, как концептология, аксиологическая и когнитивная лингвистика, обращение к языковым фактам, в которых концепт рассматривается как средство доступа к языковому сознанию, а язык предстает как проекция восприятия окружающей действительности носителями языка. Ментальные образования, выделяемые в языковом сознании и транслируемые в коммуникативной репрезентации, фиксируют представления о разнообразных фрагментах окружающей действительности и традиционно именуются концептами.

Несмотря на неугасающий интерес и многократные обращения лингвистов к центральной фигуре языка – человеку, приходится констатировать отсутствие в современной лингвистике комплексного распределенного концептуального пространства, интегративного представления функционально-смысловой сферы, маркирующей различные ипостаси человека.

Мы разделяем точку зрения В.И. Убийко на сложную структуру концептосферы естественного языка и выделяемых в ней иерархически связанных суперконцептов, макроконцептов и базовых концептов [12; 13]. Наибольшим по объему и количеству заполняющих его параметров ментальным образованием выступает суперконцепт «человек», сопряженный со всеми сферами его жизнедеятельности. Соответственно, макроконцепты выступают ментальными единицами более низкого яруса.

«Под макроконцептом понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [10, с. 116]. Макроконцепты интегрируют в себе идеи и представления о внутреннем мире, эмоциях, сознании человека и его взаимодействии с внешним миром. Думается, в макроконцептуальном пространстве можно дифференцировать интернальные и экстернальные базовые концепты. К интернальным концептам (концептам внутреннего мира человека), отражающим категориальные и ценностные характеристики знаний о психических свойствах и эмоциональных состояниях человека, его характере, интеллектуальных способностях, следует отнести в частности «ум», «глупость», «душа», «чувство», «сердце» и т.п.

Экстернальные концепты, связанные с репрезентацией отношений человека с окружающим миром, формируют сложную совокупность представлений об особенно-

стях презентации себя в социуме, о способах, видах и средствах коммуникативного взаимодействия носителя языка.

В настоящем исследовании эксцентричность понимается как макроконцепт, который в своем концептуальном пространстве объединяет ментальные единицы базового уровня, соотносимые с внутренним миром и характером внешнего взаимодействия человека.

Сегодня не вызывает возражений факт, что концепт рассредоточен в разнообразных языковых знаках – лексико-фразеологических, паремиологических единицах, фиксирующих различные фрагменты картины мира. Сфера языковой репрезентации составляет одну из сфер объективации концепта. Нельзя не вспомнить, что «концепт вступает во взаимодействие с другими элементами языка, которые уточняют и обогащают его содержание» [1, с. 32]. Методика распрямления концепта к настоящему времени апробирована в бесконечном множестве работ и сводится к определенному алгоритму, включающему в первую очередь обсуждение предыстории концепта, в том числе с помощью этимологического анализа его имени, логико-понятийное моделирование в сочетании с дефиниционной интерпретацией синонимических средств манифестации концепта. Согласно В.И. Убийко, равноуровневые концепты представляют собой «объемные ментальные образования, вбирающие в себя не только инвариант значений репрезентирующего его слова, но и инвариант словообразовательного гнезда и одноименного семантического поля» [13, с. 39]. Сказанное является теоретико-методологической основой для настоящего исследования, которое представляет собой первый шаг в процедуре извлечения сути концепта «эксцентричность».

Лексема, номинирующая концепт, восходит к *eccentricus* (средневеков. лат.), производного от греческого *ekkentros* (вне центра), от *ek-* ‘не’ + *kentron* ‘центр’. Аналогично в латинском приставка *ex* означает ‘вне’, существительное *centrum* – ‘круг’ [3; 4]. Согласно этимологическим источникам, слово эксцентричный первоначально появляется в статусе неологизма и фиксируется в качестве астрономического термина, означавшего «круг, в котором Земля, Солнце и т.д. отклоняются от своего центра». Позднее семантика слова расширяется, в результате переосмысления слово эксцентричный начинает использоваться для характеристики человека или поведения, выходящего за рамки стандарта, находящегося вне пределов обычного круга людей или действий [4].

Для настоящего исследования значимыми также являются научные взгляды и представления об эксцентричности, сформировавшиеся в рамках психологии и философии.

В ряде философских работ эксцентричность была представлена «такими характеристиками, как неопределенность, непредопределенность, пограничность человеческого существа, неукорененность, безродность, конститутивная беспочвенность, бездомность» [5, с. 619]. С философской точки зрения, эксцентричность выступает как *специфический способ бытия человека и одно из метафизических оснований одиночества. В понимании философов эксцентричность* предстает как «отношение человека, которое не приемлет состояния полного покоя и равновесия», вследствие чего это «означает для человека постоянное колебание между необходимостью поиска отсутствующего равновесия и новым стремлением устранить равновесие, уже достигнутое в культуре и в общественной жизни» [8, с. 50].

Психологическая парадигма предлагает полярные взгляды на природу эксцентричности, рассматривая ее либо как интенциональное поведение человека, обусловленное его свободным выбором [16], либо как неосознаваемое поведение человека, не отдающего себе отчет о собственной эксцентричности [14]. *Любопытным является, на наш взгляд, мнение психологов о том, что эксцентричные люди более счастливы и менее подвержены заболеваниям, чем остальные: «There is also pretty solid proof that eccentrics are healthier than the norm. In Great Britain, where health care is free, the average person goes to the doctor twice a year, while eccentrics will typically go for eight or nine years without*

seeking medical help. It's not that they're avoiding doctors or don't believe in conventional medicine. They just don't need it much» [16] / Существуют довольно веские доказательства того, что эксцентрики здоровее обычных людей. В Великобритании, где медицинское обслуживание бесплатное, среднестатистический человек обращается к врачу два раза в год, в то время как эксцентрики, как правило, обходятся без медицинской помощи восемь-девять лет. Дело не в том, что они избегают врачей или не верят в традиционную медицину. Просто в этом нет необходимости (Перевод наш – Н.П.). *По мнению автора*, эксцентрики очень изобретательны и любопытны, умны, самоуверенны, обладают чувством юмора и ведут нестандартный образ жизни [Там же].

Переходя к понятийной конкретизации обсуждаемого концепта, мы не можем не констатировать факт дефицита четкой и семантически точной представленности понятийного содержания соответствующего номинанта в отечественной лексикографии. Приведем данные словарей:

ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЬ – I ж. 1. Вызывающая оригинальность; необычность, странность. 2. Эксцентричный поступок, эксцентричное высказывание. 3. Обострённо комедийное изображение нелепых действий, персонажей и действительности (в театре, в кино, на эстраде) [6];

ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЬ, -и; ж. 1. Необычность, странность, вызывающая оригинальность [2];

ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ, -ая, -ое; -чен, -чна (книжн.). Вызывающе оригинальный, необычный до странности [9];

ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ -ая, -ое; -чен, -чна, -чно. Книжн. 1. Необычный, странный, вызывающе оригинальный. Э-ая мода. Э. наряд. Э-ое поведение. Э-ые манеры. Э. рисунок. 2. Крайне своеобразный, склонный к причудам, странным поступкам. Э. молодой человек. Э-ая натура. Э. характер [7].

Выделение семантических компонентов, понятийное осмысление лексического значения слова ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЬ затруднено, что обусловлено как логическими дефиниционными «кругами», прочно обосновавшимися в толковых словарях русского языка, так и высокой степенью абстрактности анализируемого понятия. Тем не менее приведенные лексикографические толкования служат исходной точкой для дефиниционного анализа синонимических средств, участвующих в интерпретации изучаемого понятия:

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ – отвлеч. *сущ.* по значению прил.: оригинальный. ОРИГИНАЛЬНЫЙ – что-то своеобразное, самобытное [6];

НЕОБЫЧНОСТЬ – отвлеч. *сущ.* по значению прил.: необычный. НЕОБЫЧНЫЙ – 1. Не такой, *как* обычно, *как* всегда. 2. Не такой, *как все, как у всех* [6];

СТРАННОСТЬ – *только* ед. *отвлеч.* *сущ.* к странной. СТРАННЫЙ – Необычный, непонятный, вызывающий недоумение [9].

В результате анализа дефиниций и выявления синонимических средств-репрезентантов обсуждаемого концепта обнаруживаем, что логико-понятийный компонент содержания макроконцепта «эксцентричность» представлен несколькими лексико-семантическими группами.

ЛСГ1 существительных, выражающих значения эксцентричности: самобытность, необыкновенность, оригинальность, затейливость, оригинальничание, экстравагантность, экстраординарность, причудливость, необычность, странность, чудачество, чудаковатость, непривычность, своеобразность.

ЛСГ2 адвербиальных характеристик эксцентричного поведения: затейливо, необыкновенно, необычно, непривычно, оригинально, причудливо, самобытно, своеобразно, странно, чудаковато, экстравагантно, экстраординарно, эксцентрично / эксцентрически.

ЛСГ3 существительных, обозначающих носителя эксцентричного поведения: эксцентрик, актер, артист, клоун, комик, оригинал, сумасброд, чудака, чудачина, чудик, чудила, чудодей.

ЛСГ4 прилагательных, обозначающих характеристику эксцентричного человека: эксцентричный / эксцентрический, необыкновенный, необычайный, беспримерный, исключительный, особенный, редкий, самобытный, своеобразный, странный, причудливый, оригинальный, феноменальный, экстравагантный, экстраординарный, чудаковатый, чудаческий, чудной, неподражаемый, заполошный.

Характеристики эксцентричного человека / поведения дополняются примерами: выходящий за рамки, выходящий за границы принятого, выходящий за пределы обычного, мозги набекрень, с закидонами, с заскоками, с левой резьбой, с прибабахом, с приветом, с чудинкой [11]. Эксцентричность противопоставляется банальности, тривиальности, обычности / обыкновенности, заурядности, привычности, нормальности, обезличенности.

В конечном итоге содержательный минимум понятия «эксцентричность» включает следующие основные семантические признаки: 1) индивидуальность, неповторимость; 2) контраст с общепринятым поведением / нормой; 3) независимость от мнения и взглядов окружающих; 4) эмоциональная реакция окружающих. Выделенные семантические признаки лексического значения слова, номинирующего одноименный концепт, могут семантически прирастать и приобретать новые воплощения в сочетаемостной экспликации или в контекстуальной динамике.

Нет сомнений, что эксцентричность выступает одной из характеристик человеческого поведения. Языковая форма репрезентации внутреннего содержания анализируемого концепта служит инструментом анализа особенностей эксцентричного коммуникативного поведения, в котором, как нам представляется, можно выделить следующие основные параметры: 1) степень коммуникабельности; 2) формальность / неформальность общения; 3) намеренность / ненамеренность; 4) степень деструктивности общения; 5) учет фактора адресата. Предложенные параметры эксцентричного коммуникативного поведения являются лишь первым приближением к их обсуждению. Определение их релевантности, а также их уточнение с последующим выделением конкретизирующих их коммуникативных признаков станет возможным после обращения к сфере текстовой проекции анализируемого концепта, что составит перспективу исследования.

Список литературы

1. Асадуллаева А.В. Понятийные характеристики лингвокультурного концепта «тайна» в английской и русской картинах мира // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2025. № 1(9). С. 32–35.
2. Большой толковый словарь русского языка / Общ. ред. С.А. Кузнецова // URL: <https://gramota.ru> (дата обращения: 31.01.2026).
3. Википедия. Свободная энциклопедия // URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.53624a3c-69833530-f2de5627-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Eccentricity_\(behavior\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.53624a3c-69833530-f2de5627-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Eccentricity_(behavior)) (дата обращения: 31.01.2026).
4. Голь Н.М. Занимательный этимологический словарь. М., СПб.: АСТ; Сова, 2007 // URL: etymology_gol.academic.ru/397/эксцентричный (дата обращения: 31.01.2026).
5. Денисова Т.Ю. Эксцентричность человека как философская проблема // В мире научных открытий. 2011. №5.1 (17). С. 618–624.
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/269928/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 29.01.2026).

7. Кузнецов С.А. Толковый словарь // URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения: 31.01.2026).
8. Новичкова Г.А. Историко-философские очерки западной педагогической антропологии. М.: Институт философии РАН, 2001.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994.
10. Пименова М.В. Концептуальные исследования сферы внутреннего мира // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 112–118.
11. Тришин В.Н. Словарь синонимов. 2013 // URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 23.01.2026).
12. Убийко В.И. Концептосфера в семантическом пространстве языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 5. С. 37–40.
13. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: комплексный функционально-когнитивный словарь. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1998.
14. Marcus G.E. On eccentricity // *Rhetorics of self-making*. University of California Press, 1995. P. 43–58.
15. Weeks D.J. Eccentrics: they live longer, happier and are odd! – interview with author. 1996 // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.2915f45a_69839254_51eb72ff_74722d776562/https/web.archive.org/web/20041119003838/https://www.findarticles.com/p/articles/mi_m0876/is_n75/ai_18356303 (дата обращения: 27.01.2026).
16. Weeks D.J., James J. Eccentrics: a study of sanity and strangeness. New York: Villard Books, 1995.

* * *

1. Asadullaeva A.V. Ponyatijnye harakteristiki lingvokul'turnogo koncepta «tajna» v anglijskoj i russoj kartinah mira // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2025. № 1 (9). S. 32–35.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Obshch. red. S.A. Kuznecova // URL: <https://gramota.ru>. (data obrashcheniya: 31.01.2026).
3. Vikipediya. Svobodnaya enciklopediya // URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en/ru.53624a3c69833530f2de562774722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Eccentricity_\(behavior\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en/ru.53624a3c69833530f2de562774722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Eccentricity_(behavior)) (data obrashcheniya: 31.01.2026).
4. Gol' N.M. Zanimatel'nyj etimologicheskij slovar'. M., SPb.: AST; Sova, 2007 // URL: etymology.gol.academic.ru/397/ekscentrichnyj (data obrashcheniya: 31.01.2026).
5. Denisova T.Yu. Ekscentrichnost' cheloveka kak filosofskaya problema // *V mire nauchnyh otkrytij*. 2011. № 5.1 (17). S. 618–624.
6. Efremova T.F. Sovremennyy tolkovyj slovar' russkogo yazyka // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/269928/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (data obrashcheniya: 29.01.2026).
7. Kuznecov S.A. Tolkovyj slovar' // URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (data obrashcheniya: 31.01.2026).
8. Novichkova G.A. Istoriko-filosofskie ocherki zapadnoj pedagogicheskoy antropologii. M.: Institut filosofii RAN, 2001.
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Az'', 1994.
10. Pimenova M.V. Konceptual'nye issledovaniya sfery vnutrennego mira // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2002. № 1. S. 112–118.
11. Trishin V.N. Slovar' sinonimov. 2013 // URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (data obrashcheniya: 23.01.2026).
12. Ubijko V.I. Konceptosfera v semanticheskom prostranstve yazyka // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004. № 5. S. 37–40.
13. Ubijko V.I. Konceptosfera vnutrennego mira cheloveka v russkom yazyke: kompleksnyj funkcional'no-kognitivnyj slovar'. Ufa: Bashkir. gos. un-t, 1998.

***The concept “eccentricity” in the Russian-language world picture:
logical and conceptual aspect***

The macroconcept “eccentricity” is discussed from the perspective of its logical and conceptual component in the Russian linguistic culture. The approaches to the study of eccentricity in the philosophical and psychological paradigms are taken into consideration. The lexical means of objectification of this concept in the Russian language are analyzed. The results of the study allow to reveal the parameters of eccentric communicative behaviour.

Keywords: *concept, lexical semantic group, macroconcept, communicative parameter, notion, eccentricity.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2026).

С.Я. БАЛХОВА

Ш.Н. МУРОДБЕКОВА

Душанбе

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА
«ГОСТЕПРИИМСТВО» В ВАХАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Лингвокультурологический анализ концепта «гостеприимство» в ваханском и русском языках направлен на исследование его ядра и периферии, а также на выявление культурно-специфических способов его выражения. Особое внимание уделяется таким составляющим концепта, как душевность, забота, хлебосольство и радушие. На основе анализа лексикографических источников, пословиц, художественной литературы и результатов анкетирования проведено сравнительное исследование, позволяющее выявить как универсальные, так и национальные специфические черты концепта «гостеприимство».

Ключевые слова: *лингвокультурология, концепт, гостеприимство, ваханский язык, русский язык, культурные ценности.*

Феномен «гостеприимство» относится к числу важных этических категорий, регулирующих взаимоотношения людей в социуме. О высоком ценностном статусе гостеприимства свидетельствует его активная вербализация в разных культурах. Гостеприимство, рассматриваемое как релевантный концепт культуры, претерпевает определенные изменения, обусловленные экстралингвистическими обстоятельствами.

Исследование концепта «гостеприимство» подразумевает выявление и анализ средств его языковой объективации и построение концептуальной модели (термин введен в научный оборот И.П. Михальчуком). Обращаясь к использованию данного концепта в условиях глобализации, мы обнаружили, что культурные различия между народами постепенно стираются. Традиционные формы гостеприимства уходят, трансформируются, забываются. В такой ситуации исследование лингвокультурологической концептуальной модели становится особенно важным: оно позволяет зафиксировать живую культурную память народа, пока она ещё существует в языке и в сознании носителей.

Наблюдение за двумя культурами – ваханской и русской – позволило выявить интересную закономерность: оба народа высоко ценят гостеприимство, однако выражают эту ценность по-разному. Разные слова, разные ритуалы, разный культурный контекст – и при этом единая человеческая суть.

Ряд учёных, исследующих структуру концепта, рассматривают её в двух аспектах [9]: ядро концепта – как центральный, устойчивый смысл, обладающий наибольшей степенью общности для всех носителей языка; периферию – как совокупность дополнительных образов и значений, варьирующихся в зависимости от культурно-исторического контекста и социальной среды. Степень универсальности элементов концепта обратно пропорциональна их удалённости от ядра [10]: чем ближе элемент к ядру, тем более универсальный характер он носит; чем дальше – тем более выраженной становится его культурная специфика.

В нашей работе ядром выступает концепт «гостеприимство», а ближайшим элементом к ядру выступает фигура гостя – именно вокруг нее выстраивается вся система концепта. Ключевой лексемой, репрезентирующей концепт «гостеприимство» в ваханском языке, является слово *мимон*, обозначающее гостя [8].

Периферию образуют такие понятия, как душевность, забота, хлебосольство и радушие. Анализ этих понятий позволит выявить общее и уникальное в русских и ваханских культурах.

Ваханский язык (*хйквѳр зик*) – восточноиранский язык памирской группы. Он используется как средство общения в горных районах по реке Пяндж. Особенностью данного языка является его бесписьменность, в связи с чем культурные традиции и ценности народа передаются преимущественно в устной форме [8].

В ваханской культуре душевность является, пожалуй, наиболее глубокой характерной чертой гостеприимства – той его стороной, которую можно только почувствовать, побывав в ваханском доме. Прием гостя никогда не воспринимается как формальная обязанность или социальный ритуал, который нужно выполнить. Напротив, он является искренним проявлением человеческой доброты и открытости. Хозяева стремятся не просто накормить гостя, но и выслушать его, поговорить с ним по-доброму, создать для него ощущение родственного тепла.

В русском же языке душевность гостеприимства закреплена в устойчивых выражениях: принять по-душевному, душевный разговор, душевный человек. Народная пословица Не красна изба углами, а красна пирогами отражает эту же идею: важна не внешняя красота приема, а его внутренняя теплота [5]. Забота в контексте гостеприимства – это практическое выражение уважения к гостю: накормить, обогреть, устроить на ночь. В словаре В.И. Даля забота определяется как попечение о благе гостя [4].

Забота в ваханской культуре является внешним, практическим выражением. Она проявляется в конкретных, хорошо отработанных действиях, которые следуют одно за другим с момента появления гостя на пороге. Первым проявлением заботы является подготовка места для гостя. Его приглашают занять *лупраж* – почетное место в традиционном памирском доме, которое по своему положению в пространстве жилища символизирует особое уважение к человеку. Само существование такого места в архитекту-

ре памирского дома свидетельствует о том, что уважение к гостю в ваханской культуре закреплено не только в языке и традициях, но и в физическом устройстве жилища. Для того чтобы гостю было удобно сидеть, ему приносят мягкие подушки – ворзик (бдок).

Почти сразу после того как гость садится, ему подают ширчай, соленый чай с молоком, который сопровождается лепешкой и сливочным маслом. Примечательно, что угощение следует незамедлительно: заставить гостя долго ждать считается проявлением невнимания. Одновременно с угощением хозяева интересуются состоянием гостя – спрашивают о его самочувствии, дороге и семье. Такой разговор служит не просто вежливостью, а способом показать искреннее участие в жизни человека, пришедшего в дом.

Если гость прибыл издалека или устал в дороге, хозяева заранее готовят постель и выделяют ему лучшую комнату. Если того требует ситуация – ради гостя забивают барана или приобретают в магазине лучшие продукты. Даже при скромных возможностях хозяева стараются принять гостя достойно.

Особенно важно, что забота о госте в ваханской культуре носит коллективный характер. Вся семья принимает участие в приеме: кто-то готовит пищу, кто-то приносит подушки и чай, кто-то остается рядом с гостем, чтобы поддержать беседу. Оставить гостя одного считается недопустимым – это могло бы создать у него ощущение, что его приходу не рады. В отличие от русской традиции, где прием гостя организует преимущественно хозяйка дома, в ваханской модели вся семья выступает единым субъектом заботы.

Сравнение показывает, что забота о госте присутствует в обеих культурах, однако в ваханской культуре она более ритуализированная – существуют конкретные обязательные действия. В русской культуре форма заботы более свободная и вариативная.

Хлебосоольство – понятие уникальное для русской культуры. Этимологически оно восходит к словам хлеб и соль – двум главным символам русского гостеприимства. В словаре В.И. Даля хлебосоольство определяется как радушие и щедрость в угощении гостей [4]. Традиция встречать гостей хлебом и солью сохранилась в русской культуре до наших дней. Эта традиция используется на официальных церемониях при встрече гостей. Выражение хлебосольный хозяин является высшей похвалой для человека, принимающего гостей.

В ваханской культуре хлебосоольство – это прежде всего щедрость стола, возведенная в культурный принцип. Появление гостя в доме воспринимается как особое событие, и именно поэтому хозяева стремятся накрыть для него стол, достойный праздника, – даже если визит был обычным и незапланированным. Традиционный достархан включает ширчай (соленый молочный чай), шурпу или плов, лепешки и сладости. Показательно, что хозяева внимательно следят за тем, чтобы чашка гостя никогда не оставалась пустой: человек, отвечающий за чай, обязан вовремя заметить, когда напиток заканчивается, и немедленно предложить новую порцию. Этот, казалось бы, небольшой жест несет в себе глубокий культурный смысл – гость не должен испытывать недостатка. Гостя принято настойчиво угощать, побуждая его не стесняться и чувствовать себя свободно. В таких ситуациях часто звучат слова: «Сак хыди ту чиз изош йав, йм ти хы хун» – «Почему ты стесняешься? Это ведь твой дом, мы ведь близкие люди». Эта фраза является ярким лингвокультурным маркером: через неё хозяин буквально передает гостю право чувствовать себя хозяином за столом. Хлебосоольство предполагает и особую ответственность за достойную организацию приема в целом. Важно, чтобы дом был чистым и аккуратным. Неподготовленность дома или скудный стол воспринимаются как серьезная неловкость для хозяев – свидетельство того, что они не оценили визит гостя должным образом.

Глубинный смысл ваханского хлебосоольства раскрывается через устойчивое выражение Атои Хзой – подарок от Бога. Именно так в ваханской культуре воспринимается гость. Это выражение, закрепленное в языке и передаваемое из поколения в поко-

ление, объясняет природу щедрости. Она является не демонстрацией достатка, а ответом на Божий дар.

Таким образом, хлебосольство в ваханской культуре выражает не просто материальную щедрость, но и глубокое духовное уважение к человеку, переступившему порог дома.

Слово радушие в русском языке образовано от двух корней: рад- и душа. Это отражает саму суть понятия – искренняя радость души от прихода гостя. В словаре С.И. Ожегова радушие определяется как сердечное, ласковое отношение к людям [7].

Радушие в ваханской культуре – это эмоциональная сторона гостеприимства. Примечательно, что встречать гостя выходит вся семья, каждый стремится произнести Хыш омадыв, что означает ‘добро пожаловать’. Особую культурную ценность представляют приветственные формулы, которые используются при встрече близких гостей. Часто звучит выражение Э хуб – хуб, *сно хунв гтытк* – О как хорошо, что вы нашли дорогу к нашему дому. Для близкого человека звучит развернутое шутивное приветствие Э Хубе Хубе сарт кырк, что по смыслу близко к русскому Сколько лет, сколько зим. Эти выражения содержат лёгкий дружеский упрек – хозяин как бы говорит гостю, что тот слишком редко приходит. Подобная шутка является не критикой, а напротив, самым теплым способом выразить радость от встречи. Важно, что такие формулы используются исключительно близкими людьми: с незнакомым гостем подобное обращение было бы воспринято как неуважение. Эти разграничения отражают тонкую культурную логику: форма радости зависит от степени близости, но сама радость безусловна для любого гостя.

Важной частью радушия является обязательность приветливости независимо от обстоятельств. Даже если хозяева устали или заняты, считается необходимым встретить гостя с улыбкой и добрыми словами. В ваханской культуре серьезным нарушением нормы считается показать усталость или недовольство при встрече с гостем, это может дать ощущение, что его приходу не рады. Радушие проявляется не только при встрече, но и на протяжении всего визита и при прощании. Хозяева никогда не торопят гостя с уходом – намекать на завершение визита считается недопустимым. Напротив, гостя стараются задержать подольше, поддерживая с ним беседу так, чтобы он не чувствовал ни неловкости, ни скуки. Гость сам принимает решение о времени ухода – и это тоже форма уважения к нему.

Следует отметить, что наиболее ярко национальная специфика концепта «гостеприимство» проявляется на паремиологическом уровне как русского, так и ваханского языков.

В русском языке забота о госте закреплена в пословицах: Гость на пороге – счастье в доме, Что есть в печи – все на стол мечи [5]. Примечательна традиция – сначала накормить гостя и только потом расспрашивать о цели визита. Это отражает приоритет заботы над любопытством.

Анализ собранного нами паремиологического материала позволил выделить несколько смысловых групп: а) пословицы, непосредственно относящиеся к приёму гостя: Хоть не богат, а гостям рад, Рад не рад, а говори: милости просим! [5]; б) пословицы, связанные со щедрым угощением: Не красна изба углами, а красна пирогами, Гостю щей не жалей, а погуще влей [Там же]. Примечательно, что в обоих случаях акцент делается не на внешнем богатстве дома, а на качестве и душевности угощения; в) пословицы, отражающие социальный характер концепта: В гости ходить – надо и к себе водить, Гостю – почёт, хозяину – честь [Там же].

В данном случае гостеприимство предстает не как односторонний акт доброжелательности, а как форма взаимного обмена, способствующая укреплению социальных связей между людьми. Особого внимания заслуживает внутреннее противоречие, зафиксированное в пословичном фонде. С одной стороны: Незванный, да желанный – лю-

бой гость желанен [5], с другой стороны, широко известно выражение Незванный гость хуже татарина – так говорили на Руси под татарским игом: внезапный гость хуже захватчика, грабящего дом. Это противоречие не является случайным, оно отражает реальную двойственность концепта в русской культуре, где идеал безусловного гостеприимства сталкивается с практическими ограничениями повседневной жизни.

Ценным источником для анализа концепта служит и русская классическая литература. Особое место среди источников занимает поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души». Три сцены приема главного героя у разных помещиков позволяют выявить различные грани концепта. Обращение к русской классической литературе как к источнику анализа концепта обусловлено её высокой степенью репрезентативности в отражении культурных и ценностных установок общества. В поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души» сцены приёма Чичикова у различных помещиков демонстрируют вариативность проявлений гостеприимства, обусловленную индивидуально-психологическими характеристиками персонажей и социальным контекстом. Тем самым художественный текст позволяет выявить не только нормативные представления о гостеприимстве, но и их трансформации, искажения и оценочные интерпретации в рамках конкретной культурной среды. Сцена у Коробочки в поэме представляет собой развернутую иллюстрацию народного русского гостеприимства в его подлинном виде [3]. Чичиков появляется на пороге её дома поздно ночью, в проливной дождь, совершенно незванным. Тем не менее она принимает его без колебаний – устраивает на ночлег, велит служанке высушить и вычистить промокшую одежду гостя, приготовить постель. Уже в этих первых действиях воплощается принцип безусловности приема, зафиксированный в русской пословице Рад не рад, а говори: милости просим! Особого внимания заслуживает сцена утреннего угощения. Проснувшись, Чичиков обнаруживает стол, на котором выставлены грибки, пирожки, блины, лепёшки, пресный пирог с яйцом. Н.В. Гоголь намеренно перечисляет угощения, что позволяет читателю физически ощутить щедрость хозяйки. Коробочка накрывает такой стол не из расчёта и не ради того, чтобы произвести впечатление, а по внутренней культурной норме: гость должен уйти сытым и довольным. В этом проявляется хлебосольство как глубинная народная ценность, которую Н.В. Гоголь воспроизводит с документальной точностью.

В связи с тем, что ваханский язык, как было отмечено выше, является бесписьменным, корпус паремнологических единиц, в т.ч. пословиц, сохранился в ограниченном объёме. В этой связи в рамках настоящего исследования было проведено анкетирование представителей трёх поколений носителей ваханского языка. В качестве респондентов выступили: Асалбегим (75 лет, старшее поколение), Наврузшо (58 лет, среднее поколение) и Манижа (26 лет, молодое поколение).

Респондентам был предложен единый перечень вопросов, направленных на выявление особенностей понимания феномена гостеприимства, традиций приёма гостей, а также трансформации отношения к данной ценности в современных социокультурных условиях. Уже на первом этапе анкетирования был выявлен значительный пласт языковых средств, репрезентирующих рассматриваемый концепт. В частности, респонденты указали ряд устойчивых выражений, непосредственно связанных с ситуацией приёма гостя: Хыш омадыв (добро пожаловать), би мылол (надеюсь, вы довольны нашим приёмом), воз вызйыв, воз чырмыв (приходите ещё), спо бар доим савыр ыч (наши двери всегда открыты для вас).

Примечательно, что в ваханском языке функционируют специализированные речевые формулы, соотносимые с различными этапами гостевого визита – приветствием, угощением и прощанием. Данный факт свидетельствует о высокой степени концептуализации и структурированности ритуала гостеприимства, закреплённого на языковом уровне.

Наряду с этим анкетирование выявило важное разграничение между формулами для близких и для незнакомых гостей. Для близкого человека звучит живое шутливое краткое приветствие: Э хай хубе – хубе сарт кырк. Развёрнутое приветствие: Э хубе-хубе йым пырцуйи куй коти (ooo хорошо- хорошо, что заглянули в наш дом). Эти выражения содержат лёгкий дружеский упрек – хозяин как бы говорит гостю, что тот слишком редко приходит.

Все три поколения единодушно описали чёткую последовательность действий при приеме гостя. Гостя встречают с улыбкой стоя – это обязательно. Его приглашают на почётное место. Первым угощением неизменно является ширчай. Для особого дорогого гостя забивают барана – первым блюдом становится кебаб из печени и сердца, затем шурпа, плов или манты. Примечательна и традиция проводов: уходя, гость получает подарок – скид (тюбетейку), *джураб* (памирские шерстяные носки), кола (отрез ткани для женщин), а также яхни (часть мяса забитого барана).

Гостеприимство, таким образом, обрамлено ритуалами и в момент встречи, и во время прощания. Особое место занимает традиция пояндоз – расстилание куска ткани перед почетным гостем. Глубинный смысл гостеприимства в ваханской культуре раскрывается через пословицы и поговорки, которые зафиксировали его связь с религиозным мировоззрением народа. Мимон атои Хзой – гость приходит от Бога. Мимон баракат ды хатын вызымд – гость приносит Божественное благословение. Мимонын ды хы ризкыт рузиын визит – гость приходит со своим ризком. Эти выражения формируют мировоззренческую установку: принять гостя плохо означает не просто нарушить этикет, но и отвергнуть Божий дар. Как отметил респондент среднего поколения, «когда гость заходит к нам, для нас он уже родной, вне зависимости от его статуса, национальности или вероисповедания».

Выявлено, что у представителей молодого поколения наблюдается трансформация отношения к практике гостеприимства, что обусловило расхождение мнений респондентов. Представитель старшего поколения убеждён, что гостеприимство неизменно передается из поколения в поколение. Представителей среднего поколения делят на два типа: те, кто выросли на Памире, видели все ритуалы приема гостей и сохраняют их; и тех, кто родился в городе и, естественно, не видел этих ритуалов. Молодые респонденты дают более взвешенную оценку: разница в понимании чувствуется, но она зависит от воспитания и места, где человек вырос. Городская жизнь с ее финансовыми сложностями и активным ритмом объективно затрудняет традиционный прием гостей. Таким образом, анкетирование выявило важную закономерность: ядро концепта – безусловное уважение к гостю, радость от его прихода, готовность отдать лучшее – остается устойчивым во всех поколениях. Меняется периферия концепта: конкретные ритуалы, форма угощения, частота приема гостей.

Сравнительный лингвокультурологический анализ концепта «гостеприимство» выявил его универсальное ядро – безусловное уважение к гостю как к «дару Бога» (в ваханском атои Хзой). В русском языке акцент делается на душевности и хлебосольстве, символизируемых хлебом-солью, в ваханском – на ритуализированной, коллективной заботе с фиксированными этапами (лупраж, ширчай, баран, пояндоз, подарки) и эмоциональным радушием в таких формулах, как Э хуб – хуб. Анкетирование трех поколений ваханцев подтверждает устойчивость ядра рассматриваемого концепта, но показывает изменчивость его периферии под влиянием урбанизации: ритуалы упрощаются, сохраняясь только у тех, кто вырос в традиционной среде. Исследование показывает, как концепт воплощает культурную память: в русском фольклоре и литературе фиксируется парадокс идеала и быта, в ваханском – религиозно-мифологическая основа, где гость несет баракат (благословение). Это дополняет труды А. Вежбицкой [1] и В.Н. Телли [10; 11], показывая, что в малых языках, например, в ваханском, периферия ритуалов устойчивее, чем в русском, где доминирует вариативность.

Список литературы

1. Вежицкая А. Понятие концепта в лингвокультурологии // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 110–125.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
3. Гоголь Н.В. Мёртвые души: поэма. М.: Детская литература, 2018. Т. 1.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1880–1882. Т. 1–4.
5. Запись на стене // В Контакте. URL: https://m.vk.com/wall-202540951_1282 (дата обращения: 30.03.2026).
6. Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. М.: Наука, 2001.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
8. Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М.: Наука, 1987.
9. Самситова Л.Х., Байназарова Г.М. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 14. С. 1373–1377.
10. Телия В.Н. «Концепт» и «фрейм» в лингвокультурологии // Язык. Семиотика. Культура. М.: Индрик, 1999. С. 34–56.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

* * *

1. Vezhbickaya A. Ponyatie koncepta v lingvokul'turologii // Voprosy yazykoznaniya. 1999. № 4. S. 110–125.
2. Vorob'yov V.V. Lingvokul'turologiya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1997.
3. Gogol' N.V. Myortvye dushi: poema. M.: Detskaya literatura, 2018. T. 1.
4. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.; M.: Tip. M. O. Vol'fa, 1880–1882. T. 1–4.
5. Zapis' na stene // V Kontakte. URL: https://m.vk.com/wall-202540951_1282 (data obrashcheniya: 30.03.2026).
6. Krysin L.P. Ocherki po sociolingvistike. M.: Nauka, 2001.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 4-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 1997.
8. Pahalina T.N. Vahanskij yazyk. M.: Nauka, 1987.
9. Samsitova L.H., Bajnazarova G.M. Ponyatie koncepta v lingvokul'turologii: istoriya razvitiya, struktura, klassifikaciya // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2014. T. 19. № 14. S. 1373–1377.
10. Teliya V.N. «Koncept» i «frejm» v lingvokul'turologii // Yazyk. Semiotika. Kul'tura. M.: Indrik, 1999. S. 34–56.
11. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996.

The linguoculturological analysis of the concept “hospitality” in Wakhi and Russian

The linguoculturological analysis of the concept “hospitality” in Wakhi and Russian is directed to study its core and periphery and to reveal the cultural and specific ways of its expression. Such components of the concept as warm-heartedness, care, hospitality and courtesy are emphasized. On the basis of the analysis of lexicographical sources, proverbs, fictional literature and the results of the questionnaire there is conducted the comparative study, allowing to identify both universal and national specific features of the concept “hospitality”.

Keywords: *linguoculturology, concept, hospitality, Wakhi, Russian, cultural values.*

(Статья поступила в редакцию 10.05.2026).

А.А. ШТЕБА
А.Д. НИКОДИМОВА
Волгоград

СИНЕСТЕЗИЙНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ

Рассматривается синестезийная метафора как частный прием вербализации диффузной эмотивной семантики слов. Постулируется тезис о том, что диффузность (нечеткость, неопределенность, множественность) является имманентным свойством семантики, в том числе эмотивной. Выявлен ряд синестезийных метафор, в которых номинации эмоций не только наделяются физическими характеристиками, свойственными вкусу, цвету, запаху, но и сочетаются с двукомпонентными атрибутами, одновременно актуализирующими противоположные вкусовые характеристики. Такие «усложненные» синестезийные метафоры для вербальной репрезентации эмоциональных переживаний интерпретируются как следствие недостаточности языковых потенций для выражения эмоций.

Ключевые слова: синестезия, синестезийная метафора, диффузная семантика, диффузная эмотивность, телесность.

Познание ограничено телом, оно корпорально, что одновременно ограничивает и расширяет рамки восприятия человеком действительности. Ограничения касаются наличествующих у индивида естественных инструментов когниции и «отелеснения» действительности; расширение предполагает совмещение восприятия, происходящего из разных каналов. Человек, познающий действительность, действует в постоянном контакте со средой, оставаясь при этом средой в себе и для себя. Для категоризации действительности (в том числе языковой) характерна модель условной петли, которая позволяет объективировать движение от четкого отграничения хаоса до порядка, приводящего к включению хаоса в сформировавшийся порядок, к преобразованию порядка, созданию «нового порядка». В аспекте семантических трансформаций это выражается в наличии конвенциональных лексических единиц, наделенных арбитрарным значением, понятным языковому коллективу. Такая норма (порядок) будет «расшатываться» человеком, пытающимся использовать неидеальный язык для репрезентации идеального восприятия, нарушать конвенцию, расширять норму, привнося в нее дополнительные элементы индивидуального значения. Аналогично актуальное проявление предкового недифференцированного использования одновременно нескольких органов чувств для восприятия действительности указывает не на упрощение, а усложнение перцепции.

«Рост» семантики обусловлен безграничными эмоционально-смысловыми валентностями, которые взаимодействуют с индивидом, определяющим дальнейшее развитие смыслового содержания. Примерами укрупнения эмотивности могут стать случаи создания эмоционально-оценочных способов описания действительности, а также внутренние эмотивные преобразования (интенсификация эмотива, потеря эмотивом устойчивой эмотивной составляющей, привнесение эмотивности в семантику конвенционально нейтрального слова и пр.). Эмотивность прирачивается или актуализирует скрытые категории, наиболее значимыми из которых, на наш взгляд, являются флуктуативность, пластичность, амбивалентность и пр. Таким образом, из предустановленного понимания эмотива как вербального выразителя эмоции получается элемент категории, стремящейся к множественности, неопределенности, диффузности и нечеткости.

Синестезия, предполагающая совмещение нескольких органов чувств для описания действительности [1; 5; 6; 10; 11; 16], является отклонением от условного правила видения мира, но несет в себе конструктивный действенный потенциал, становясь примером укрупнения форм перцепции и ее экспликации. Язык не может удовлетворить действенного пользователя своим актуальным состоянием, поэтому предлагает в его распоряжение безграничный потенциал возможностей не только словотворчества и лингвокреативности, но и окказионального комбинирования несочетаемых элементов. Такой сложный комплексный способ объективации действительности, для которого целое больше суммы частей, есть попытка сделать то, что конвенционально языку невозможно или не нужно. Исходя из предположения о том, что нормой эмотивности должна быть диффузность (а также множественность, нечеткость, неопределенность, полиоценочность), синестезия при экспликации эмоций является способом выразить эту диффузность через линейное «нанизывание» семантически не смежных элементов.

Синестезия преимущественно интересует специалистов в области психологии, неврологии, психиатрии. Последнее подтверждают многочисленные ассоциации синестетов по всему миру, например, *International Association of Synaesthetes, Artists, and Scientists*, *Российское синестетическое общество*, *Association Française de Synesthésie* и пр. Одной из знаковых психологических работ о синестезии считается «Ум мнемониста» А.Р. Лурии [8], в которой описывается опыт исследования способностей к запоминанию Соломона Вениаминовича Ш.:

Я узнаю не только по образам, а всегда по всему комплексу чувств, которые этот образ вызывает. Их трудно выразить – это не зрение, не слух... Это какие-то общие чувства... Я обычно чувствую и вкус, и вес слова, и мне уже делать нечего – оно само вспоминается..., а описать трудно.

Для мнемониста, ставшего объектом исследования А.Р. Лурии, рудиментарная для «обычного» человека синестезия – это основной признак психической жизни. Эффективность запоминания Соломона Вениаминовича Ш. обусловлена в первую очередь возникающими у него чувственными ассоциациями, которые он считывал впоследствии, – т.е. переносом по синестезически-переживаемым особенностям слов.

С точки зрения лингвистики, синестезия соотносится с использованием в тексте соответствующих (синестетических) метафор. Наложение вкусовой модальности на сферу категоризации эмоций представляет собой проявление синестезии как результата метафорических способов концептуализации действительности [14, с. 8]. Синестезия есть перенос понятия из чувственной сферы в иную [2]. Транспозиция ВКУС – ЭМОЦИЯ выходит за пределы физических ощущений из сферы вкуса в эмоциональную сферу, например, *amour amer* (горькая любовь), *joie sucrée* (сладкая радость), *la colère aigre* (кислый гнев), *tristesse amère* (горькая грусть).

Под эстетическими синестетическими сочетаниями понимаются словосочетания, вербализующие интермодальные переносы ощущений при восприятии эстетического сообщения [1]. С.В. Московская указывает, что синестезия является значимым поэтическим средством художественной системы, демонстрирует семантическую множественность интерпретаций, особый символический смысл [9]. П.А. Чересюк отмечает, что синестезийная метафора является наиболее интересным и сложным типом метафор, поскольку отражает в себе диалектический характер познания и восприятия действительности [15, с. 308]. Однако значимость и трудность синестезии при выражении эмоций заключается не в поверхностной комбинации нетипично коррелирующих элементов, а в проявлении скрытого диффузного характера эмотивности (значит, и семантики), а синестезия – лишь один из способов экспликации этого. И.В. Логвинова подчеркивает, что синестетические метафоры эмоций скрывают в себе намерение приручить и лучше понять особенности функционирования сферы эмоций [7, с. 150]. Проведенный Е.А. Ко-

лодкиной анализ синестетических метафор показал, что эмоция частотно характеризуется как горькая или сладкая; а также кислая и терпкая [4, с. 105]. При этом ограничения на сочетаемость указанных прилагательных и имен эмоций имеются, но они (эти ограничения) прескриптивны, а не директивны.

Собранная картотека примеров коммуникативной репрезентации синестезии эмоций в форме вкусовых метафор показывает ряд характерных для такого типа экспликантов эмоций особенностей. Наблюдается тенденция к усилению (вкусовые метафоры дополняются качественными прилагательными, наречиями) как показатель недостаточности уже использованных инновационных форм экспликации эмоций:

Беда моя и самое горькое разочарование заключались именно в отсутствии такого положения (Д.И. Волков).

Не тот ли, который изображен там, на миниатюре, сходство с которым заставило его совершить это ночное путешествие на окраину города, пережить столько сладостных надежд и такое горькое разочарование (Н.Э. Гейнце).

И всеобщее состояние умов и сердец – это всеобщее горькое разочарование и желчное раздражение от обманутых надежд... (С. Баймухаметов).

Увяло лицо мое, как лист под жестоким дыханием сирокко, и к земле пригибает мой стан невыносимая и горькая печаль (Л.Н. Андреев).

Пользователь языка постоянно пребывает в ощущении недостаточности, неточности, нечеткости и неполноты, «нащупывает» отдельные пути восполнения такой недостаточности и продолжает поиск.

Вербализованные синестезийные эмоции оцениваются как активные, действенные:

Благорастворенный воздух оживил ее немного; она пробуждалась от своего усыпления, но не на радость: смутные воспоминания, горькие чувства толпились в ее осиротелой душе (Е.А. Ган).

Когда он изложил друзьям своим в Москве горькие чувства, обуревавшие его накануне почетной ссылки, ему предстоящей, то Огарев, вероятно, по старой памяти, предложил ему в утешение совет считать все происшедшее «частным случаем» и предаться покорному самоотречению – резигнации (résignation) (П.В. Анненков).

Она хотела ходьбой заставить себя успокоиться, не думать, забыться; но мысли не слушались, всё возвращались к тому же, и горькие чувства не хотели ей дать покоя (В.П. Желиховская).

Она хотела ходьбой заставить себя успокоиться, не думать, забыться; но мысли не слушались, всё возвращались к тому же, и горькие чувства не хотели ей дать покоя (М.П. Лоскутов).

Вкусовые метафоры эмоций характеризуются как предзаданные, известные, которые ожидают своего субъекта, потенциальные:

На следующее утро ожидало меня горькое разочарование: хозяин пристал с ножом к горлу (В.П. Авенариус).

Но когда это произошло, меня ждало горькое разочарование – бобровая хатка оказалась разрушенной (Д. Иванов).

Увы – меня ждало горькое разочарование! (Е.А. Гагарин).

Использование неопределенного конкретизатора какой-то с вкусовой метафорой демонстрирует инновационность и непонятность описываемого способа репрезентации эмоционального:

И когда в довершение несчастный исход для русского самолюбия войны 1878 года вселил в разные слои общества какое-то горькое разочарование, тогда эта распущенность стала постепенно доходить до каких-то уже острых проявлений небрежности в исполнении служебного долга (В.П. Мецкерский).

Какое-то горькое отчаяние слышалось в ее голосе, но, целуя ее, он уже как бы не слышал, что она просила (Ф. Кнорре).

Отдельное внимание следует обратить на словосочетания *вяжущие чувства, сладкие чувства*, которые обладают эффектом новизны и продуцируются внутри поэтической коммуникации, вбирая в себя рефлексивные векторы творческого сознания поэта:

Эти вот пустые руки, слезы. И мяконикие вяжущие чувства, Какие я привык таскать по городу, Я приношу тебе, Венера, на-ка, Их складываю на померкшей травке: Бери и ешь! (М.М. Степанова).

Так изрекла и влила ей в душу сладкие чувства, Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных (Н.И. Гнедич).

Контекстуальное окружение синестезийной метафоры эмоционального переживания обнаруживает лексические единицы с семантикой внезапности, быстроты наступления: *вдруг* ‘внезапно, неожиданно’; ‘сразу’ [3]; *выпасть* ‘приходиться, доставаться’; ‘случаться’ [Там же]; *сразу* ‘в один прием, в тот же момент’; ‘немедленно’ [Там же]:

Оттуда, из Грузии. Вдруг – горькая радость: прибыл новый этап. Я зашла в 4-й барак посмотреть (Н.И. Гаген-Торн).

Мне выпала на долю горькая радость познакомиться и быть с Гинзбургом в лагере, в заключении (Ю. Даниэль).

Только пришло поздравление и письмо от Славы. Но горькая радость. В последний приезд обещал приехать праздновать свой и материн юбилей, а оказалось, что не приедет, – не отпускают надвинувшиеся работы на участке пути и, как тараканы, комиссии (В.С. Савельев).

Я горда тем, что на мою долю выпала горькая радость принести и мою лепту памяти этого неповторимого, изумительного человека, который сочетал в себе сказочную выносливость, самое изящное остроумие, благородство и верность дружбе (А.А. Ахматова).

Теперь мы сразу поднялись в цене: горькая радость для «азиатов» – греться в лучах «европейской» славы, но не в «Собаке» же было блюсти ортодоксию! (Б.К. Лившиц).

Однако номинация сладкой радости окружается более плавным, пассивным, привычным контекстом:

На прямике, где речка струной прохлестнула заливной луг, стекает аромат полевых цветов: сладкая радость клевера-кашки, резкий запах поповника, заморская пряность душистого колоска, горьковатый дух смолки (А.А. Ливеровский).

Какая это сладкая радость, какая блаженная истома и... тишина на сердце...: «Верую, Господи, помоги моему неверию» (П.Н. Краснов).

И (о, великая радость!) именно то письмо, о котором я так мечтал, пришло ко мне, я рад и счастлив, и на душе тихая, сладкая радость (П.К. Козлов).

И от этой необычайной ласки, и от слов отца что-то мигом растворилось в сердце юноши, и сладкая радость расцвела в нем душистым цветком (Л.А. Чарская).

Сладкая радость жужелицы, которая думает об ангеле: «Мы летаем!..» (Н.А. Тэффи).

Наиболее частотным приемом преобразования конвенционального плана выражения эмоциональных переживаний остается интенсификация:

И такой дул стылый, проклятый ветер, и так мы замерзали без движенья, и такое горькое отчаяние вцепилось в наши сердца, что в эту минуту уже не верилось ни во что хорошее (В. Драгунский).

Комбинация разных перцептивных модусов в синестезии сопровождается когнитивной обработкой перцептивной информации, в результате которой значение перцептивных сочетаний, отражающих традиционно несовместимые способы восприятия окружающей действительности, изменяется [12]. Но и этого совмещения оказывается недостаточно, что стимулирует пользователя языка к дальнейшим инновациям, например, к использованию оксюморонных синестезийных атрибутов:

Есть сладко-горькая радость загробной беседы с любимыми душами – Сережи, Ольги, Вадима (В.Г. Малахеева-Мирович).

Подобная попытка конкретизации синестезийной эмоции является следствием недостаточности языковых средств и неданности эмоционального опыта.

Синестетическая (синестезийная) метафора представляет собой один из действенных приемов вербальной объективации диффузности как имманентной характеристики эмотивности. Опора на перцептивную информацию, одновременно происходящую из нескольких каналов восприятия, при описании эмоциональных переживаний предоставляет говорящему возможность приблизиться к описанию актуального эмоционального переживания. Использование телесных и отелесненных метафор являет собой надежный и достоверный (в нетерминологическом плане) способ преобразования конвенциональной языковой системы, актуализацию новых эмоционально-смысловых валентностей слов.

Список литературы

1. Агапова О.В. Синестезия в искусствоведческом дискурсе (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2021.
2. Али Фарис Х.А. Синестезийная метафора в русской классической прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017.
3. Большой современный толковый словарь русского языка / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Lingua, Астрель, АСТ, Харвест, 2006.
4. Колодкина Е.А. Вкусовая синестетическая метафора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 104–107.
5. Комина Э.В. Синестезийные опыты в творчестве В. Набокова: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006.
6. Кундик О.И. Специфика синестезийных словосочетаний в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1997.
7. Логвинова И.В. Синестезийная метафоризация в стихах Р.М. Рильке и их переводах на русский язык // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2023. Т. 1. № 1 (66). С. 148–152.
8. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти (ум мнемониста). М.: Эйдос, 1994.
9. Московская С.В. Звук и Цвет. Педагогика будущего – синтез искусств: монография. СПб.: Изд-во «Типография Ивана Федорова», 1995.
10. Савинова А.Г. Синестезия как своеобразие миромоделирования и особенность стиля прозы Н.В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010.
11. Свистова А.К. Синестезийная метафоризация как способ развития полисемии: на материале русской и немецкой поэзии XIX – XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.
12. Фомин А.А. Вербализация синестезии в англоязычных художественных текстах: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2018.
13. Цепелева Н.В. Полевые структуры слов-синонимов с диффузной семантикой в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011.
14. Чалей О.В. Концептуализация вкусовых ощущений в естественном языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2017.
15. Чересюк П.А. Синестезийная метафора в произведениях Л.Н. Толстого // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Т.В. Симашко. Киров: Изд-во МЦИТО, 2023. С. 307–312.
16. Ward J. Emotionally mediated synaesthesia // Cognitive Neuropsychology. 2004. 21 (7). P. 761–772.

* * *

1. Agapova O.V. Sinesteziya v iskusstvovedcheskom diskurse (na materiale russkogo i francuzskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2021.
2. Ali Faris H.A. Sinesteziynaya metafora v russkoj klassicheskoj proze: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2017.
3. Bol'shoj sovremennyyj tolkovyy slovar' russkogo yazyka / Pod red. T.F. Efremovoj. M.: Lingua, Astrel', AST, Harvest, 2006.

4. Kolodkina E.A. Vkusovaya sinesteticheskaya metafora // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2009. № 1. S. 104–107.
5. Komina E.V. Sinestezijnye opyty v tvorchestve V. Nabokova: dis. ... kand. filos. nauk. M., 2006.
6. Kundik O.I. Specifika sinestezijnyh slovosochetaniy v russkom i anglijskom yazykah: dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1997.
7. Logvinova I.V. Sinestezijnaya metaforizaciya v stihah R.M. Ril'ke i ih perevodah na russkij yazyk // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki. 2023. T. 1. № 1 (66). S. 148–152.
8. Luriya A.R. Malen'kaya knizhka o bol'shoj pamyati (um mnemonista). M.: Ejdos, 1994.
9. Moskovskaya S.V. Zvuk i Cvet. Pedagogika budushchego – sintez iskusstv: monografiya. SPb.: Izd-vo «Tipografiya Ivana Fedorova», 1995.
10. Savinova A.G. Sinesteziya kak svoeobrazie miromodelirovaniya i osobennost' stilya prozy N.V. Gogolya: dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2010.
11. Svistova A.K. Sinestezijnaya metaforizaciya kak sposob razvitiya polisemii: na materiale russkoj i nemeckoj poezii XIX – XX vekov: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2012.
12. Fomin A.A. Verbalizaciya sinestezii v angloyazychnyh hudozhestvennyh tekstah: kognitivnyj aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2018.
13. Cepeleva N.V. Polevye struktury slov-sinonimov s diffuznoj semantikoj v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2011.
14. Chalej O.V. Konceptualizaciya vkusovyh oshchushchenij v estestvennom yazyke: avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 2017.
15. Cheresyuk P.A. Sinestezijnaya metafora v proizvedeniyah L.N. Tolstogo // Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoj kartiny mira: Sb. nauch. tr. / Otv. red. T.V. Simashko. Kirov: Izd-vo MCITO, 2023. S. 307–312.

The synaesthetic representation of emotional sufferings

The synaesthetic metaphor as a particular technique of verbalization of diffuse emotive semantics of words is described. There is postulated the thesis that diffuseness (roughness, uncertainty and multiplicity) is considered as the immanent feature of semantics, including emotive semantics. The row of synaesthetic metaphors where the nominations of emotions are not only provided by the physical characteristics that are typical of taste, colour and flavour, but also combine with two component attributes, simultaneously updating the opposite flavour characteristics, is discovered. Such “sophisticated” synaesthetic metaphors for verbal representation of emotional sufferings are interpreted as the consequence of insufficiency of linguistic potential for the expression of emotions.

Keywords: *synaesthesia, synaesthetic metaphor, diffuse semantics, diffuse emotiveness, physicality.*

(Статья поступила в редакцию 02.01.2026).

К.А. МЕЛЬНИКОВА
Ярославль

НЕЙТРАЛИЗОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК МАРКЕР ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ

Исследование направлено на выявление наличия или отсутствия использования манипулятивных практик в современном англоязычном медиадискурсе. Установлено, что нейтрализованные посредством вторичной и последующей номинаций лексические единицы могут выполнять функцию маркеров языковой манипуляции для формирования определенных социальных и когнитивных паттернов.

Ключевые слова: манипуляция, лингвопрагматическая нейтрализация, номинация, медиадискурс, коммуникация.

Современный этап существования человечества характеризуется стремительным развитием телекоммуникационных систем, искусственного интеллекта и многократно возросшими объемами информации. Распространение любых сведений, в основном, происходит посредством различных медиадискурсивных источников, которые выполняют интерпретирующую функцию языка в рамках информационного поля. Таким образом, на современном этапе развития общества медиадискурс становится чрезвычайно влиятельным видом дискурса [1, с. 127].

Степень медиадискурсивного влияния на сознание и поведение людей довольно велика [6, с. 70]. Как отмечают исследователи, медиадискурсивные источники применяют аттрактивные, интригующие и кульминационные стратегии, целью которых как эксплицитной, так и имплицитной, становится манипулирование сознанием реципиентов. Одним из методов такого манипулирования является *рефрейминг* – техника нейролингвистического программирования и психологическая стратегия переформулировки речевого высказывания таким образом, чтобы скрыть негативно окрашенные и подчеркнуть позитивно окрашенные аспекты высказывания [7, с. 37].

В связи с этим особое внимание следует уделить средствам манипуляции общественным сознанием людей при помощи рефрейминга посредством вторичной интерпретации информации. Отметим, что первичная интерпретация представляет собой передачу фактов и новостей, в то время как вторичная интерпретация во многом направлена на формирование определенных паттернов общественного сознания и поведения [3, с. 7].

Способы языковой манипуляции зависят от целей воздействия на сознание коллективного или индивидуального адресата и обусловлены процессами концептуализации и категоризации понятий [2, с. 247]. Языковые манипуляции направлены на подмену понятий, новое структурирование коллективного и индивидуального сознания, создание новых доминантных характеристик и, как следствие, побуждение адресата к усвоению и использованию определенных когнитивных и языковых паттернов [4, с. 16].

Иными словами, языковое манипулирование определяет применение когнитивных механизмов в определенных целях некоторых социальных групп. Следовательно, уместность речевого высказывания определяется задачами общения, в соответствии с которыми адресант оказывает воздействие на адресата. Имея намерение осуществить успешную коммуникацию, ее участник осознает коммуникативные жела-

ния других участников, осмысливает их и стремится хотя бы частично удовлетворить данные желания, соблюдая, тем не менее, определенные личные границы и социальную дистанцию. Поскольку почти каждому человеку свойственно желание нравиться собеседнику, адресант интуитивно будет избегать концептуализации негативно окрашенного контента высказываний, предпочитая вторичную (косвенную) номинацию понятий [8, с. 365].

Таким образом, для осуществления успешной коммуникации коммуниканты используют нейтрализованные лексические единицы – средства косвенной номинации, которые находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, т.е. коррелируют по денотату понятия, но различаются по их прагматическому аспекту употребления.

В соответствии с западной социальной парадигмой инклюзивности медиадискурсивные источники избегают использования денотатов понятий и заменяют их нейтрализованными, вторичными, третичными, а иногда и более номинированными.

Целью работы является попытка определения наличия медиадискурсивных манипулятивных практик, осуществляющихся при помощи нейтрализованных лексических единиц на примере деятельности американского общественного движения Black Lives Matter (BLM; *Жизни чёрных имеют значение* – здесь и далее перевод наш – К. М.). Активисты данного движения привлекают внимание к проявлениям социальной несправедливости по отношению к чернокожему населению, а также к общественным институтам и законам, направленным на закрепление сложившейся несправедливости путем организации кампаний по написанию писем и протестных акций. Несмотря на то, что деятельность движения началась в 2015 г., наиболее значительный общественный резонанс вызвали события 2020 г. – смерть чернокожего гражданина от рук полицейского. Последующие события (вооруженные акции протеста и др.) вызвали как негодование, так и поддержку людей из разных стран, которая выражалась в большом количестве материальных пожертвований в пользу участников движения. Однако расследование законности расходования средств движения показало нецелевые траты руководства движения [9]. Тем не менее, активное привлечение общественного внимания к проблемам избыточной дискриминации, в том числе и способом языковой манипуляции, привело не только к дискриминации белого населения

Таблица

Медиадискурсивное употребление нейтрализованных языковых средств (2022–2025 гг.)

Год	Black, %	African American, %	Black American, %	Underrepresented groups, %
2022	16	–	–	–
2023	12	4	–	–
2024	9	3	6	–
2025	7	2	6	3

США, но и к стремительному изменению языковой политики медиадискурсивных источников [5, с. 159]. Таким образом, можем отметить наличие манипуляции руководителей движения BLM, целью которой являлось как привлечение внимания к проблеме дискриминации темнокожего населения, так и неосновательное обогащение руководителей движения.

Для определения наличия или отсутствия языковой манипуляции определен количественный и качественный состав нейтрализованных лексических единиц в англоязычных медиаисточниках 2022–2025 гг., содержащих нейтрализованные концепты (денотаты) дискриминационно маркированных понятий номинативной области «Расовая и этническая принадлежность». Медиаконтексты были отобраны методом сплошной выборки и проанализированы с помощью семантического, дефиниционного и дискурсивного анализа.

Материалом исследования стали 100 контекстов; общая доля медиаконтекстов, содержащих вышеупомянутые концепты, составила 68%. Результаты исследования представлены в Таблице 1.

Согласно данным медиаисточника 2022 г., *Google reported its best year yet for hiring **Black** employees, but rising departures of the same group highlights a risk to the company's plan to double its **Black** workforce [11]* / Компания Google сообщила о самом эффективном за всю историю существования компании годе по найму **темнокожих** сотрудников, однако рост числа увольнений представителей этой группы указывает на риск для плана компании удвоить численность **темнокожего** персонала.

Доля использования лексической единицы **Black** (**темнокожий**) медиаисточниками 2022 г. составляет 16%. Отметим, что данная единица является вторичной номинацией концепта «негр», который с течением времени изменил нейтральный коннотационный компонент на негативный.

Согласно данным медиаисточника 2023 г., *14-year-old from Harvey, Louisiana, breezed to the championship at the Scripps National Spelling Bee on Thursday night, becoming the first **African American** winner and only the second **Black** champion in the bee's 96-year history* [13] / В четверг вечером четырнадцатилетняя девочка из Харви, штат Луизиана, одержала победу в Scripps National Spelling Bee, став первой **афроамериканкой** и только второй **темнокожей** победительницей за всю 96-летнюю историю конкурса.

В медиаисточниках 2023 г. используется лексическая единица **African American** (**американец африканского происхождения**); доля ее использования составляет 4%. При этом сохраняется использование лексической единицы **Black**, однако доля ее применения снизилась на 4% и составила 12% от общего числа ее употребления. Отметим, что **African American** является третичной номинацией концепта «негр».

Согласно данным медиаисточника 2024 г., *Louie said that **Black Americans** are three times more likely than white Americans to receive a late-stage diagnosis for skin cancer [10]* / Луи заявил, что у **чернокожих американцев** вероятность получить диагноз рака кожи на поздней стадии в три раза выше, чем у белых американцев.

В медиаисточниках 2024 г. также сохраняется использование лексических единиц **Black** и **African American**, однако доля их использования снизилась на 3% и 1%, соответственно. Более того, в языковое употребление вошла лексическая единица **Black Americans** (**темнокожие американцы**), доля употребления которой составляет 6% от общего числа рассматриваемой выборки. Кроме того, отметим, что **Black Americans** представляет собой последующую номинацию концепта «негр».

Согласно данным медиаисточника 2025 г., *Underrepresented racial / ethnic groups, which make up 41.6% of the US population, accounted for only 36.4% of all speaking characters in 2024 [12]* / **Представители недостаточно представленных расовых / этнических групп** составляют 41,6% населения США; в 2024 году только 36,4% из них исполняли роли «со словами».

В медиаисточниках 2025 г. также сохраняется использование лексических единиц *Black*, *African American* и *Black Americans*. Доля употребления *Black* и *African American* снизилась на 2% и 1%, соответственно; доля использования *Black Americans* осталась без изменения. Однако необходимо отметить появление последующей номинации концепта «негр» – *underrepresented racial / ethnic groups*, доля употребления которого составляет 3% общего числа языковых средств выборки.

Анализ материала показал, существует устойчивое снижение доли первично (вторично) номинированных лексических единиц с течением времени. Кроме того, можно отметить возникновение последующих номинаций дискриминационно маркированных лексических единиц. Полагаем, что данное обстоятельство свидетельствует не только о протекании процесса лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных лексических единиц, но и о намеренном использовании манипулятивных языковых и когнитивных паттернов с целью формирования новых социолингвистических практик в обществе. Перспективы данного исследования позволят прогнозировать снижение и/или исключение из речевого использования определенных дискриминационно маркированных лексических единиц.

Список литературы

1. Бабаян В.Н. Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2(29). С. 126–132.
2. Бабаян В.Н. Основные способы реализации вторичной номинализации в медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2(57). С. 246–249.
3. Болдырев Н.Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Сб. научн. тр., Калининград, 15–17 мая 2023 года. Калининград: Балтийский федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2023. С. 5–8.
4. Болдырев Н.Н. Бесконфликтная коммуникация в свете теории языковой интерпретации // Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития: Тезисы докладов Междунар. научн. конф., Минск, 03–05 октября 2024 года. Минск: Гос. учред. образования «Республиканский институт высшей школы», 2024. С. 13–14.
5. Когут В.И., Сахарова Н.Г. Декодирование темы расовой дискриминации в США (на примере поэзии BLM движения) // Дискурсивные практики в современном мире: Мат-лы междунар. научн.-практ. конф., Москва, 27–28 октября 2022 года. М.: Московский гос. обл. пед. ун-т, 2023. С. 158–163.
6. Красавский Н.А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре «интервью» при обсуждении немецкими СМИ военных событий на Украине // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27. № 3. С. 68–80.
7. Красавский Н.А., Перминов Е.В. Коммуникативные тактики в речевом жанре «репортаж»: гендерный аспект // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2025. №2 (10). С. 35–41.
8. Мельникова К.А. Особенности номинации в рамках явления лингвопрагматической нейтрализации // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1(62). С. 364–367.
9. РБК // URL: <https://www.rbc.ru/society/31/10/2025/690421a89a7947c0fb226a3d> (дата обращения: 20.03.2026).
10. ABCNews // URL: <https://abcnews.go.com/GMA/Living/nigerian-medical-students-illustrations-viral-featuring-black-people/story?id=81658149> (дата обращения: 26.03.2026).
11. Bloomberg // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-01/google-is-hiring-more-black-people-but-struggling-to-retain-them> (дата обращения: 25.03.2026).
12. ScreenDaily. // URL: <https://www.screendaily.com/news/roles-for-underrepresented-racial-ethnic-groups-dropped-in-2024-report/5207337.article> (дата обращения: 20.03.2026).
13. The Guardian // URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/jul/09/scripps-national-spelling-bee-2021-zaila-avant-garde-becomes-first-africanamerican-inner> (дата обращения: 29.03.2026).

1. Babayan V.N. Sposoby realizacii kommunikativnogo vozdejstviya v mediadiskurse // Verhnevo lzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2(29). S. 126–132.
2. Babayan V.N. Osnovnyesposoby realizacii vtorichnoj nominalizacii v mediadiskurse // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2024. № 1-2(57). S. 246–249.
3. Boldyrev N.N. Vtorichnaya interpretaciya mira kak sposob yazykovogo manipulirovaniya soznaniem // Manipulyacii i socium: yazyk, soznanie, kul'tura. Sb. nauchn. tr., Kaliningrad, 15–17 maya 2023 goda. Kaliningrad: Baltijskij feder. un-t im. Immanuila Kanta, 2023. S. 5–8.
4. Boldyrev N.N. Beskonfliktnaya kommunikaciya v svete teorii yazykovoj interpretacii // Anglistika v tret'em tysyacheletii: novye podhody i puti razvitiya: Tezisy dokladov Mezhdunar. nauchn. konfer., Minsk, 03–05 oktyabrya 2024 goda. Minsk: Gos. uchrezhd. obrazovaniya «Respublikanskij institut vysshej shkoly», 2024. S. 13–14.
5. Kogut V.I., Saharova N.G. Dekodirovanie temy rasovoj diskriminacii v SShA (na primere poezii BLM dvizheniya) // Diskursivnye praktiki v sovremennom mire: Mat-ly mezhdunar. nauchn.-prakt. konf., Moskva, 27–28 oktyabrya 2022 goda. M.: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj pedagogicheskij universitet, 2023. S. 158–163.
6. Krasavskij N.A. Kommunikativnye strategii i taktiki v rechevom zhanre «interv'y» pri obsuzhdenii nemeckimi SMI voennyh sobytij na Ukraine // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. T. 27. № 3. S. 68–80.
7. Krasavskij N.A., Perminov E.V. Kommunikativnye taktiki v rechevom zhanre «reportazh»: gendernyj aspekt // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2025. №2 (10). S. 35–41.
8. Mel'nikova K.A. Osobennosti nominacii v ramkah yavleniya lingvopragmaticheskoy nejtralizacii // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2025. № 1-1(62). S. 364–367.

The neutralized lexical units as the marker of linguistic manipulation

The study is aimed at revealing the existence and absence of use of manipulative practices in modern English language media discourse. It is stated that the neutralized lexical units by the means of secondary and further nomination can function as the markers of linguistic manipulation for the development of definite social and cognitive patterns.

Keywords: *manipulation, linguopragmatic neutralization, nomination, mediadiscourse, communication.*

(Статья поступила в редакцию 22.04.2026).

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Решается исследовательская задача определения влияния цифровой среды на культуру речевого поведения. Рассматривается, как в условиях среды меняются привычные нормы речевого этикета, а также какие особенности приобретает языковое оформление сообщений. Исследуются новые формы коммуникативного взаимодействия, характерные для интернет-пространства. Особое внимание уделяется рассмотрению вопроса смешения устной и письменной речи, использованию различных семиотических средств, проявлениям речевой агрессии и причинам возникновения коммуникативных сбоев.

Ключевые слова: *цифровая коммуникация, речевое поведение, интернет-общение, языковая норма, нетикет, мультимодальность, речевая агрессия, коммуникативные сбои.*

Цифровая трансформация современного общества существенно повлияла на характер межличностной коммуникации. Развитие интернет-технологий обусловило формирование новой коммуникативной среды, в рамках которой традиционные нормы речевого поведения претерпевают значительные изменения. Если ранее письменная речь отличалась нормативной устойчивостью и строгостью языковых форм, то в цифровом пространстве она приобретает новые свойства, такие как гибкость, вариативность и повышенную экспрессивность.

Цифровая коммуникация определяется дистантностью взаимодействия, асинхронностью обмена сообщениями, мультимодальностью передачи информации и снижением социальной дистанции между коммуникантами [1, с. 105–111; 10]. Указанные особенности формируют принципиально новую речевую среду, в которой традиционные нормы общения подвергаются трансформации, происходит переосмысление языковых норм и коммуникативных стратегий [2, с. 137–142].

Цифровая среда формирует принципиально новые условия речевого взаимодействия. «Отсутствие физического контакта и возможность отложенного ответа изменяют структуру диалога, а использование различных каналов передачи информации (текст, аудио, визуальные элементы) расширяют выразительные возможности речи», – утверждают Е.А. Кольцова и Ф.И. Карташкова [5, с. 45]. В то же время, по мнению И.А. Стернина, «снижение социальной дистанции способствует переходу к более неформальному стилю общения, что отражается на выборе языковых средств и коммуникативных стратегий» [7, с. 23].

Данные особенности цифровой среды оказывают непосредственное влияние на речевое поведение участников коммуникации. По мнению Д. Кристала, в отличие от традиционной письменной речи, интернет-общение приближается к устной спонтанной речи, что проявляется в упрощении синтаксических конструкций, использовании сокращенных форм слов и фраз, а также большей эмоциональной окраске сообщений [9, с. 78] (Перевод наш – А.М.). Кроме того, согласно Л.А. Брусенской, «дистантность общения и обезличенность собеседников создают условия для снижения самоконтроля и более свободного проявления индивидуальных коммуникативных стратегий, включая юмор, сарказм и ироничные формы выражения» [2, с. 140].

Мультимодальность является одной из центральных особенностей цифровой коммуникации. Наряду с текстом активно используются эмодзи, GIF-анимации, стикеры и видеоконтент, выполняющие функцию компенсации невербальных компонентов общения и одновременно выступающие самостоятельными носителями смысла [10].

В ряде случаев визуальные элементы полностью заменяют вербальное сообщение. Последовательность эмодзи может выражать оценку, эмоцию или реакцию без текстового сопровождения. Таким образом, мультимодальность формирует специфический код цифрового общения и усиливает тенденцию к гибридизации речевых форм.

В условиях цифровизации ключевым фактором трансформации языковых норм становится развитие интернет-коммуникации. Письменная речь в сети утрачивает часть традиционных нормативных ограничений и ориентируется на скорость, краткость и выразительность, что приводит к вариативности в орфографии, пунктуации, грамматике и сближению письменной и устной речи. Интернет разрешает небрежность. Он отучает тщательно прописывать наши мысли, тем самым упрощая не только нашу речь, но и сознание.

Характерной чертой цифровой среды является противоречивое отношение к языковой норме. С одной стороны, усиливается ее критика как со стороны специалистов, так и внутри самих интернет-сообществ (например, феномен «граммарнаци»). С другой стороны, наблюдается намеренное нарушение языковых норм, которое становится стилистическим приемом и даже коммерческим инструментом, когда на демонстративной безграмотности зарабатываются деньги за счет привлечения внимания и провоцирования дискуссий в комментариях. Пользователи начинают активно обсуждать ошибки автора, тем самым увеличивая охваты в интернете. В результате подобные намеренные отклонения от нормы получают широкое распространение и постепенно закрепляются в языке, быстро входя в ежедневное общение пользователей и формируя особый коммуникативный код, который становится привычным для участников цифрового сообщества. Таким образом, в цифровой коммуникации языковая норма перестает быть строго фиксированной и все чаще функционирует как гибкий контекстуально обусловленный механизм.

Согласно А.И. Едличко [4, с. 94], русскоязычная онлайн-коммуникация в письменной речи характеризуется отклонениями от языковых норм на различных уровнях.

На графико-орфографическом уровне:

– сближение графической формы слова с его фонетическим обликом с целью имитации устной речи: *аймалатца* (*ай, молодец*), *чо* (*что*), *неа* (*нет*), *нуващще* (*ну ты вообще*);

– использование написания слова или высказывания заглавными буквами, для передачи эмоционального состояния говорящего (например, радости, возбуждения): **УРА!!! Я СВОБОДЕН!!! ВСЕ ЭКЗАМЕНЫ СДАНЫ!!!!**;

– повтор букв в слове для усиления эмоциональной экспрессии (удивление, шок, восхищение, страх и т.д.) или показать степень переживания, в зависимости от контекста: *жееесть, красотааа, спаааасибоооо*.

На лексическом уровне:

– употребление заимствований: *чилить* (отдыхать), *агриться* (злиться), *хайп* (ажиотаж), *кринж* (стыд), *токсик* (токсичный), *шеймить* (стыдить), *чекать* (проверять);

– активация стилистически сниженной и инвективной лексики;

– использование редуцированных форм и аббревиатур: *споки-ноки* (спокойной ночи), *пжлст* (пожалуйста), *канеш* (конечно), СПС (спасибо), *пон* (понятно), *КМК* (как мне кажется), *ЧСВ* (чувство собственной важности).

На синтаксическом уровне:

– неполные предложения: *Поел* (вместо *ты поел?*); *Ушел* (вместо *ты уже ушел?*); *Сплю* (вместо *не беспокой, я уже лег*);

- парцеллированные конструкции: *Очень. Дома. Без сил.*
- односоставные предложения: *Смешно. Просто нет слов. Сплю.*

На пунктуационном уровне:

Активное использование экспрессивных знаков препинания, восклицательных, вопросительных, многоточия, отмена запятых и точек. Например: *Серьезно!!! Ты где???* употребляются для передачи интонации устной речи, выражения экспрессии и вовлеченности.

Наряду с расширением способов самовыражения в цифровом общении появляются определенные коммуникативные сбои, возникающие из-за неправильной интерпретации сообщений, особенно когда отсутствует невербальные средства коммуникации.

Отсутствие интонации, мимики, жестов, способных дополнить фразы эмоциями и помочь распознать языковую игру и элементы юмора, присутствующие в высказывании, сводит эту возможность к нулю [3, с. 24].

В этих условиях важную роль начинает играть сетевой этикет – нетикет, представляющий собой совокупность правил поведения, которые создаются и поддерживаются самими участниками. Культура речевого поведения в Интернете не имеет строго кодифицированных правил, они создаются участниками беседы самостоятельно [6].

Специфика цифровой среды обуславливает вариативность и нестабильность соблюдения норм. Пользователи не всегда придерживаются правил речевого этикета, что приводит к распространению неформальных и зачастую некорректных моделей общения. Переписка в социальных сетях и мессенджерах нередко ведется с отклонением от традиционных этических принципов.

В этих условиях возникает необходимость осмысления механизмов регуляции речевого поведения. Как отмечается в работе Вирджинии Ши «Netiquette», базовые принципы сетевого этикета включают уважение к собеседнику, соблюдение норм общения, учет контекста, отказ от агрессивных форм взаимодействия и недопустимость перехода на личность в процессе дискуссии [11]. Однако в реальной практике данные формы реализуются не всегда последовательно. Трудно отрицать, что при общении в интернет-пространстве часто исчезает ряд социокультурных и психологических ограничений. В результате такого рода взаимодействия проявляется речевая агрессия и коммуникативный сбой, что делает общение менее спокойным и зачастую конфликтным.

Агрессивное поведение участников в чатах во многом связано со спецификой самой цифровой среды. Отсутствие личного контакта, относительная анонимность участников общения и слабый внешний контроль снижают уровень сдерживания негативных эмоций, поэтому высказывание нередко становится более резким. В таких условиях сообщения служат способом выплеска эмоций, а обсуждение какой-то обычной ситуации может перейти в открытую конфронтацию, где участники активно реагируют на раздражающие факторы и вступают в словесные споры. Так, в русскоязычных чатах Telergram, ВК, Одноклассники, Discord нередко можно наблюдать резкие реакции, насмешки, иронию, сарказм и троллинг, что приводит к недопониманию и усиливает эмоциональное напряжение. Можно отметить, что в интернете люди могут проявляться более агрессивно, чем в реальной жизни. Это связано с тем, что в онлайн-общении существует меньше контроля со стороны окружающих людей. В условиях анонимности и отсутствия непосредственной реакции снижается уровень речевого самоконтроля, коммуниканты чувствуют большую свободу в выражении эмоций и оценок. Краткость и прямолинейность интернет-речи усиливают резкость формулировок, а нормы отдельных онлайн-сообществ могут закреплять агрессивный стиль как допустимый.

Коммуникативные сбои проявляются в следующих формах:

1. Игнорирование правил обращения к собеседнику нередко проявляется в отсутствии элементарных форм вежливости, некорректном тоне или переходе на личность. Например, в обсуждении в чате в ВК:

Слушай, ты чё куришь, когда такие умные мысли в массы несешь? Больной и не лечишься! По тебе давно больничка плачет. Случаем грибочков не переел, то-то тебя плющит.

2. Нарушение логической структуры диалога проявляется в несоответствии ответа теме обсуждения, игнорировании предыдущих реплик или резком переключении на другую тему. Например, в обсуждении на форуме.

- *Как настроить звук в приложении?*
- *А у тебя вообще телефон какой?*
- *Да все это фигня, лучше скачай другое приложение.*

В данном случае ответы на исходный вопрос не дают решения и уводят диалог в сторону, что затрудняет понимание и снижает эффективность коммуникации.

3. Многократное повторение одного и того же сообщения (спам) нарушает нормальный ход коммуникации, перегружает диалог и затрудняет восприятие значимой информации. Такое поведение может быть как намеренным с целью привлечь внимание, спровоцировать конфликт, так и следствием эмоциональной реакции. Например, в чате: *Ответьте!!! Ответьте!!! Ответьте!!! Я жду!!!* Подобные повторения создают коммуникативный шум, раздражают участников и могут провоцировать негативные реакции вплоть до агрессии со стороны других пользователей.

4. Использование эмоционально окрашенных Caps Lock-сообщений может восприниматься как истошный крик, агрессия, способ привлечения внимания или попытка давить на собеседника и рассматривается как нарушение коммуникативной нормы.

Например: *Я ЖЕ ГОВОРИЛ, ЧТО ЭТО НЕ БУДЕТ РАБОТАТЬ! ПОЧЕМУ НИКТО НЕ СЛУШАЕТ?! ТЫ ЧТО ЗДЕСЬ ЗАБЫЛ? СЛИНЯЙ С ЭТОЙ СТРАНИЦЫ, СРОЧНО!!! ПОМОГИТЕ!!! КТО ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАТЬ?*

5. Использование эмодзи или сокращений в силу их субъективности и многозначности может быть истолковано по-разному и привести к недоразумениям и конфликтам. В случае, когда эмоциональный оттенок текста не совпадает с эмоциональным тоном эмодзи, сообщение начинает восприниматься как саркастичное или неискреннее. Например, в чате:

Пример 1.

- *Ну да, конечно, обязательно встретимся сегодня ☺☺.*
- *Ты сейчас издеваешься?*

В данном случае смайлик может восприниматься как проявление иронии, что вызывает негативную реакцию.

Пример 2.

- *Мне кажется, что ты не так поняла его намерения, не спеши с выводами, имхо.*
- *Почему ты навязываешь свое мнение?*

Сокращение имхо (по моему скромному мнению) не всегда распознается как смягчающее высказывание и может восприниматься как категоричное или даже пренебрежительное, что приводит к недопониманию и конфликту.

Подобные сбои являются доказательством того, что при общении в цифровой среде требуется наличие специфических навыков владения локальным языком того сообщества, в рамках которого осуществляется коммуникация, с тем чтобы избежать возможных недоразумений, а тем более конфликтных ситуаций в ходе речевого взаимодействия.

Соблюдение сетевого этикета позволит значительно снизить недопонимание и тем более речевую агрессию, которая неизбежно становится его результатом. Основ-

ная задача сетевого этикета – осуществление регулирования взаимоотношений между участниками общения в пространстве сети, поддержание оптимального эмоционального баланса, формирование у человека чувства принадлежности к определенной группе. Специфический набор символов, используемых в качестве реакции на стимулы, формирует особый язык сетевого сообщества. Данный язык, как правило, осваивается участниками коммуникации непосредственно в ходе взаимодействия в сети, а владение таким языком ведет к значительному снижению коммуникативных сбоев.

Отметим также, что цифровое общение существенным образом меняет культуру речевого поведения человека. Традиционные языковые и речевые нормы подвергаются жесткой трансформации, на смену старым приходят новые коммуникативные модели поведения. Компиляция форм письменной и устной речи, присущая цифровой среде мультимодальность, активное использование сокращений – все это свидетельствует о формировании в настоящее время особого вида дискурса – дискурса цифрового. Поскольку в пространстве формирующейся цифровой среды отсутствуют жестко установленные правила и нет каких-либо ограничений, вероятность коммуникативных сбоев значительно возрастает, и соответственно возрастает и процент появления речевой агрессии.

Резюмируя, отметим, что общение в цифровой среде неизбежно предполагает формирование новых моделей речевого поведения, которые характеризуются гибкостью языковых норм, мультимодальностью и использованием разнообразных стратегий. Вместе с тем, риск коммуникативных сбоев становится выше, а речевая агрессия проявляется чаще. Для сохранения сбалансированности и оптимизации общения необходима адаптация к вербальным и невербальным нормам конкретного онлайн-сообщества, формирование умения верно использовать языковые и визуальные средства, принятые в данной среде, что снизит вероятность недопонимания и, как результат, позволит сделать сам процесс коммуникации более эффективным, а его результаты более предсказуемыми.

Список литературы

1. Алтухова Т.В., Лебедева Н.Б. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1 (49). С. 105–111.
2. Брусенская Л.А. Интернет-общение как особая форма коммуникации // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. М.: РУДН, 2017. С. 137–142.
3. Войтюкова Е.В., Гроцкая Н.Н. Культура речевого поведения в компьютерных сетях // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: Сб. мат-лов XX Всероссийской научн.-практ. конф. с междунар. участием. Красноярск, 2020. С. 23–25.
4. Едличко А.И. Языковые нормы в цифровую эпоху // Вестник Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 91–104.
5. Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И. Языковые практики цифровой коммуникации: сокращения, эмодзи и мультимодальные элементы // Русский язык и современное общество. 2022. № 2. С. 40–49.
6. Силова В.Д., Максюткова З.Г. Правила поведения в интернете: от этики к безопасности // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых: Сб. тр. XIII Всероссийской (с междунар. участием) научн.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых. Челябинск. ЮУТУ, 2025. С. 320–327.
7. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 1996.
8. Формановская Н.И. Русский речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989.
9. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

10. Herring S.C. Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1996.
11. Shea V. Netiquette. San-Francisco: Albion Books, 2004.

* * *

1. Altuhova T.V., Lebedeva N.B. Virtual'noe obshchenie: novyj etap razvitiya pis'mennoj kommunikacii // Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta. 2012. № 1 (49). S. 105–111.
2. Brusenskaya L.A. Internet-obshchenie kak osobaya forma kommunikacii // Russkij yazyk v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikaciya, kul'tura. M.: RUDN, 2017. S. 137–142.
3. Vojtyukova E.V., Grockaya N.N. Kul'tura rechevogo povedeniya v komp'yuternyh setyah // Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya, yazykovoj kommunikacii i lingvodidaktiki: Sb. mat-lov XX Vserossijskoj nauchn.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Krasnoyarsk, 2020. S. 23–25.
4. Edlichko A.I. Yazykovye normy v cifrovuyu epohu // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2025. T. 28. № 2. S. 91–104.
5. Kol'cova E.A., Kartashkova F.I. Yazykovye praktiki cifrovoj kommunikacii: sokrashcheniya, emodzi i mul'timodal'nye element // Russkij yazyk i sovremennoe obshchestvo. 2022. № 2. S. 40–49.
6. Silova V.D., Maksyutova Z.G. Pravila povedeniya v internete: ot etiki k bezopasnosti // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: vzglyad molodyh: Sb. tr. XIII Vserossijskoj (s mezhdunar. uchastiem) nauchn.-prakt. konf. studentov, aspirantov, molodyh uchenyh. Chelyabinsk. YuUTU, 2025. S. 320–327.
7. Sternin I.A. Russkij rechevoj etiket. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta. 1996.
8. Formanovskaya N.I. Russkij rechevoj etiket i kul'tura obshcheniya. M.: Vysshaya shkola, 1989.

Transformation of culture of speech behaviour in the context of digital communication

The research problem of identifying the influence of the digital environment on the culture of speech behaviour is solved. It is demonstrated how the common norms of speech etiquette are changed in the conditions of environment and what peculiarities the linguistic design of messages acquires. The new forms of communicative cooperation, that are specific for the Internet sphere, are studied. The consideration of the issue of blending the oral and written speech, the use of different semiotic means, the display of speech aggression and the reasons for the origin of communicative failures are emphasized.

Keywords: *digital communication, speech behaviour, online communication, linguistic norm, netiquette, multimodality, speech aggression, communicative failures.*

(Статья поступила в редакцию 07.04.2026).

ВИДЕО БЬЮТИ-ЛАЙФХАК КАК МЕДИАЖАНР

Медиажанр «лайфхак» приобрел широкую популярность в последние годы, поскольку в информационном обществе люди ищут новые и нестандартные способы улучшить свою повседневную жизнь. Руководства, инструкции и советы меняются в сторону простых и понятных для восприятия текстов, опосредованных визуализацией. Видео бьюти-лайфхак представляет собой особый жанр интернет-коммуникации, где экспертное знание транслируется через призму личного опыта; информативная насыщенность изучаемого медиажанра отличается четкой структурной организацией и соответствующим стилистическим оформлением.

Ключевые слова: видео бьюти-лайфхак, медиажанр, цифровая среда, побудительная интенция, инструктивный дискурс.

Цель исследования состоит в выявлении жанровых, содержательных и стилистических особенностей видео бьюти-лайфхака как медиажанра. В качестве материала исследования выбраны 100 коротких видео, взятых с платформы Reddit [7] и представляющих собой советы и рекомендации в области красоты и ухода за собой.

Актуальность данного исследования определяется общей потребностью изучения новых форм электронной коммуникации, и в частности, жанра лайфхак. Интернет из средства общения превратился в мощный инструмент формирования культуры, влияющий на развитие и трансформацию языка. Рост популярности блогов как формы самовыражения делает изучение языковых особенностей новых медийных жанров важным для понимания цифровой коммуникации.

Жанр лайфхака уже подвергнулся лингвистической оценке ряда ученых [3; 4; 5].

Рассмотрим словарную дефиницию слова *lifehack*. Для этого обратимся к словарю «Oxford Learner's dictionary»: **Lifehack** (informal) – *a strategy or technique that you use in order to manage your time and daily activities in a more efficient way* [6] / Лайфхак – стратегия или техника, которые вы используете для того, чтобы более эффективно распорядиться своим временем и повседневной деятельностью (Перевод здесь и далее наш – В.Б., Е.Г., И.Р.).

М.В. Мусийчук и А.П. Павлов определяют лайфхак как хитрую уловку, позволяющую улучшить качество жизни, решить возникшую проблему или приспособиться к нестандартным условиям. Лайфхак – это способ сделать жизнь лучше с помощью нестандартных решений [5]. Мы, в свою очередь, предлагаем следующее определение рассматриваемому феномену: лайфхак – успешно функционирующий способ решения какой-либо проблемы с акцентом на простоту, легкость и быстроту её решения; это советы или рекомендации, полученные в т.ч. с применением традиционных и нетрадиционных методов [3, с. 171].

По форме представления описания решений жизненных задач лайфхаки могут быть представлены в виде сжатого текста, инфографики, поясняющей картинки, виде-

оряда или смешанной формы представления, которая может совмещать все вышеперечисленные форматы.

Существует множество видов лайфхаков в зависимости от их тематики, например: кулинарные лайфхаки, направленные на упрощение выполнения приготовления блюд; детские лайфхаки, созданные для того, чтобы упростить воспитание детей; медицинские лайфхаки; бытовые лайфхаки и т.п. Тематических видов лайфхаков существует бесчисленное множество, их разделение происходит в зависимости от сферы использования.

По своей сути лайфхак представляет собой разновидность рекомендации или совета. Как справедливо отмечает В.И. Карасик, в рамках сетевого дискурса выделяется текстотип, содержанием которого является совет как ответное коммуникативное действие на чью-либо просьбу. При этом В.И. Карасик относит советы к жанру инструктивов, в поле которых также входят рекомендация и инструкция. К признакам совета ученый относит бенефактивность, т.е. наличие одушевленного субъекта, интересы которого затрагиваются в той или иной ситуации и необлигаторность действия для адресата. В.И. Карасик относит лайфхак к так называемым инициативным инструктивам. Инициативные инструктивы подразумевают исходную проблему, ответом на которую они являются [4, с. 149–151].

Жанр лайфхака и жанр совета похожи тем, что они оба направлены на предоставление информации, которая может помочь улучшить чью-то жизнь, будь то практические советы, рекомендации или предложения по конкретным проблемам или ситуации. Однако между этими двумя жанрами есть и некоторые различия. Например, лайфхаки – это, как правило, короткие, лаконичные советы, посвященные конкретному аспекту жизни. Советы, с другой стороны, могут быть длиннее и содержательнее. Они фокусируются на предложении руководства и поддержки тому, кто сталкивается с определенной проблемой. Совет часто предполагает более личный и доверительный тон и может опираться на собственный опыт или знания дающего совет.

Некоторыми учеными отмечаются такие свойства совета, как директивная и побудительная интенция, наличие определенного алгоритма выполнения действий. Так, Ю.Д. Апресян отмечает, что «побуждение – это сообщение о желании говорящего, чтобы адресат выполнил определенное действие, и попытка каузировать его выполнение адресатом» [2, с. 22]. Главным содержательным критерием для классификации побуждений является степень интенсивности, в соответствии с которой выделяются неинтенсивные и интенсивные жанры. Первая группа позиционирует некоторое действие как желательное (просьба, совет), вторая группа – как обязательное для выполнения (приказ, распоряжение). Для реализации этой интенции применяются дополнительные средства усиления императивной модальности. Среди неинтенсивных жанров можно выделить такие, где оратор, хотя и не настаивает на исполнении действия, но мыслит его как необходимое для себя или для общества (просьба, поручение, указание и т.п.), и такие, где оратор совсем не акцентирует свою заинтересованность (совет, приглашение, предложение и т.п.) [1, с. 93]. Исходя из этой классификации, полагаем, что лайфхак относится к неинтенсивным побудительным жанрам.

Необходимо отметить, что в настоящее время лайфхак может находиться на стыке разных жанров. Он во многом опосредован рекламным дискурсом: лайфхак также может содержать ссылки или упоминания о рекомендуемых продуктах, которые могут служить формой рекламы. В некоторых лайфхаках может прослеживаться развлекательная интенция. Нередко блогер ставит своей целью рассмешить аудиторию. Тогда лайфхак может превратиться в так называемый «вредный совет». Такое явление в современном медиадискурсе получило название антилайфхак, например, «Как сломать ноутбук за две секунды». В антилайфхаках присутствует элемент сатиры, высмеивания людей, которые ищут решения любой проблемы, даже самой элементарной, в интернете.

Иногда полезный совет доводится до абсурда и теряет свою практическую значимость. Такие лайфхаки создаются с целью привлечь внимание людей странными и совершенно бесполезными действиями, например: «Как спрятать помаду в каблуке». Такой совет, очевидно, предназначен не для того, чтобы помочь человеку, а чтобы привлечь внимание экстравагантной подачей и вызвать недоумение.

Лайфхак, как и многие современные интернет-жанры, относится к контенту, создаваемому пользователями: тексты, фотографии, видеоролики, аудиозаписи и т.д. (*user generated content*). В настоящее время созданием лайфхаков чаще всего занимаются блогеры и видеоблогеры. Мы уже высказывали идею о том, что молодое поколение отличается новыми потребительскими предпочтениями, заботой о своей внешности. Оно привыкло искать информацию об этом в интернете, но гораздо больше (на 60%) доверяют мнению блогеров, обсуждениям на форуме и в социальных сетях, а не официальным маркетинговым стратегиям крупных компаний. Профессионалы воспринимаются ими как люди, навязывающие продукт, скрывающие правду [3, с. 171].

Видео бьюти-лайфхак – это набор простых методик и приёмов-хитростей, направленных на упрощение различных действий по отношению к внешности человека. Коммуникативная цель видео бьюти-лайфхака заключается в предоставлении новой информации из сферы красоты, направленной на решение конкретных проблем. Эти видео обычно освещают различные способы улучшения внешности с помощью косметических средств и представляют собой советы, которые раньше передавались «от народа», а сейчас чаще всего исходят от блогеров.

Большая часть проанализированных нами видео бьюти-лайфхаков представляют собой видеоряды с речевыми или текстовыми комментариями. Видео бьюти-лайфхаки набирают особую популярность, т.к. видеоресурсы позволяют подкрепить совет визуальными эффектами. Кроме того, видеолайфхак отличается визуальным присутствием коммуниканта, дающего совет. Благодаря этому создается впечатление личного общения, результат применения лайфхака демонстрируется наглядно, что вызывает доверие у интернет-пользователей.

Анализ языкового материала показал, что видео бьюти-лайфхак характеризуется прямым обращением к аудитории, частым использованием местоимений первого и второго лица *I, you /я, ты, вы*. Обращение к аудитории часто выражается через императивные предложения: *See this technique! Get rid of 11 lines without Botox /Посмотрите на эту технику! Избавьтесь от 11 морщин без применения ботокса*.

Видео бьюти-лайфхак одновременно содержит в себе и поставленную проблему, и ее решение. Проблема часто вводится через вопросительный специальный вопрос *How* или *How to*: *How to apply vitamin C like a dermatologist? How to faux freckles? /Как применять витамин С так, как это делает дерматолог? Как замаскировать веснушки?* или через предложения со значением условия: *If you have sensitive ears, try to..., If you have acne scars, you need to...,* или через общие вопросы: *Are you struggling with acne scars? Do you know how to make glass skin? /Если у вас чувствительные уши, попробуйте..., Если у вас есть шрамы от угревой сыпи, вам нужно... Вы боретесь со шрамами от угревой сыпи? Вы знаете, как сделать кожу гладкой?*

Блогеры также подчеркивают уникальность совета, тем самым повышая его ценность в глазах аудитории, используя сослагательное наклонение во фразах: *Ten makeup tips I wish I knew earlier; Girl tips I wish I knew sooner /Десять советов по макияжу, которые я хотела бы знать раньше; Советы для девушек, которые я хотела бы знать раньше*.

Набирают популярность видео бьюти-лайфхаки, построенные на противопоставлении, т.к. они наглядно показывают преимущество показанной техники на фоне ее «неправильно выполненного варианта»: *How to get small vs big eyes; Right Vs Wrong eyeliner technique; Before – after; Do – Don't /Как сделать глаза маленьки-*

ми или большими; Правильная или неправильная техника подводки; До – после; Делать – не делать.

Для установления максимального доверия со стороны воспринимающей аудитории блогеры идут на снижение регистра коммуникации, а именно, прибегают к использованию разговорных слов: *gonna, gotta, ain't, Duh!, Well, So, Ugh, Eww* / собираюсь, должен, не так ли, Да!, Ну, так что, Ух, Фу. Создается впечатление, что происходит личная коммуникация, как если бы человек общался с близким другом. Естественность общения подкрепляется с помощью эллиптических предложений: *Why not? Why not?; Irritated skin?; Skin peeling off?; Want a clear back? And chest?; Spots GONE overnight. SWEAR by this; Strengthens, whitens, speeds up growth* / Почему нет? Почему бы и нет?; Раздраженная кожа?; Шелушащаяся кожа?; Хотите чистую спину? И грудь?; Пигментные пятна ИСЧЕЗЛИ за ночь. КЛЯНУСЬ, что это так; Укрепляет, отбеливает, ускоряет рост. Для установления двусторонней коммуникации нередко авторы роликов просят обратной связи от аудитории: *Comment down below, to find out which yoga program is best for you* / Прокомментируйте ниже, какая программа йоги лучше всего подходит для вас.

В число стилистических средств, применяемых блогерами в текстах данного жанра, входят эпитеты: *super natural skin finish, it will blend more flawlessly, lighting is crucial, perfect peachy shade, amazing antioxidants, top secret hacks* / супернатуральное покрытие для кожи, оно будет сочетаться более безупречно, освещение имеет решающее значение, идеальный персиковый оттенок, потрясающие антиоксиданты, совершенно секретные приемы.

Стоит отметить такой прием, как метафора. Так, например, в видео девушка называет средство для волос *magic weapon* (букв. «волшебное оружие»). Употребление эпитетов и метафор повышает эмоциональность высказываний и создает большую убедительность, чем при использовании коннотативно нейтральной лексики. Этой же цели служат и идиоматические выражения: *she has made the biggest difference hands down* / без особых усилий – о косметическом продукте; *Right of the bat, you'll see the result* / сразу же – об использовании крема для лица; *Give it a shot* / Попробуй! – лайфхакер предлагает аудитории воспользоваться его советом.

Подведем итоги. Видео бьюти-лайфхаки ориентированы на массовую аудиторию, о чем свидетельствует основной канал их передачи (интернет) и простая форма презентации, понятная для всех. Как и многие современные медиажанры, жанр видео бьюти-лайфхака частично пересекается с рекламным дискурсом, выполняя одновременно информационную, развлекательную и побудительную функции.

Содержательный и стилистический анализ показал, что видео бьюти-лайфхак характеризуется повышенной эмоциональностью, доверительной тональностью общения, стремлением к упрощению речи, приближению ее к разговорной.

Учитывая все вышесказанное, полагаем, что с точки зрения коммуникативной интенции взаимодействия автора и адресата видео бьюти-лайфхак можно назвать информационно-побудительным жанром, т.к. это источник информации, который может помочь людям в той или иной ситуации. Рассмотренные видео бьюти-лайфхаки относятся к неинтенсивным побудительным жанрам, в которых имеется побуждающая интенция, призыв к какому-либо действию или отклику. Они часто демонстрируют позитивный и оптимистичный взгляд на некую «проблему красоты», которую любой человек может решить с помощью нескольких простых действий.

Список литературы

1. Анисимова Т.В. Принципы классификации императивных жанров // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 91–97.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

3. Буряковская В.А. Медицинский лайфхак как медиажанр // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 170–175.
4. Карасик В.И. Инструктивы в сетевом дискурсе // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 148–153.
5. Мусийчук М.В., Павлов А.П. «Лайфхак» как форма интеллектуальной активности в современных интеллектуальных системах // Мир науки. Педагогика и психология. 2016. Т. 4. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/layfhak-kak-forma-intellektualn-oy-aktivnosti-v-sovremennyh-intellektualnyh-sistemah> (дата обращения: 07.01.2026).
6. Oxford Learner's Dictionaries // URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hack_2#hack_sng_13 (дата обращения: 07.01.2026).
7. Reddit // URL: <https://www.reddit.com> (дата обращения: 04.01.2026).

* * *

1. Anisimova T.V. Principy klassifikacii imperativnyh zhanrov // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2011. № 13. S. 91–97.
2. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. M.: Nauka, 1974.
3. Buryakovskaya V.A. Medicinskij lajfhak kak mediazhanr // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2022. № 3. S. 170–175.
4. Karasik V.I. Instruktivy v setevom diskurse // Zhanry rechi. 2019. № 2 (22). S. 148–153.
5. Musijchuk M.V., Pavlov A.P. «Lajfhak» kak forma intellektual'noj aktivnosti v sovremennyh intellektual'nyh sistemah // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. 2016. Т. 4. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/layfhak-kak-forma-intellektualn-oy-aktivnosti-v-sovremennyh-intellektualnyh-sistemah> (data obrashcheniya: 07.01.2026).

Beauty life hack genre as media genre

The media genre “life hack” has gained widespread popularity in the last few years because people are looking for new and unstandardized ways to improve their everyday life. The guidance, instruction and advice are changed toward the simple and understandable texts that are mediated by visualization. Beauty life hack video is considered as a special genre of Internet communication where expert knowledge is conveyed through the prism of personal experience. The information richness of the studied media genre is distinguished by the distinct structural organization and the suitable stylistic design.

Keywords: *beauty life hack video, media genre, digital environment, imperative intention, instructive discourse.*

(Статья поступила в редакцию 01.04.2026).

М.А. ПОПОВА
Волгоград

**ПАРЕМИЯ КАК АРГУМЕНТАТИВНОЕ СРЕДСТВО
(на материале русско- и испаноязычных медийных текстов)**

Исследуется аргументативный потенциал паремий, функционирующих в медийном тексте. Анализируются риторические стратегии использования паремий в русско- и испаноязычных медийных текстах: стратегия апелляции к традиции и стратегия рациональной иллюстрации с актуализирующими их тактиками. Делается вывод об аргументативной природе паремий и их востребованности в современных медийных текстах.

Ключевые слова: *медийный текст, паремия, пословица, аргументация, риторический аргумент, риторическая стратегия.*

Паремия признавалась аргументом еще в классической риторике. Аристотель, создавший первую классификацию паремий, утверждал, что паремии – это элементы старой философии, выжившие благодаря своей краткости» [3, с. 80]. В «Никомаховой этике» Аристотель использует философский термин фронезис (φρόνησις), определяя его как «суждения, способствующие действию по поводу вещей, хороших или плохих для человека, <о том,> какие <вещи являются благами> для хорошей жизни» [5, с. 178–179].

Фронезис, по Аристотелю, – это рассудительность, позволяющая определять правильное с моральной точки зрения направление действий и принимать решения. Фронезис непременно присутствует в «текстах мудрости» – паремиях [7, с. 262].

В исследованиях последних лет неоднократно подчеркивалось, что паремии аргументативны по своей природе: они в свёрнутом виде содержат посылку и вывод, представляя собой элементарное умозаключение (энтимему) [1; 11; 18]. Ср.: «В подавляющем большинстве соответствующих употреблений роль паремий можно охарактеризовать как аргументативную: они подкрепляют, усиливают, обосновывают позицию или мысль говорящего, высказываемую по какому-то поводу. Это дает, по-видимому, достаточно оснований для того, чтобы выделить их в особый вид языковых единиц, который можно назвать аргументативными средствами языка» [1, с. 4]. «В подавляющем большинстве соответствующих употреблений роль паремий можно также охарактеризовать как аргументативную: они подкрепляют, усиливают, обосновывают позицию или мысль говорящего, высказываемую по какому-то поводу. В связи с этим, по нашему мнению, их можно выделить в особый вид языковых единиц и назвать аргументативными средствами языка» [18, с. 80].

Цель работы – выявление и анализ доминирующих риторических стратегий, реализующих аргументативную функцию паремий в современных русско- и испаноязычных медийных текстах.

Материал исследования – 70 микроконтекстов с употреблением пословиц и *refran* (35 на русском языке и 35 на испанском языке), извлечённых методом сплошной выборки из медийных текстов русско- и испаноязычных печатных и сетевых изданий 2025–2026 гг.

Сделаем несколько предварительных замечаний, касающихся основной терминологии, используемой в настоящей статье.

1. *Паремия, пословица, refrán, proverbio.* В нашем исследовании предлагается рабчее определение паремии, охватывающее, на наш взгляд, единицы, реально исполь-

зуемые в массмедиа, без необходимости в каждом спорном случае определять содержание термина.

Паремия – это устойчивая в языке и воспроизводимая в речи анонимная (или воспринимаемая как анонимная) единица фольклорного происхождения, обладающая клишированной формой, образностью и содержащая в себе элемент обобщения, оценки или предписания, которая способна функционировать как самостоятельное высказывание в соответствии с коммуникативной интенцией адресанта (автора).

К русским паремиям традиционно относят пословицы и поговорки [17, с. 3]. В нашей работе анализируются только пословицы. В качестве базовой дефиниции мы используем определение пословиц, данное в монографии Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко:

Пословицы – «устойчивые в речи афоризмы фольклорного происхождения, имеющие образную и «безобразную» структуру значения, характеризующиеся эквивалентностью суждения, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста» [4, с. 248].

С русскими пословицами в нашем исследовании сопоставляются такие единицы испанской паремиологии, как *refrán* и *proverbio*. Ср.: «*Refrán* – это короткое разговорное мудрое изречение, заключающее в себе коллективный опыт и нравственные поучения. <...> *Proverbio* – суждение, содержащее мудрую мысль, совет, наставление, мудрое знание, которое <...> зачастую принадлежит мудрецам, известным людям» [8, с. 3562].

2. **Аргументация**, риторические аргументы, риторические стратегии. Аргументация – речевое действие, включающее систему утверждений, воздействующих на взгляды и поведение человека, которому они адресованы [2, с. 17; 9, с. 7].

Подчеркиваем, что мы под аргументацией понимаем процесс предъявления и организации аргументов, который может осуществляться с помощью различных стратегий (выделено нами – М.П.). Отметим, что мы сознательно и принципиально не используем термин аргументативная стратегия. Вслед за Н.К. Пригариной, мы считаем, что рассматривать аргументацию как стратегию не совсем корректно (См. подробнее: [14, с. 29]).

Паремии (пословицы, *refrán* и *proverbio*) используются в русско- и испаноязычных медийных текстах как риторические аргументы.

Под риторическими аргументами мы понимаем «ценностные (этические), рациональные (логические) и эмоциональные (психологические) аргументы, используемые в убеждающей речи с целью достижения эффективного воздействия» [15, с. 28].

Риторические аргументы, заложенные в паремиях, реализуются в русско- и испаноязычных медийных текстах посредством риторических стратегий.

Риторическая стратегия – это «способ предъявления риторической аргументации, направленное и организованное воздействие адресанта на адресата с целью достижения желаемого результата» [13, с. 10–11].

Для современного медийного текста чрезвычайно актуальна аргументативная составляющая: массмедиа цифровой эпохи не просто информируют, но и моделируют отношение к сообщаемому, стремясь убедить адресата в справедливости предлагаемой адресантом точки зрения или оценки.

Паремии активно используются в русско- и испаноязычных медийных текстах в качестве аргументативных средств. Переходим к анализу риторических стратегий, реализующих аргументативную функцию паремий в современных русско- и испаноязычных медийных текстах.

Анализ нашего материала позволил выявить две риторические стратегии, реализующие аргументативную функцию паремий: стратегию апелляции к традиции и стратегию рациональной иллюстрации.

Каждая из них располагает собственным набором тактик – конкретных приёмов встраивания паремии в текст.

1. Риторическая стратегия апелляции к традиции. Паремия служит идеальным аргументативным инструментом данной стратегии, поскольку сама по себе является голосом традиции, проверенной веками. Аргументативную роль апелляции к традиции подчеркивал А.А. Ивин: «Существенную роль в создании положительного перлокутивного эффекта играет когнитивный компонент традиционности в системе человеческих представлений, ставящий традиционное выше разумного. <...> Традиции имеют отчетливо выраженный двойственный, описательно-оценочный характер. С одной стороны, они аккумулируют предшествующий опыт успешной деятельности и оказываются своеобразным его выражением, а с другой – представляют собой проект и предписание будущего поведения» [9, с. 108–109].

При использовании риторической стратегии апелляции к традиции автор, чтобы подкрепить свой тезис, ссылается на паремию как на общепризнанную истину, не приводя дополнительных доказательств. Паремия выступает как аксиома, как голос коллективного опыта, не подлежащего критической верификации. Подчеркивается народное происхождение паремии, её древность. Приведем примеры:

Рус.: *Не зря наши предки говорили: яблоко от яблони недалеко падает. Дети – зеркало родителей* [12].

Исп.: *La sabiduría popular nos enseña que de tal palo, tal astilla. No pretendas que tu hijo sea diferente si tú le das mal ejemplo* / Народная мудрость нас учит: какая палка, такая и щепка. Не претендуй на то, что твой ребенок будет другим, если ты подаешь ему плохой пример [19] (Перевод здесь и далее наш – М.П.).

Исп.: *El refrán «A quien madruga, Dios le ayuda» sigue vigente en el siglo XXI: los emprendedores que madrugan tienen más probabilidades de éxito* / Пословица «Кто рано встает, тому Бог помогает» продолжает быть актуальной в 21 веке: предприниматели, которые рано встают, имеют больше шансов на успех [20].

При реализации риторической стратегии апелляции к традиции используются следующие тактики: **тактика** категорического умозаключения, тактика сентенциозного прогноза, тактика *легитимации через номинацию*, **тактика вводных формул**.

А) Тактика категорического умозаключения реализуется посредством размещения паремии в сильную позицию текста (заголовок, эпиграф, лид), где она играет роль большой посылки силлогизма. Малой посылкой при этом служит конкретная ситуация, описываемая в статье. Например, статья о необходимости повышения пенсионного возраста открывается эпиграфом *Старость – не радость* [12]. Далее приводятся статистические данные о демографической ситуации в стране. Паремия аргументирует, задавая аксиоматическую рамку, смягчая возможное сопротивление. Вывод читатель делает самостоятельно, но он предопределён структурой текста: повышение неизбежно, и оно сопряжено с тяготами, которые нужно мужественно принять. Паремия задаёт угол зрения: оспаривать нечего, ведь «старость не радость».

В статье «Коммерсантъ» о коррупционном скандале лид начинается фразой: *Сколько верёвочке ни виться, конец будет* [10]. Пословица помещена в абсолютное начало текста, до изложения конкретных фактов. Она задаёт не только оценочную рамку (деятельность фигурантов заведомо преступна), но и сюжетный вектор – читатель с первых же строк понимает, чем закончится история, и дальнейшее повествование воспринимается как подтверждение заранее известной истины. Это классический пример тактики *категорического умозаключения*, при котором паремия играет роль большой посылки силлогизма.

В медийных текстах на испанском языке аналогично работает *refrán El que no llora, no tata* / Кто не плачет, тот не ест [21] в статьях о социальных протестах. Паремия легитимирует активное требование прав, представляя его как естественный и даже одо-

бряемый предками тип поведения. Автор (адресант) может одновременно и поддерживать протестующих (признавая их право «плакать»), и осуждать их за инфантилизм – в зависимости от контекста и интонации. Мудрость, выдающая себя за циничную истину, легитимирует активное требование прав.

Б) Тактика сентенциозного прогноза. Паремия используется для предсказания последствий события, причём это предсказание подаётся как неотвратимое, освящённое опытом и традицией. В заголовке *Поспешишь – людей насмешишь* [16] не только передается ирония по поводу ненужной поспешности, но и содержится предупреждение об обязательном публичном провале. Читателю остаётся лишь убедиться в справедливости прогноза, читая текст. Паремия прогнозирует неизбежный негативный сценарий, мобилизуя эмоцию страха.

Ср. также: в статье о будущих политических назначениях предсказывается неизбежное предательство со стороны новых назначенцев: *Cría cuervos y te sacarán los ojos* / Вскорми воронов, и они склюют тебе глаза [20].

В) Тактика легитимации через номинацию. Сам факт обозначения ситуации паремией придаёт ей статус типичной, а значит, нормальной или, по крайней мере, ожидаемой. В статье об экономическом кризисе, озаглавленной *No hay mal que cien años dure* / Нет зла, которое длится сто лет [19], не отрицается тяжесть ситуации, но она вписывается в циклическую модель и обещается благополучный исход.

Исп.: *Al mal tiempo buena cara: sobrevive al Blue Monday con estas rebajas en artículos de belleza* / Не вешать нос: переживите Голубой понедельник с этими скидками [20]. Автор подтверждает, что распродажи не для всех являются благоприятным временем, и рекомендует потерпеть.

Г) Тактика вводных формул. Высказывание подкрепляется фразами как говорится, народная мудрость гласит, не зря люди говорят, *refrán dice*, и тем самым ответственность за истинность сообщаемого перекладывается на народную мудрость и опыт предков. Ср.: *Не зря люди говорят: «Семь раз отмерь, один раз отрежь»* [10]

Исп.: *Cómo reza el dicho, “más vale prevenir que curar”* / Как говорится, «лучше предотвратить, чем вылечить» [21].

Исп.: *Los antivacunas argumentan riesgos teóricos. Pero la sabiduría popular dice: No por mucho madrugar amanece más temprano. Las prisas y el miedo no cambian los hechos científicos* / Антипрививочники приводят аргументы теоретических рисков. Но народная мудрость гласит: Не от того, что рано встаёшь, рассвет наступает раньше [19].

Рус.: Правительство должно сократить неэффективные расходы. Как говорится, береги платье снову, а честь – смолоду. Так и бюджет: беречь надо заранее, а не когда дыра образуется [16].

2. Риторическая стратегия рациональной иллюстрации предполагает использование паремии как частного примера, подтверждающего закономерность, рациональный тезис автора. Паремия переносит свойства знакомой ситуации на новую.

При реализации стратегии **рациональной иллюстрации** используются следующие тактики: **тактика аналогии**, **тактика ложного умозаключения**, **тактика индуктивного обобщения**, **тактика распространённой развернутой метафоры**, **тактика свернутого сравнения**.

А) Тактика аналогии. Паремия используется как готовая аналогия, которая переносит свойства одной ситуации на другую. Происходит логическое обоснование через аналогию. Проводится параллель между реальным событием и типовой ситуацией, запечатлённой в паремии.

Рус.: Эта отставка напоминает нам пословицу *«Конь о четырёх ногах, и тот спотыкается»* – даже опытные политики совершают ошибки [16]. В данном случае аналогия смягчает критику, придавая ей оттенок житейской мудрости, и делает аргумент более доходчивым.

Исп.: *La dimisión del ministro recuerda al refrán «A la tercera va la vencida»* / Отставка министра напоминает пословицу «На третью попытку приходит победа» [20]. Аналогия упорядочивает хаотичную реальность, вписывая её в знакомые сценарии.

Рус.: *Правительство тянет с принятием закона. Но, как говорится, семь раз отмерь – один раз отрежь. Лучшие тщательно подготовиться, чем потом исправлять ошибки* [12].

Исп.: *Muchos empleados no se atreven a cambiar de empresa. Pero quien no se arriesga, no cruza el río – dice el refrán. A veces hay que saltar* / Многие служащие не решаются поменять фирму. Но кто не рискует, тот не пересекает реку, – говорится в пословице [19].

Б) **Тактика ложного умозаключения.** Приём, при котором паремия формально используется как аргумент, но логическая связь между ней и тезисом либо слаба, либо намеренно искажена. Например, статья об оправдательном приговоре коррупционеру завершается фразой: *Нет дыма без огня* [16]. Автор сообщает об оправдательном приговоре, но намекает, на несовершенство правосудия. Это манипуляция. Паремия используется для проведения сомнительного тезиса под прикрытием авторитета.

В) **Тактика индуктивного обобщения.** Конкретный случай возводится в ранг паремической закономерности:

Рус.: История этого стартапа подтверждает старую истину: *Первый блин комом* [12]. Паремия содержит обобщение, придающее частному примеру универсальное звучание.

Исп.: *Puigdemont: perro ladrador, poco mordedor* / Пучдемон: собака лает, но не кусает [21]. Паремия в заголовке политической статьи о голосовании в конгрессе возводит конкретный случай в закономерность.

Г) **Тактика распространённой развернутой метафоры.** Еще Аристотель указывал, что «паремии суть метафоры от одного вида вещей к другому» [6]. При использовании данной тактики автор разворачивает метафору на несколько предложений. Паремия используется как метафорическая параллель, где частный случай проецируется на универсальную ситуацию, описанную в пословице. *Например, призыв не менять планы на полпути аргументируется фразой Коней на переправе не меняют* [10].

Д) **Тактика свернутого сравнения.** При использовании данной тактики автор «сворачивает» сравнение своей мысли с содержанием какой-то паремии, просто напоминая о ней или используя вводную формулу мы помним, что...:

Исп.: *También acordamos que más vale prevenir que curar, es lo que nos repiten los médicos* / Мы также помним, что лучше предотвратить, чем лечить, это то, что нам повторяют врачи [19].

Таким образом, паремии используются в современных русско- и испаноязычных медийных текстах как готовые аргументы, поскольку они мгновенно узнаваемы, содержат встроенную оценку, отличаются краткостью и образностью, апеллируют к авторитету традиции и актуализируют пласт культурно санкционированных смыслов. Аргументативная сила паремий основана преимущественно на их энтимематичности и авторитете «народной мудрости».

В медийном тексте свёрнутая аргументация, заложенная в паремии, разворачивается в полноценный акт убеждения, включающий интенцию адресанта (автора), учет интересов адресата, риторические аргументы и способы их организации – риторические стратегии.

Аргументативная функция паремий в русско- и испаноязычных медийных текстах реализуется двумя риторическими стратегиями: стратегией апелляции к традиции (49,2% в текстах на русском языке и 67,7% в текстах на испанском языке) и стратегией рациональной иллюстрации (50,8% в текстах на русском языке и 32,3% в текстах на испанском языке) (20%).

Список литературы

1. Аверина С.Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка: дис.... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.
2. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Изд-во МГУ, 1991.
3. Алексеева О.П., Давыдочева М.А. Паремии: к вопросу терминологии в лингвистическом знании // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 4. С. 79–83.
4. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: Учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта: Наука, 2009.
5. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель / Пер. с др.-греч. Н.В. Брагинской. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1978. С. 53–294.
6. Аристотель. Риторика. Кн. III. 11 // litlife.club. URL: <http://https://litlife.club/books/128434/read?page=43> (дата обращения: 29.05.2026).
7. Гребнев В.Л. Философские и библейские основания паремий как составляющих традиционного фольклора // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. Вып. 2. С. 260–267.
8. Захарова Л.Б., Захарова Е.В. Дефиниция и классификация паремий в русском и испанском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 11. С. 3560–3564.
9. Ивин А.А. Риторика: искусство убеждать: Учеб. пособие. М.: Фаир-Пресс, 2003.
10. Коммерсантъ (2025–2026). // URL: <https://kommersant.ru> (дата обращения: 29.05.2026).
11. Меньшакова Н.Н., Валеева А.Р. Апеллятивная функция испанских паремий: совет и предупреждение // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 30–35.
12. Новая газета (2025–2026) // URL: <https://novayagazeta.ru> (дата обращения: 29.05.2026).
13. Пригарина Н.К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010.
14. Пригарина Н.К. Аргументирование, аргументация и аргументативность: к вопросу об интерпретации понятий и толковании терминов // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2025. № 2 (10). С. 27–34.
15. Пригарина Н.К. Риторическая аргументация: мат-лы к спецкурсу: Учеб. пособие. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2010.
16. Российская газета (2025–2026) // URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 29.05.2026).
17. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002.
18. Серёгина М.А. Паремии как вербальные средства аргументации // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 3. С. 78–84.
19. El Confidencial (2025–2026) // URL: <https://elconfidencial.com> (дата обращения: 29.05.2026).
20. El Mundo (2025–2026) // Ediciones digitales. URL: <https://elmundo.es> (дата обращения: 29.05.2026).
21. El País (2025–2026) // Hemeroteca digital. URL: <https://elpais.com> (дата обращения: 29.05.2026).

* * *

1. Averina S.N. Poslovichno-pogovorochnye paremii kak argumentativnye sredstva yazyka: dis.... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2005.
2. Alekseev A.P. Argumentaciya. Poznanie. Obshchenie. M.: Izd-vo MGU, 1991.
3. Alekseeva O.P., Davydocheva M.A. Pareonii: k voprosu terminologii v lingvisticheskom znanii // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2020. № 4. S. 79–83.
4. Alefirenko N.F., Semenenko N.N. Frazzeologiya i paremiologiya: Ucheb. posobie dlya bakalavrskogo urovnya filologicheskogo obrazovaniya. M.: Flinta: Nauka, 2009.
5. Aristotel'. Nikomahova etika // Aristotel' / Per. s dr.-grech. N.V. Braginskoy. Soch.: V 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1978. S. 53–294.
6. Aristotel'. Ritorika. Kn. III. 11 // litlife.club. URL: <http://https://litlife.club/books/128434/read?page=43> (data obrashcheniya: 29.05.2026).

7. Grebnev V.L. Filosofskie i biblejskie osnovaniya paremij kak sostavlyayushchih tradicionnogo folklora // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii. 2023. T. 24. Vyp. 2. S. 260–267.
8. Zaharova L.B., Zaharova E.V. Definiatsiya i klassifikatsiya paremij v russkom i ispanskoy yazykah // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14, № 11. S. 3560–3564.
9. Ivin A.A. Ritorika: iskusstvo ubezhdat: Ucheb. posobie. M.: Fair-Press, 2003.
10. Kommersant (2025–2026). // URL: <https://kommersant.ru> (data obrashcheniya: 29.05.2026).
11. Men'shakova N.N., Valeeva A.R. Apellyativnaya funktsiya ispanskikh paremij: sovet i preduprezhdenie // Evrazijskiy gumanitarnyy zhurnal. 2022. № 3. S. 30–35.
12. Novaya gazeta (2025–2026) // URL: <https://novyagazeta.ru> (data obrashcheniya: 29.05.2026).
13. Prigarina N.K. Argumentatsiya sudebnoy zashchititel'noy rechi: ritoricheskaya model': avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2010.
14. Prigarina N.K. Argumentirovanie, argumentatsiya i argumentativnost': k voprosu ob interpretatsii ponyatiy i tolkovanii terminov // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsial'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2025. № 2(10). S. 27–34.
15. Prigarina N.K. Ritoricheskaya argumentatsiya: materialy k spekursu: Ucheb. posobie. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2010.
16. Rossiyskaya gazeta (2025–2026) // URL: <https://rg.ru> (data obrashcheniya: 29.05.2026).
17. Savenkova L.B. Russkaya paremiologiya: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostov. un-ta, 2002.
18. Seryogina M.A. Paremiy kak verbal'nye sredstva argumentatsii // Vestnik RUDN. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya. 2012. № 3. S. 78–84.

***Paroemia as argumentation means
(based on the Russian and Spanish media texts)***

The argumentation potential of paroemia, functioning in media texts, is studied. The rhetorical strategies of use of paroemia in the Russian and Spanish-language media texts (the strategy of appealing to tradition and the strategy of rational illustration with tactics, actualizing them) are analyzed. It is concluded about the argumentative nature of paroemia and its relevance in modern media texts.

Keywords: *media text, paroemia, proverb, argumentation, rhetorical argument, rhetorical strategy.*

(Статья поступила в редакцию 6.06.2026).

П.В. ОРЛОВ
Е.Ю. КИСЛЯКОВА
Волгоград

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТОСФЕРА РАЗВЛЕКАТЕЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОГО МЕДИАДИСКУРСА
(на материале российских, американских и китайских программ)

Исследуются тематическая организация и концептосфера развлекательно-информационного медиадискурса (инфотейнмента). Установлено, что тематическая архитектура инфотейнмента выстраивается вокруг устойчивых доменов, отражающих культурные приоритеты. Выявлено, что концептосфера базируется на макроконцептах «событие», «человек», «время», «власть», содержание которых существенно варьируется в зависимости от национального контекста. Различия в иерархии тем и наполнении концептов детерминированы ценностными системами и коммуникативными традициями.

Ключевые слова: *инфотейнмент, медиадискурс, дискурсивная картина мира, тематическая организация, концептосфера, концепт, национально-культурная специфика.*

Современный медиаландшафт характеризуется интенсивной конвергенцией информационных и развлекательных функций, что привело к доминированию феномена инфотейнмента. Этот гибридный формат, сращивающий серьезное содержание с развлекательными способами подачи, радикально трансформирует способы производства и потребления контента, формируя особую дискурсивную картину мира. Изучение того, как устроен этот мир с точки зрения его тематики и глубинных когнитивных структур, представляет собой актуальную задачу медиалингвистики. Как отмечает Т.Г. Добросклонская, данная дисциплина требует комплексного описания медийного смысла как результата взаимодействия тематических, жанровых и когнитивных механизмов [3, с. 124; 4, с. 87].

Цель статьи – выявить универсальные закономерности и национально-культурную специфику в тематической организации и концептосфере развлекательно-информационного медиадискурса на материале российских, американских и китайских телевизионных программ. Материалом исследования послужили тексты программ российского (Первый канал, «Россия 24»), американского (CNN, Fox News, ABC) и китайского телевидения (CCTV, Phoenix TV) общим объемом более 500 часов эфирного времени за период 2018–2023 гг.

Методами исследования являются дискурс-анализ, концептуальный анализ и сопоставительный метод.

Тематическая организация развлекательно-информационного медиадискурса представляет собой многоуровневую систему, где новостная повестка переупаковывается под требования шоу-формата. Инфотейнмент ориентирован не на сухую фиксацию сведений, а на их перевод в «привлекательную, легко усваиваемую форму, где знание связывается с эмоцией, интригой, узнаваемым сценарием» [7, с. 45]. Это приводит к формированию устойчивых тематических доменов, конфигурация которых отражает культурно закрепленные приоритеты того или иного общества.

В российской медийной и социальной модели, ориентированной на коллективные ценности, ключевое место отводится общественно значимым вопросам, причём осо-

бый упор делается на семейную тематику. Категория семьи функционирует здесь не просто как одна из обсуждаемых тем, а как своего рода смысловой центр, объединяющий частные истории людей с более широким социальным контекстом и официальными трактовками. Исследователи отмечают, что в развлекательных и информационных передачах для описания семейных отношений и явлений всё чаще используются те же устойчивые выражения и обороты, которые характерны для административных документов и публичных выступлений на социально-политические темы [1, с. 31; 2, с. 112].

В медиатексте воспроизводятся устойчивые номинации (*молодая семья, многодетная семья*), клишированные конструкции (*поддержка семьи, будущее семьи, семейные ценности*), что придаёт сообщению легитимность и облегчает его узнавание аудиторией.

Американская информационно-развлекательная среда выстроена вокруг иной ценностной модели, где во главу угла ставится культурная доминанта личной независимости. Центральное место здесь отводится понятию *успех*, смысловое наполнение которого складывается из нарративов о частных победах, бизнес-инициативах и раскрытии собственного потенциала. Обширный пласт контента посвящен вопросам потребления и стиля жизни: сюда входят обзоры новинок, советы по выбору товаров, а также сюжеты о здоровье и физической форме. Отличительной чертой подобной коммуникации служит нацеленность на громкие заявления и демонстрацию противостояний. Аналитики подчеркивают, что в практике ведущих телекомпаний, таких как CNN, Fox News и ABC, широко применяются приемы речевой выразительности, призванные воздействовать прежде всего на эмоции аудитории и создавать эффект острого переживания [3, с. 156; 9, с. 22]. Конфликт здесь функционирует как сценарный ресурс, задающий динамику выпуска.

Китайский медиадискурс строится на тематической модели, соотносимой с традиционалистскими основаниями культуры. Центральное место занимает репрезентация культурного наследия, а ритуальные формы культуры используются как средство конструирования национальной идентичности. Тематическая доминанта гармонии задает режим коллективных ценностей, избегая открытой конфронтации. Концепт «семья» репрезентируется через традиционные конфуцианские установки, подчеркивающие значимость семейных связей и уважение к старшим. Исследователи подчеркивают, что «образовательный компонент китайского инфотейнмента выражен заметно сильнее, чем в ряде западных моделей» [7, с. 201], что коррелирует с конфуцианской традицией, где образование выступает каналом воспроизводства культурной нормы.

Для сопоставительного анализа концептосферы инфотейнмента требуется ограниченный перечень ключевых макроконцептов, которые систематически воспроизводятся в различных национальных медиасистемах и обладают значительным объяснительным потенциалом. В данном исследовании в качестве таких базовых категорий выступают макроконцепты «событие», «человек», «время» и «власть». Именно эти четыре элемента определяют фундаментальные ориентиры медийного нарратива: событие формирует содержательную основу сообщения, человек фигурирует в роли действующего субъекта или персонажа, время задаёт режим актуальности изложения, а власть очерчивает институциональные границы и служит источником авторитетных смысловых трактовок [5, с. 77; 6, с. 13].

Концепт «событие» занимает центральную позицию, но его интерпретация существенно разнится в разных лингвокультурах. В американской традиции он осмысливается через конфликт, сенсационность и драматизацию, что соотносится с установкой на эмоциональное вовлечение. Российская концептуализация связывает событие с социальной значимостью и государственными интересами, где индивидуальное измерение ча-

сто уступает место коллективному смыслу [8, с. 33]. Китайская версия удерживает событие в рамке гармонии и позитивного развития, вытесняя конфликтные смыслы.

Концепт «человек» в американской модели выводит на первый план индивидуальность, личные достижения и автономность. Российский дискурс «вписывает» человека в систему социальных связей, семейных отношений и государственной принадлежности. Китайская традиция мыслит человека как участника коллектива, включенного в порядок отношений и культурных предписаний, где личное раскрывается через социальное.

Концепт «время» распределяется по различным смысловым доминантам. Американский медиадискурс тяготеет к настоящему и ближайшему будущему, что связано с доминированием актуальной новостной повестки. Российский инфотейнмент уделяет заметное внимание историческому времени, актуализируя связь настоящего с прошлым через обращение к культурной памяти. Китайский медиадискурс опирается на линейное восприятие времени, развернутое к будущему развитию и прогрессу, что соотносится с идеологией государственного строительства.

Согласно модели Т.В. Шмелевой, анализирующей репрезентацию власти через метафоры в языке, концепт «власть» получает неодинаковую метафорическую упаковку в зависимости от культурного контекста. Так, в американском инфотейнменте власть концептуализируется через метафоры конкуренции и состязания, что коррелирует с плюралистической моделью демократии. Российский медиадискурс формирует образ вертикальной иерархии, поддерживающей порядок и стабильность. Китайский инфотейнмент связывает власть с конфуцианскими концептами мудрого правления и заботы о народе, подчеркивая нормативность патерналистского попечения [10, с. 88]. Таким образом, в каждом случае образ власти строится вокруг ключевой для данной культуры ценности: состязательности, порядка или заботы.

Подведем итоги.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что тематическая организация и концептосфера развлекательно-информационного медиадискурса образуют динамическую систему, возникающую на пересечении универсальных закономерностей медиакommunikации с национально-культурной спецификой. Сопоставление российских, американских и китайских инфотейнмент-программ фиксирует устойчивые расхождения в иерархии тематических доминант и в способах концептуализации базовых смыслов. Эти расхождения отражают различие ценностных систем и коммуникативных традиций: коллективистских и этатистских в России и Китае (при всех различиях между ними) и индивидуалистических, конкурентных в США. Выявленные особенности необходимо учитывать при анализе современных медиапроцессов и их роли в формировании общественного сознания.

Список литературы

1. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи: курс лекций по стилистике русского языка. М.: Русский язык, 1982.
2. Вещикова И.А. Особенности телевизионного дискурса // Global Media Journal. 2015. Вып. 5 (2). С. 22–35.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): Учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2008.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления: монография. М.: Флинта, 2020.
5. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования. Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2010.
6. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 11. № 2 (73). С. 13–21.

7. Современный медиатекст: Учеб. пособие / Отв. ред. Н.А. Кузьмина. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2013.
8. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. 15-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2022.
9. Щербаль С.С. Инфотейнмент как метод создания телевизионного контента // Вестник ВУиТ. 2021. № 4 (36). С. 20–28.
10. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 2. С. 88–98.

* * *

1. Vasil'eva A.N. Gazetno-publicisticheskij stil' rechi: kurs lekcij po stilistike russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1982.
2. Veshchikova I.A. Osobennosti televizionnogo diskursa // Global Media Journal. 2015. Vyp. 5 (2). S. 22–35.
3. Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya anglijskaya mediarech'): Ucheb. posobie. 2-e izd., stereotip. M.: Flinta: Nauka, 2008.
4. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya: Monografiya. M.: Flinta, 2020.
5. Kozhemyakin E.A. Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya. Belgorod: Belgorodskij gos. un-t, 2010.
6. Kozhemyakin E.A. Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010. T. 11. № 2 (73). S. 13–21.
7. Sovremennyy mediatekst: Ucheb. posobie / Отв. ред. Н.А. Кузьмина. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2013.
8. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. 15-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2022.
9. Щербаль С.С. Инфотейнмент как метод создания телевизионного контента // Вестник ВУиТ. 2021. № 4 (36). С. 20–28.
10. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 2. С. 88–98.

***Thematic organization and sphere of concepts of entertainment
and information media discourse (based on the Russian,
American and Chinese programs)***

The thematic organization and conceptual sphere of entertainment and information media discourse (infotainment) are studied. It is stated that the thematic architecture of infotainment is built around the stable domains, reflecting the cultural priorities. It is discovered that the conceptual sphere is based on the macroconcepts of "event", "human", "time" and "power", their content varies significantly depending on the national context. The differences in the hierarchy of themes and the filling of the concepts are determined by the value-based systems and communicative traditions.

Keywords: *infotainment, mediadiscourse, discursive world picture, thematic organization, sphere of concepts, concept, national and cultural specific features.*

(Статья поступила в редакцию 10.04.2026).

АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «УЧАСТНИКИ ПОРТРЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ»

Анализируется категория «участники портретного интервью». Портретное интервью рассматривается как жанр медийно-развлекательного дискурса. Выделяются различные проекции личности участников портретного интервью, исследуется драматургия совершаемой интеракции, констатируется асимметрия во владении коммуникативной инициативой и тактиками диалоговой стратегии.

Ключевые слова: *медийно-развлекательный дискурс, портретное интервью, категория «участники портретного интервью», онлайн-образ, диалоговая стратегия.*

Объект нашего исследования – портретное интервью, один из жанров медийно-развлекательного дискурса. В качестве предмета изучения мы рассматриваем коммуникацию участников портретного интервью. Цель исследования – анализ категории «участники портретного интервью».

Теоретической базой работы выступают труды отечественных ученых М.Л. Макарова [6], И.В. Полозовой [9], а также зарубежных исследователей И. Гоффмана [3], Ж. Делеза [4], Д. Маршалла [7], Ю. Хабермаса [13].

Материалом исследования послужили видеозаписи интервью в теле- и интернет-проектах «Судьба человека», «Осторожно: Собчак», «Света вокруг Света», «Сама Меньшова», «Алена, Блин!».

В работе использованы сопоставительный и дескриптивно-аналитический методы, методы дискурс-анализа и анализа культурных значений и смыслов.

Анализ коммуникации в рамках портретного интервью заслуживает особого внимания, поскольку предполагает несколько объектов: 1) реализацию жанра портретного интервью в разных форматах; 2) коммуникацию его участников; 3) подход к интервью как к социальной интеракции; 4) анализ прагматингвистического аспекта. Названные нами факторы обуславливают актуальность проводимого исследования.

Портретное интервью – сложный речевой жанр, сценарный, запланированный диалог, целями которого являются: а) создание коммуникативного портрета интервьюируемого; б) создание нешаблонного рекреативного медиатекста. Это один из популярных жанров медийно-развлекательного дискурса, вопросно-ответная организация которого представлена в многочисленных форматах: *блиц-интервью, формальное телеинтервью, неформальная беседа, философский диалог, интервью-провокация, интервью-расследование, интервью-исповедь*. Ряд форматов интервью открывает наименьший, элементарный формат блиц-интервью и замыкает интернет-формат, продолжительность которого может достигать 3 часов, например, интервью Валерии Гай Германики с Любовью Толкалиной, продолжительность которого 3 часа 25 мин.

Разнообразие форматов и рост контента медийно-развлекательного дискурса соответствуют принципу ризомы, сформулированному французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари [4, с. 6–46]. Ризома (фр. rhizome – корневище) – понятие философии постмодерна, фиксирующее нелинейный способ организации дискурса, при котором дискурс рассматривается как «клубень», содержащий в себе скрытый корень, способный к разрастанию и образованию множественных связей. Принцип ризомы заклю-

чается в том, что любая точка этой системы вступает в отношения с любыми другими точками, образуя все новые связи и множественности. Подобно ризоме, всякая точка в дискурсе имеет свойство разрастаться, это особенно проявляется в медийно-развлекательном дискурсе, в котором разрастание может исходить от жанра медиатекста, высказывания медийной особы. Как отмечает И.В. Полозова, образ ризомы служит моделью бессознательного с его асистематичностью, иррациональностью, свободной комбинацией знаков, несвязанностью с пространством и временем, динамичностью, континуальностью, симультанностью, наличием аналоговой операциональной системы [6].

Ризоморфностью, свойством образовывать все новые и новые связи в дискурсе, обладают его агенты. Так, Андрей Малахов, в настоящее время являющийся ведущим и сопродюсером программы «*Андрей Малахов. Прямой эфир*», до 2017 г. представлял *Первый канал* и вел такие передачи, как «*Большая Стирка*», «*Пять вечеров*», «*Пусть говорят*», «*Малахов + Малахов*», был соведущим «Евровидения» в 2009 г. Кроме этого, телеведущий был гостем различных передач на других ТВ-каналах. Участие шоумена во множественных медийно-развлекательных проектах актуализирует его значимость в качестве агента дискурса и иллюстрирует принцип ризомы.

Перейдем к анализу категории «участники портретного интервью». Эта категория представлена базовой парой интервьюер и интервьюируемый, коммуникация которых предназначена для восприятия массового адресата. В процесс интервью возможно включение других участников, например, во время интервью Светланы Бондарчук, в беседе время от времени вступает ее муж, оператор.

На мультимедийной онлайн-платформе «*Смотрим*» выходит передача в жанре интервью «2 Верник 2», ведущими которой являются братья Игорь и Вадим Верники. Однако количественное изменение участников интервью представляет собой отдельный случай и не является нормой этого жанра.

В нашей работе мы рассматривает процесс портретного интервью как

- дискурсивное событие, обладающее хронотопическими характеристиками и актуализированное в рамках медийно-развлекательного дискурса;
- коммуникацию двух коммуникантов, минимальной единицей которой является реплика-стимул и реплика-реакция, совершаемую на вербальном, невербальном и паравербальном уровнях;
- социальную интеракцию, в ходе которой вырабатываются, а также подвергаются сомнению и интерпретации культурные значения и смыслы.

В процессе организации интервью задействованы три стороны: а) агенты дискурса – интервьюер и его команда, производители медийно-развлекательного контента; б) интервьюируемый, также являющийся агентом дискурса, участвующий в производстве контента, и в создании собственного имиджа (производстве «себя»); в) клиенты дискурса, массовый адресат, потребитель конечного развлекательного продукта, потенциальный создатель речевого жанра «комментарий». Все три коммуниканта вовлечены в процесс производства и потребления продуктов массовой культуры.

Коммуниканты интервью характеризуются дискретностью, в то время как массовый адресат представляет собой недискретную категорию. Имена собственные интервьюеров зачастую фигурируют в названиях цикла интервью, авторами и ведущими которых они являются, например: «*Сама Меньшова*», «*Света вокруг света*», «*2 Верник 2*». Переходя в интернет-формат, интервью становится стимулом для жанра «комментарий», и в этом случае массовый адресат может стать активным участником, он выходит из анонимности и обретает условное имя, никнейм.

Агенты дискурса отвечают за создание медийного текста, который будет соответствовать критериям развлекательного (рекреативного) контента. Согласно результатам проведенного анализа, мы можем отнести медиатекст к развлекательным при преобладании развлекательной тональности, включении смеховых жанров (шутки, анекдота, за-

бавной истории), преобладании рекреативной функции над информативной. Легкая тональность должна поддерживаться обоими участниками. Приведем отрывок из интервью журналистки Алены Жигаловой с Леонидом Якубовичем:

Алена Жигалова: – *А как Вы вообще ощущаете возраст?*

Леонид Якубович: – *Никак. Как я могу ощущать возраст, когда полгода назад я прошел ВМК (военную медицинскую комиссию), подтвердил сертификацию командира корабля, пилота. Летаю себе (с улыбкой).*

А.Ж.: – *Вы до сих пор садитесь за руль...и...*

Л.Я.: – *За ручку (поправляет). До сих пор.*

А.Ж.: – *За ручку (подхватывает).*

Л.Я.: – *Конечно. Я работаю.*

А.Ж.: – *2 года назад я читала такие слухи о Вашей операции на сердце, более того, были даже фотографии, где Вас везут в инвалидной коляске в аэропорту. (На экране появляется фотография с изображением Леонида Якубовича в инвалидной коляске).*

Л.Я.: – *Вот это из того ряда, почему я в youtube не лазаю никогда. О том, что я умер в Германии, я узнал в Сибири на гастролях... У меня была тяжелая операция на сердце, потом у меня была онкология. Потом у меня было еще чего-то, еще чего-то. Я все это узнаю где-то. Мне передают радостно. Меня просто 5 лет хоронили, не то что я там болен был. Ну и дальше что?*

А.Ж.: – *А не возникает желания как-то разобраться с этим... Если я ...*

Л.Я.: (Перебивает): – *С чем? С чем? (скептически) [1].*

Мы можем констатировать, что Леонид Якубович на вопросы отвечает искренне, однако в интервью он не выступает в привычном амплуа шоумена, тем самым ставя в недоумение журналистку Алену Жигалову, ожидавшую прихода веселого, стремящегося шутить телеведущего.

Отметим факт того, что не все портретные интервью могут быть отнесены к развлекательным, однако, даже не обладая рекреативной тональностью, интервью должно вовлекать массового адресата в организованную на экране коммуникацию. Этому сопутствуют начальные кадры интервью, предшествующие основной беседе. Если мы обратимся к печатной форме интервью, то между названием интервью и его непосредственным текстом располагается лид, краткое резюме последующего интервью. Приведем пример лида интервью с музыкантом и продюсером Олегом Нестеровым:

В 2016 году вышел первый альбом Zerolines – сайд-проекта группы «Мегаполис». К его 10-летию (и летним концертам на Нерли и в Александринском театре) автор «Сноба» Егор Спесивцев поговорил с лидером коллектива Олегом Нестеровым о том, как «нулевые линии» родились, состоялись и что с ними происходит сейчас. Не забыли и про «Грозу в деревне»: первому «киномузыкальному» альбому «Мегаполиса» в 2026-м исполняется 30 лет [2].

В телевизионном и интернет-форматах функцию лида несет название конкретного выпуска интервью, например: *Никто тебе за бывшее лайки ставить не будет. Про уроки истории и уроки жизни*, а также «подводка» – информация, предвещающая само интервью. В подводке телевизионного интервью мы отмечаем определенную когерентность текста:

Уже во время съемки «Дня рождения буржуя» у нас с Ириной начались такие качели. Были моменты, когда все было хорошо, а случалось, когда происходили серьезные конфликты, – признался как-то известный актер Валерий Николаев, когда говорил о своей второй супруге, актрисе Ирине Апексимовой. После премьеры Валерий Николаев проснулся с негласным званием главного буржуа страны. А его образ романтического мачо запал в сердца миллионов поклонниц. (Далее идут кадры из сериала «День рождения буржуя» с участием Валерия Николаева и Ирины Апексимовой). В этом году (исполняется) 25 лет с момента старта съемок сериала. На пути самого Валерия Николаева хватало как взлетов, так и падений. Сегодня актера чаще всего видят во время поездок на наши новые территории, рядом с бойцами. Но куда бы ни забрасывала его судьба, какие бы новые роли у актера ни появлялись, для многих людей он по-прежнему тот самый буржуй из легендарного сериала [12].

Кроме того, на сайте канала приводится также резюме интервью, своеобразный лид:

Я мог тебя потерять. И рядом с этой мыслью все остальное уже ничто, – признавался герой Валерия Николаева из фильма «День рождения Буржуя» своей возлюбленной, которую сыграла Ирина Апексимова. Но в реальной жизни во время съемок этого сериала он ее потерял. Почему так случилось, с кем он нашел свое счастье и как вышел из пике, в которое чуть не свалился, актер рассказал Борису Корчевникову [12].

В интернет-формате подводка может включать фрагменты интервью, расположенные в хаотичном порядке и образующие противоречивые смыслы. Приведем пример нарезки кадров из интервью Юлии Меньшовой с Сергеем Минаевым:

1. Я купил себе очки, я начинаю лысеть, меня эти проблемы начинают волновать. – Серьезно?
2. Историк, бизнесмен, писатель, журналист, главред, сценарист, блогер...
3. Я никогда не говорил ни с читателем, ни со зрителем как с лохом. Я говорю на иностранных языках, у меня там вокабуляр, я могу сейчас на сложных цах. Но они же знают, что там, внутри, я дядя Гена...
4. О твоих связях с Кремлем (раздается звук курантов) ходят просто легенды.
5. Это был нарастающий тренд, мы хотим своих героев.
6. А как ты сам вспоминаешь это время в итоге? – Я все-таки старался там подальше держаться от какого-то криминала. – Но в тебя же стреляли (раздается звук выстрела).
7. У тебя к ним есть как к поколению претензии? – Я тут пацан, как ослик, в свои 49 лет, а вы выгораеете через 2 дня. Я не понимаю вот этих вещей сейчас. Давайте разделим счет в ресторане с женщиной.
8. Чему нас учит история? – Ну, это ужасно, я так и думал, что ты меня спросишь это все. Это так подло, достаточно [10].

Анализ подводок портретного интервью свидетельствует, что они выполняют информативную и аттрактивную функции. Добавим, что в этом структурном элементе медиатекста аттрактивная функция преобладает, реализуя следующие задачи: а) оказание эмоционального воздействия б) привлечение интереса массового адресата. Обладая аттрактивностью, подводка создает определенную тональность и указывает на одну или несколько обсуждаемых в интервью тем.

Отношения *интервьюер – интервьюируемый* представляют собой схему *агент – агент*, их сближает то, что и та и другая сторона вовлечены в процесс культурного производства, основанный на условной конвенции, предполагающей некоторое сближение. Так, Светлана Бондарчук на первом этапе интервью определяет точки сближения с интервьюируемой особой. В интервью со Светланой Ивановой объединяющим коммуникантов фактором является имя *Светлана*, и этот факт обсуждается в первых кадрах интервью [8].

Вторым непосредственным участником интервью в большинстве случаев является представитель категории медийных личностей, селебрити, чья известность обусловлена профессиональной принадлежностью к шоу-бизнесу, кино, моде, спорту или медиа.

М.Л. Макаров отмечал, что проекция «я» может быть связана с разными проекциями личности человека. Во взаимодействии с другим человеком в конкретной последовательности речевых актов проявляется интерактивное «я» [6, с. 54–55].

В статье «Продвижение и предъявление себя: селебрити как символ презентационных медиа» Д. Маршалл анализирует культуру селебрити [7], выделяя в онлайн-образе несколько составляющих. Отметим, что, на наш взгляд, в этом случае речь идет об имидже, целенаправленно формируемом образе: а) интеркоммуникативное «я», образованное различными формами коммуникации с интегрированием высокоопосредованных и медиатизированных презентаций, например, фотографий; б) парасоциальное «я», которое отвечает за коммуникацию знаменитости со своей аудиторией, например, фол-

ловерами. Парасоциальное «я», – отмечает Д. Маршалл, – это прагматичное понимание факта невозможности общения в индивидуальном порядке с тысячами и миллионами фанатов. Кроме интеркоммуникативного и парасоциального «я», Д. Маршалл анализирует способы презентации собственного «я», в структуру которого входят: а) *публичное «я»* – официальная версия, сообщающая важную информацию о своей творческой деятельности, например, выходе альбома или спектакля; б) *публично-частное «я»* – частно-приватное общение знаменитости или имитация такого в социальных сетях; в) *трансгрессивно-интимное «я»*, являющееся объектом слухов. Несмотря на тщательный контроль публичного «я», под влиянием сиюминутных эмоций селебрити могут продемонстрировать эмоции или позволить себе высказывания, не предназначенные для публики и противоречащие предъявляемому образу [Там же].

Таким образом, участие селебрити в интервью – это предъявление интерактивного, интеркоммуникативного, а также публично-частного «я».

Если мы говорим о самопрезентации интервьюера, то главной его проекцией будет публично-частное «я». Отметим, что иногда вопросы интервьюера могут служить триггером, провоцирующим проявление трансгрессивно-интимного «я». Например, в интервью с актрисой Агнией Кузнецовой Ксения Собчак делает несколько коммуникативных ходов, пытаясь получить информацию о личной жизни актрисы:

Ксения Собчак: – *Я как интервьюер точно могу сказать, где твоя настоящая болевая точка. Но в эту настоящую болевую точку, в которой на самом деле родилось бы много искреннего, настоящего, – ты в это идти не готова. Ты говоришь «Нет»* (Реплика сопровождается остаивающим жестом, иллюстрирующим позицию интервьюируемой). *А вот давайте про актерскую профессию, а там это все действительно немножечко даже не то, что бы фальшак, ну это вот другая энергия. А настоящая – это, конечно, Максим, и то, что у вас с ним происходит. И не потому, что мне интересно копать в чьей-то чужой личной жизни. Потому что конкретно в тебе вот я понимаю, что это сейчас зона большого внутреннего какого-то напряжения, страдания, переживания.*

Агния Кузнецова (медленный темп речи): – *Просто есть процесс (подбирает слова) ... переосмысления, когда проходит время, ты разочаровываешься или еще кто-нибудь разочаровывается. И ты наблюдаешь, мне кажется, у меня сейчас просто кардинально меняется вообще понимание себя. Может быть, мне вообще никто не нужен. Может быть, я вообще не с той стороны встала. Это такой процесс болезненный, который я не смогу объяснить. Я даже, наверное, другу не смогу рассказать.*

К.С.: – *Я чуть старше тебя, но в целом мы в одной как бы возрастной категории, я очень хорошо понимаю эти переживания. У меня там сейчас чуть-чуть другая фаза жизни с точки зрения личных отношений, там пока, тьфу-тьфу-тьфу. Но и то: я, я чувствую как бы этот кризис. Потому что уже чувствуешь, что ты не молодая девушка, меняется жизнь, меняется тело, меняются вообще какие-то приоритеты. Потому что ты говоришь: «А может, мне вообще лучше одной», а дальше ты наверняка думаешь: «И что... Я одна, 40 лет, (делает указательный жест в сторону), два кота...».*

А.К. (начинает смеяться): – *40 лет, 2 кота. Как будто в 65 (лет) 10 кошек. Ксюша, давай встретимся через 20 лет, и: «Я тут одна...» и тут будет 8 котов, короче... (Обе собеседницы смеются). И я тебе буду рассказывать: «А этого я взяла с этой съемочной площадки, а этого с этой... Так и живу».*

К.С. – *Ты же понимаешь, о чем я, все это тяжелые для женщины вещи.*

А.К.: – *В 40 лет жизнь только начинается.*

К.С.: – *Нет, это мы себя в этом только убеждаем.*

А.К.: – *Да, нет, это реально так [8].*

Анализ приведенного отрывка интервью показывает, как, для того чтобы убедить собеседницу, Ксения Собчак приводит в качестве аргумента возрастные стереотипы, рисует безрадостную картинку угасающей молодости актрисы, использует прием психологической атрибуции, механизм приписывания социальным объектам характеристик, не представленных в поле восприятия, а также эмпатию, способность идентифи-

цироваться с другим человеком, его мыслями и чувствами. В результате комичности ситуации актриса срывает навязываемую ей серьезную тональность, а также возможный сценарий, тем самым отказываясь демонстрировать трансгрессивно-интимное «я».

Для селебрити участие в интервью – это возможность расширения собственного образа, его корректировки, привнесение новой информации в уже сложившийся образ в восприятии массового адресата.

Интервьюируемый является сложным знаком и при наполненности и известности его означаемого введение новых смыслов рождает смысловую перенасыщенность и не приводит к коррекции образа, поскольку образ уже сформирован в восприятии массового адресата. Так, Анастасия Волочкова, бывшая прима-балерина Большого театра, участвуя в многочисленных интервью, пытается развенчать сложившийся негативный публичный образ, однако циркулирующие в интернете видео трансгрессивно-интимного «я» препятствуют коррекции образа.

Коммуникация участников портретного интервью может быть рассмотрена в раках драматургической деятельности, поскольку, будучи участниками интеракции, и интервьюер, и интервьюируемый вызывают определенный образ у массового адресата, некое впечатление о себе.

Ключевое понятие самопрезентации, – отмечает Ю. Хабермас, – означает не спонтанное экспрессивное поведение, но соотнесенную со зрителем стилизацию выражения своих переживаний. Каждый действующий может контролировать доступ общественности в сферу его собственных намерений, мыслей, установок, желаний, чувств и т.д., привилегированный доступ к которой имеет только он сам. Важно подчеркнуть, что спектр самопрезентации – и это справедливо для интервью – простирается от искреннего общения до осознанного, циничного управления тем впечатлением, которое участники интеракции производят на других людей [13]. Это высказывание Ю. Хабермаса соотносится с мнением И. Гоффмана, который рассуждает о том, что на одном полюсе исполнитель может быть полностью захвачен собственной игрой, будучи искренне убежденным в существовании создаваемой им реальности, в то время как на другом полюсе он может быть мотивирован управлением убежденностью своей аудитории исключительно как средством для реализации других целей [3, с. 49–50].

Портретное интервью представляет межличностную коммуникацию с асимметричными отношениями коммуникантов. Это выражается в том, что 1) смысловым центром является интервьюируемый, что обуславливает тематику интервью: «*Знаковые события*», «*Ближний круг*», «*Путь к успеху*», «*Профессиональные достижения*», «*Личная жизнь*»; 2) коммуникативная инициатива принадлежит интервьюеру. Асимметрия также наблюдается на уровне реализации диалоговой стратегии, характеризующей коммуникативное поведение обоих участников, однако арсенал реализующих ее тактик не совпадает. Отметим некоторые тактики, используемые журналистом: *тактика ввода и развития темы, тактика закрытия темы, тактика установления истинности информации, тактика оценки, тактика анализа информации, тактика чередования коммуникативных регистров, тактика контроля понимания, тактика поиска проблемы, тактика конструирования параллельных миров* [5]. Тактики журналиста являются стимулами, которые должны получить свое развитие в репликах интервьюируемого. В ответной реплике интервьюируемого мы выделяем коммуникативные регистры: *реактивный, информативный, генеритивный и модально-оценочный*. Кроме тактик, отметим также коммуникативные ходы участников интервью: журналист использует *интродуктивные, продолжающие, поддерживающие, реактивные, стимулирующие, фокусирующие ходы*. Коммуникативные ходы интервьюируемых – это прежде всего *ответные, развивающие (продолжающие, поддерживающие), обрамляющие, фокусирующие ходы* [5]. Приведем пример из интервью Светланы Бондарчук с актрисой Светланой Ивановой:

Светлана Бондарчук: – *Ваши дочери, Мира и Полина, они, как ты думаешь, последуют Вашему примеру* (вопрос затрагивает также мужа Светланы Ивановой, режиссера Джаника Файзи-ева), *будут творческими людьми?*

Светлана Иванова: – *Я думаю, что они будут творческими людьми. Я не уверена, что они будут актрисами или режиссерами или продюсерами, но они вряд ли будут заниматься чем-то про бизнес,*

С.Б.: – *Но при этом ты сама заканчивала какой-то математический или даже...*

С.И.: – *Ой, у меня там, ты знаешь ... такая сложная история...*

С.Б. (подбирает, наконец, нужное слово): – *школу!*

С.И.: – *Экономический класс.*

С.Б. (говорит одновременно с интервьюируемой): – *Потрясающе.*

С.И. (заканчивает свою реплику): – *я заканчивала класс в гимназии [11].*

Реплики интервьюера представлены тактикой запроса информации, интродуктивными, фокусирующими ходами. В репликах интервьюируемой мы отмечаем информативный и оценочный регистры. Обратим внимание на заимствование части фразы – сказуемое из реплики интервьюера «будут творческими людьми», что указывает на четкость формулировки, совпадающей с мнением интервьюируемой.

В статье мы обратились к одному из жанров медийно-развлекательного дискурса, обосновав разнообразие его форматов исходя из философского принципа ризомы. Одним из критериев отнесения портретного интервью к жанрам медийно-развлекательного дискурса служит коммуникативная тональность, актуализирующаяся в коммуникативном поведении участников интервью, а также в наличии такого структурного элемента, как подводка.

Анализ коммуникации в жанре портретного интервью помог выделить разные проекции личности его участников, драматургию совершаемой интеракции и позволил констатировать асимметрию во владении коммуникативной инициативой и тактиками диалоговой стратегии.

Список литературы

1. Алена, Блин! Леонид Якубович – Ютуб против ТВ, фейкньюс, жизнь без соцсетей, «Поле чудес» и собственные похороны // URL: <https://rutube.ru/video/69592cb654c3f9ff4e102fe72af8bc28/> (дата обращения: 02.03.2026).
2. Бриллианты из глаз. Лидер «Мегаполиса» Олег Нестеров о проекте Zerolines и альбоме «Гроза в деревне» // URL: <https://snob.ru/music/brillianty-iz-glaz-lider-megapolisa-oleg-nesterov-o-proekte-zerolines-i-albome-groza-v-derevne/> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фрактория; М.: Астрель, 2010.
5. Кузнецова В.В. Коммуникативное поведение участников портретного интервью (на материале французской и русской прессы): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
7. Маршалл Д. Продвижение и предъявление себя: селебрити как символ презентационных медиа // Логос – философско-литературный журнал <https://logosjournal.ru/authors/583/> (дата обращения: 11.04.2026).
8. Осторожно: Собчак. Агния Кузнецова: «Я не жертва. Я волк». О Балобанове, религии, коллегам, профессии и личной жизни // URL: https://vkvideo.ru/video-212451998_456242484 (дата обращения: 02.03.2026).
9. Полозова И.В. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009 // URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/700/ризома (дата обращения: 29.03.2026).
10. Сама Меньшова. Сергей Минаев: «Никто тебе за бывшее лайки ставить не будет» Про уроки истории и уроки жизни // URL: https://vkvideo.ru/video-211726961_456240013 (дата обращения: 22.03.2026).

11. Света вокруг света. Света Иванова: про псевдоним, отношения с мужем и откровенные сцены // URL: https://vkvideo.ru/video-217302536_456239270 (дата обращения: 02.04.2026).
12. Судьба человека. Выпуск 04 июня 2020 г. // URL: <https://smotrim.ru/video/2165763> (дата обращения: 20.03.2026).
13. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума. М.: Весь Мир, 2022.

* * *

1. Alena, Blin! Leonid Yakubovich – Yutub protiv TV, fejknyus, zhizn' bez socsetej, «Pole chudes» i sobstvennye pohorony // URL: <https://rutube.ru/video/69592cb654c3f9ff4e102fe72af8bc28/> (data obrashcheniya: 02.03.2026).
2. Brillianty iz glaz. Lider «Megapolisa» Oleg Nesterov o proekte Zerolines i al'bome «Groza v derevne» // URL: <https://snob.ru/music/brillianty-iz-glaz-lider-megapolisa-oleg-nesterov-o-proekte-zerolines-i-albome-groza-v-derevne/> (data obrashcheniya: 02.03.2026).
3. Goffman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni. M.: Kanon-press-C; Kuchkovo pole, 2000.
4. Delez Zh., Gvattari F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Fraktoriya; M.: Astrel, 2010.
5. Kuznecova V.V. Kommunikativnoe povedenie uchastnikov portretnogo interv'yuu (na materiale francuzskoj i russkoj pressy): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2008.
6. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M.: Gnozis, 2003.
7. Marshall D. Prodvizhenie i pred'yavlenie sebya: selebriti kak simvol prezentacionnyh media // Logos – filosofsko-literaturnyj zhurnal <https://logosjournal.ru/authors/583/> (data obrashcheniya: 11.04.2026).
8. Ostorozhno: Sobchak. Agniya Kuznecova: «Ya ne zhertva. Ya volk». O Balobanove, religii, kollegah, professii i lichnoj zhizni // URL: https://vkvideo.ru/video-212451998_456242484 (data obrashcheniya: 02.03.2026).
9. Polozova I.V. Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki. M.: Kanon+; ROOI «Reabilitaciya», 2009 // URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/700/rizoma (data obrashcheniya: 29.03.2026).
10. Sama Men'shova. Sergej Minaev: «Nikto tebe za byloe lajki stavit' ne budet» Pro uroki istorii i uroki zhizni // URL: https://vkvideo.ru/video-211726961_456240013 (data obrashcheniya: 22.03.2026).
11. Sveta vokrug sveta. Sveta Ivanova: pro psevdonim, otnosheniya s muzhem i otkrovennye sceny // URL: https://vkvideo.ru/video-217302536_456239270 (data obrashcheniya: 02.04.2026).
12. Sud'ba cheloveka. Vypusk 04 iyunya 2020 g. // URL: <https://smotrim.ru/video/2165763> (data obrashcheniya: 20.03.2026).
13. Habermas Yu. Teoriya kommunikativnoj deyatel'nosti. T. 1. Racional'nost' dejstviya i social'naya racionalizaciya; T. 2. K kritike funkcionalistskogo razuma. M.: Ves' Mir, 2022.

The analysis of the category “participants of portrait interview”

The category “participants of portrait interview” is analyzed. The portrait interview is considered as the genre of media and entertainment discourse. The different projections of personalities of portrait interview participants are revealed, the dramaturgy of the performed interaction is studied, the asymmetry in mastering the communicative initiative and the tactics of the dialogic strategy is identified.

Keywords: *media and entertainment discourse, portrait interview, category “participants of portrait interview”, online image, dialogue strategy.*

(Статья поступила в редакцию 14.05.2026).

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ НУМЕРОЛОГИЧЕСКОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Сопоставляются русская и английская лингвокультуры при помощи лингвокультурологического анализа фразеологических единиц с нумеративами. Паремнологические единицы, включая пословицы и поговорки, представляют собой важный источник реконструкции культурных ценностей и специфики мировосприятия, выступая концентрированным выражением коллективного опыта и народной мудрости. Числа в рамках паремнологии выходят за пределы своей прямой количественной функции, начиная функционировать как значимые маркеры культурных смыслов, отражая глубинные особенности коллективного сознания и ценностные ориентации. Выявляются сходства и различия в символической нагрузке числительных в двух неблизкородственных лингвокультурах.

Ключевые слова: лингвокультура, нумерологический код, паремнология, пословица, поговорка, русский язык, английский язык.

Число является фундаментальным понятием, выражающим количественные отношения и служащим основой счета предметов и явлений. В языке оно выступает одним из ключевых способов репрезентации категории количества, приобретая при этом сложную семиотическую природу. В данном исследовании рассмотрим нумеративы «один», «два», «семь», обратившись к паремиям русского и английского языков, а также текстам художественной литературы из Британского и Русского национальных корпусов.

В древних текстах слово один употребляется редко и обычно означает нечто неделимое, целостное – Бога, Космос, Вселенную [6, с. 57]. В русских пословицах единица часто предстаёт как символ недостаточности или простоты: на один зуб, одной каплей не напёшься, один камень – не стена. Что касается отражения умственных характеристик, единица нередко оказывается числом примитивным: одна речь – ещё не учёность, один дурак весь свет переполюшит [2, с. 45].

Фразеологизм один в поле не воин относится к числу наиболее частотных в русском языке. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) представлено множество примеров, демонстрирующих его использование как в прямом, так и в трансформированном виде. В романе С. Дробышевского «Достающее звено. Книга 2. Люди» встречается высказывание: Калиброванные датировки костей показали, что весь этот зверинец пасся тут 31–32 тыс. лет назад (одно ребро дало датировку 29,7 тыс. лет назад, но один в поле не воин) [3]. В публицистике данное выражение также активно используется: Один в поле не воин, чтобы успешно сдать лабораторный проект в рамках учебного процесса, необходимо работать в команде сокурсников в аудитории, а также собирать материал в сети Интернет, распространяя его в учебной группе через сеть «ВКонтакте» [4]. Данный фразеологизм используется в речи для обозначения важности работы в команде для достижения определенных целей. Коллективизм всегда считался одной из главных отличительных черт русского народа. Этого не скажешь о культуре британцев – индивидуализм и выдвижение самого себя на первый план всегда были присущи этой нации. Подтверждение находим в отсутствии полного аналога данной русской пословице. В английских паремиях *one* может обозначать крайне малое количество, одна-

ко на первый план выходят смыслы значимости и индивидуальности, что видно в пословицах *One cloud is enough to eclipse all the sun* и *One drop of poison infects the whole tun of wine*, где акцент сделан на том, что даже одна небольшая деталь способна повлиять на всю ситуацию.

Двойка в магическом понимании представляет собой деление на свет и тьму [6, с. 74]. Она символизирует разделение целого на части, обособленность человека от мира, природы и других людей, выступает знаком сравнения и противопоставления. В русской культуре двойка часто несёт негативную коннотацию – двойственность, двуличие; не случайно в школе это худшая оценка. Пословицы подтверждают эти смыслы: Гоняться за двумя зайцами, ни одного не поймать, Два сапога – пара (да оба левые), Два медведя в одной берлоге не уживутся, Скупой платит дважды, Бабушка надвое сказала [2, с. 112–113].

Фразеологизмы с компонентом *two* демонстрируют устойчивую воспроизводимость в различных типах дискурса. Идиома *kill two birds with one stone*, полный эквивалент русского убить двух зайцев одним выстрелом, встречается, например, в романе «A masculine ending» Джоаны Смит: *If you cast your mind back, you'll remember that it was your idea to come to Oxford this weekend. I just happened to know that Geoffrey was keen to meet you again, and you do seem to be at a loose end at the moment. I thought I'd kill two birds with one stone.* Loretta saw the justice of what Bridget was saying, but was able to respond only with ill grace. All right, she muttered. I dare say you meant well [8] / Если ты оглянешься назад, то вспомнишь, что это была твоя идея приехать в Оксфорд на эти выходные. Я только что узнала, что Джеффри очень хотел встретиться с тобой снова, а вы, похоже, в данный момент не в ладах. Я думала, что убью двух зайцев одним выстрелом. Лоретта оценила справедливость слов Бриджит, но смогла ответить лишь язвительно. – Ладно, – пробормотала она. – Осмелюсь предположить, что ты хотела как лучше. В приведённом примере фразеологизм употребляется в разговорном диалоге, где персонаж Бриджит оправдывает своё решение совместить два действия (помочь подруге и устроить встречу с Джеффри). Контекст подчёркивает прагматический характер фразеологизма: говорящий использует его как аргумент в пользу рациональности своего поступка. В русском языке аналогичное выражение также активно употребляется в бытовой и деловой речи, сохраняя ту же функциональную нагрузку. Следовательно, при полном семантическом совпадении английский и русский фразеологизмы различаются по образному наполнению, что обусловлено разными реалиями охотничьего быта и культурными предпочтениями в выборе метафорической основы. Однако в межкультурной коммуникации они полностью взаимозаменяемы.

Идиома *kill two birds with one stone* и её русский эквивалент убить двух зайцев одним выстрелом являются полными смысловыми аналогами. Оба выражения передают идею достижения двух целей одновременно посредством одного действия, что высоко ценится в культурах, ориентированных на рациональность, экономию времени и ресурсов. Несмотря на семантическое тождество, образная основа фразеологизмов различается, что отражает специфику национального восприятия действительности. В английском варианте фигурируют птицы (*birds*) и камень (*stone*). Выбор птиц, вероятно, связан с традиционной охотой или бытовым наблюдением: камень, брошенный в стаю, мог поразить сразу двух птиц. Образ камня подчёркивает грубость, физическое усилие и случайность результата. В русском варианте используются зайцы и выстрел (из ружья). Охота на зайцев традиционно требовала меткости и сноровки. Выстрел – это более точное и целенаправленное действие, чем бросок камня. Таким образом, русский образ акцентирует не столько экономию усилий, сколько точность и расчёт.

Символика числа «два» не совпадает в русской и английской лингвокультурах. В русской традиции двойка чаще несёт негативные коннотации, ассоциируясь с раздвоенностью и неопределённостью, что отражается в пословице Гоняться за двумя зайцами,

ни одного не поймать. В то же время встречаются нейтральные употребления, например, Две головы лучше, чем одна. В английской лингвокультуре *two* приобретает преимущественно положительные оттенки, символизируя сплочённость и сходство: *Two heads are better than one, As like as two peas, A bird in the hand is worth two in the bush*. Также в русской символике числа «два» можно проследить, что некоторые пословицы с данным числом употребляются для демонстрации возможного появления проблем при выборе чего-либо: из двух зол нужно выбирать наименьшее. Если говорить о том, что наличие двух вариантов чего-либо тоже имеет негативную коннотацию, то можно смело употребить выражение быть между двух огней. Пример употребления данного фразеологизма также зафиксирован в НКРЯ. Например, у М.Л. Бутовской в монографии «Антропология пола»: Не предупредив о новом браке первую жену и не сказав второй, что уже женат, он оказался между двух огней [1].

Число «семь», используемое в качестве компонента пословицы, считается символом святости у многих народов, а также символом разума у семитов. В библейской символике оно является символом союза Бога и человека, чем объясняется и «существование семи дней недели как первичного отрезка времени в истории человечества, в истории мира, созданного Богом» [5, с. 393]. В русской традиции число «семь» считается числом удачи (*быть на седьмом небе от счастья*). В английской культуре чаще используется число «девять» (*on cloud nine*) [7].

Числительное «семь» в русской лингвокультуре обладает богатой символикой и входит в состав многих устойчивых выражений. Пословица Семь раз отмерь – один раз отрежь представлена в НКРЯ многочисленными примерами.

В английской традиции семёрка чаще символизирует упорядоченность, завершённый временной цикл, а также мудрость и единство. Примером может служить пословица *Keep a thing seven years and you will find a use for it* / Любая вещь со временем пригодится.

По степени совпадения при переводе на русский язык английские пословицы с числовым компонентом можно разделить на три группы:

1. Полностью совпадающие – английский вариант без изменений передаётся соответствующим русским выражением (например, *When three know it, all know it* и *Что известно троим, известно всем*).

2. Частично совпадающие – смысл сохраняется, но образная структура или лексическое наполнение несколько отличаются (например, *Don't count your chickens before they're hatched* и Не говори гоп, пока не перепрыгнешь).

3. Не имеющие аналога – пословицы, которые не находят соответствия в русском языке и требуют объяснения (например, *Keep a thing seven years and you will find a use for it*).

Перспективой исследования послужит обращение к ряду других нумеративов, а также расширение корпуса эмпирического материала.

Список литературы

1. Бутовская М.Л. Антропология пола: монография. Фрязино: Век 2, 2013.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Художественная литература, 1989.
3. Дробышевский С.В. Достающее звено. М.: АСТ, CORPUS, 2017. Кн. 2: Люди.
4. Зверькова С.А. Социальная поддержка молодежи в информационном обществе // Информационное общество, 2016. Вып. 3. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/bac2b02630d1ad524425803b00300b99> (дата обращения: 01.05.2026).
5. Похлёбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
6. Фирсов В. Тайная жизнь чисел. Мир, который можно сосчитать. М.: Центрполиграф, 2005.

7. Цуканов М.В., Абакумова О.Б. Числовой код лингвокультуры и его проявление в русской и английской паремиологической картине мира // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2024. № 01 (20). С. 56–67.

8. Smith Joan. A masculine ending. London: Faber & Faber Ltd, 1988, P. 38–150.

* * *

1. Butovskaya M.L. Antropologiya pola: monografiya. Fryazino: Vek 2, 2013.
2. Dal' V.I. Posloviцы russkogo naroda: V 2 t. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1989.
3. Drobyshevskij S.V. Dostayushchee zveno. M.: AST, CORPUS, 2017. Kn. 2: Lyudi.
4. Zver'kova S.A. Social'naya podderzhka molodezhi v informacionnom obshchestve // Informacionnoe obshchestvo, 2016. Vyp. 3. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/bac2b02630d1ad524425803b00300b99> (data obrashcheniya: 01.05.2026).
5. Pohlyobkin V.V. Slovar' mezhdunarodnoj simboliki i emblematiki. M.: ZAO Centrpoligraf, 2006.
6. Firsov V. Tajnaya zhizn' chisel. Mir, kotoryj mozžno soschitat'. M.: Centrpoligraf, 2005.
7. Cukanov M.V., Abakumova O.B. Chislovoj kod lingvokul'tury i ego proyavlenie v russkoj i anglijskoj paremiologicheskoj kartine mira // Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannyh yazykov. 2024. № 1 (20). S. 56–67.

***The comparative analysis of implementation of numerical code of culture
in the Russian and English linguistic cultures***

The Russian and English linguistic cultures with the help of linguoculturological analysis of phraseological units with numerative are compared. The paremiological units, including proverbs and sayings, represent the most important source of reconstruction of cultural values and the specific features of world perception, standing as the concentrated expression of collective experience and popular wisdom. The numbers in the context of paremiology go beyond the direct quantitative function, beginning to function as the significant markers of cultural meaning, reflecting the deep aspects of the collective consciousness and values-based orientations. The similarities and differences in the symbolic loading of numerals in two non-closely related linguistic cultures are revealed.

Keywords: *linguistic culture, numerical code, paremiology, proverb, saying, Russian, English.*

(Статья поступила в редакцию 06.05.2026).

В.П. МОСКВИН

Волгоград

АСИСТЕМНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ЛАКУНЫ В СФЕРЕ ДЕРИВАЦИИ РУССКОГО ПРИЧАСТИЯ: ТИПЫ, ПРИЧИНЫ, ОЦЕНКА

Рассмотрены асистемные явления, лакуны и причины их возникновения при производстве причастий, что позволяет дать ответ на вопрос о степени регулярности деривационных процессов в данной сфере и, как показало проведенное исследование, служит дополнительным доводом при решении проблемы грамматического статуса причастия.

Ключевые слова: причастие, лакунарность, неблагозвучие, двусмысленность, неясность формы.

1. Введение

Логически непротиворечивая, обладающая объяснительной силой классификация асистемных явлений и лакун, возникающих при образовании причастий (далее П.), едва ли возможна без выяснения причин возникновения таких аномалий. Ответ же на вопрос о степени регулярности деривационных процессов в указанной сфере станет дополнительным доводом при решении проблемы грамматического статуса П., как известно, представляющего собой одну из спорных частей речи и потому трактуемого неоднозначно:

1. Как отдельная часть речи. В российской традиции этой трактовки придерживались М.В. Ломоносов [20, с. 408], А.А. Потебня [33, с. 95], А.А. Шахматов [41, с. 470], И.И. Мещанинов [23, с. 286], Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов [39, с. 206] и др.

2. Как неспрягаемая форма глагола [40, с. 197; 36, с. 339].

3. Как прилагательное [13, с. 95; 29, с. 136].

4. Как гибридная форма. Так, Дионисий Фракийский определил П. как «гибридное слово (λέξις μετέχουσα), сочетающее свойства имени и глагола, за исключением лица и склонения» [45, с. 639]; А.Х. Востоков трактует П. как «имя прилагательное, от глагола произведенное», но рассматривает в главе «О глаголе» [7, с. 86–87]; А.М. Пешковский констатирует: «В причастии смешаны глагол и прилагательное», т.е. П. «одновременно принадлежит к другим частям речи» [29, с. 128, с. 132; ср.: 42, с. 72], В.В. Виноградов характеризует П. как «гибридную», «глагольно-прилагательную» форму [6, с. 227; ср.: 31, с. 662]. Этот подход доминирует в русистике. Грамматическая двойственность П. нашла отражение в этимологии термина П., представляющего собой кальку латинского термина *participium*, который, в свою очередь, скалькирован с греч. μετοχή 'П.', букв. 'сопричастие, соучастие <двух частей речи>'.

2. Вопрос о дефиниционно релевантных свойствах причастия

Такие свойства логично представить в виде двух противостоящих рядов, что отвечает трактовке (4):

1. Свойства, сближающие П. со спрягаемыми формами глагола.

Как производная единица П. наследует от них: а) морфологические значения времени, вида, залога, переходности / непереходности и возвратности / невозвратности; б) модель управления. На этом основании П., «хотя относятся к именам, от глагола произведенным, однако, видоизменяясь по залогам, видам и временам, должны быть рассматриваемы в связи с глаголами» [5, с. 110].

2. Свойства, отдаляющие П. от спрягаемых форм глагола.

2.1. Для спрягаемых форм категорию времени следует считать тернарной, для П., ввиду спорности класса П. буд. вр. (см. раздел 7, п. 1), – бинарной; для спрягаемых форм – словоизменительной, для П. – классифицирующей*, поскольку «время причастий – это не совсем та же категория, что обычное время (финитных форм) глагола. В рамках системы причастий время ведет себя подобно классифицирующей категории, противопоставляя причастия настоящего и прошедшего времени» [36, с. 370], т.е. «о “времени” в глагольном смысле здесь и речи быть не может» [29, с. 127]: так, выражая одновременность / неодновременность с тем действием, которое названо сказуемым, время П. имеет (со)относительный характер [18, с. 14–15; 30, с. 663].

2.2. При образовании П. от спрягаемых форм глагола имеются случаи переосмысления категории вида: так, страдательные П. прош. вр. типа писан, читан могут означать ‘написан’, ‘прочитан’ (см. раздел 7, п. 2).

2.3. П. противостоит спрягаемым формам глагола по характеру словоизменения. В этой связи обратим внимание на следующее противоречие: глагол традиционно определяется (с точки зрения морфологии) как часть речи с категориальным значением процессуальности, выражающая это значение «в формах лица, наклонения, времени, вида и залога» [6, с. 557] (а); между тем П., деепричастие и инфинитив под определения данного типа не подходят [4, с. 103; 16, с. 14] – если рассматривать их (уже с деривационной точки зрения) как производные единицы, обладающие иными морфологическими признаками (б).

2.4. Граммемы времени, вида, залога, переходности / непереходности и возвратности / невозвратности, наследуемые П. от спрягаемых форм глагола, противостоят признакам прилагательного, т.е. граммемам падежа, числа, рода, как граммемы семантические (а) граммемам синтаксическим (б)**.

Одни признаки (см. ряд 1) объединяют П. с глаголом, другие (ряды 2.3б, 2.4б) сближают с прилагательным, симбиоз рядов (1) и (2.3б, 2.4б) служит основанием для осмысления П. как грамматически двойственной формы глагола, уникальность же грамматической семантики П. и частичная ее реинтерпретация (ряды 2.1, 2.2) дают основание для трактовки П. как отдельной части речи. Такой разновекторный характер признаков исключает возможность однозначной трактовки П., что определяет логику следующей исследовательской позиции: «<...> вопрос частеречного статуса причастия – это первый вопрос, который возникает при рассмотрении причастия, и это один из “вечных” грамматических вопросов», которые «не могут быть решены однозначно» [14, с. 7; ср.: 13, с. 95].

3. Вопрос о регулярности образования как свойстве причастий

Возникает вопрос, существует ли дефиниционно значимый признак П., который бы обеспечил ему несомненный частеречный статус. В этой связи заметим, что релевантным и вместе с тем практически невостребованным аспектом в дискуссии о частеречном статусе П. представляется степень регулярности его образования. Прин-

* Члены словоизменительных морфологических категорий могут быть представлены формами одного и того же слова (т.е. не нарушают тождество слова), члены же несловоизменительных (классифицирующих) категорий – не могут; таковы, например: а) род и одушевленность / неодушевленность имени существительного; б) вид глагола (см., например: [30, с. 454]).

** Семантические граммемы, например, «время, вид, наклонение у глагола, степени сравнения у прилагательного, число у существительного», апеллируют к свойствам окружающего мира [2, с. 18], синтаксические же «служат не для описания действительности, а для связи элементов текста друг с другом» [32, с. 31].

цип регулярности / иррегулярности был указан в трактате Варрона *De Lingua Latina* (ок. 43 г. до н.э.), где были впервые разведены сферы словоизменения и словообразования: 1) «*declinatio naturalis*» ‘естественное изменение слов’, регулярное и предсказуемое: *scribere* → *scribo* ‘писать → пишу’; 2) «*declinatio voluntaria*» ‘изменение слов по собственному произволу’: *scribere* → *scriptor* ‘писать → переписчик’ [44, с. 387–388]. Данная дихотомия отражает более регулярный характер словоизменения по сравнению со словообразованием. Первое может быть противопоставлено второму по принципам: 1) широты охвата лексики, т.е. «продуктивности / непродуктивности» [28, с. 97]; 2) наличия лакун: «Для словоизменения нетипичны лакуны, а для словообразования типичны» [10, с. 89].

Здесь, на наш взгляд, необходимо одно дополнение. Рассматривая вопрос о разграничении сфер словоизменения и словообразования, А.В. Бондарко отмечает: а) словоизменение представляет собой вид формообразования; б) формообразование пересекается со словообразованием: «Зоны формообразования и словообразования пересекаются, образуя общий сегмент, в котором представлено как то, так и другое явление (без смещения); за пределами же общего сегмента перед нами либо формообразование без словообразования, иначе говоря, формообразование в рамках форм одного слова <...>, т.е. словоизменение, либо словообразование без формообразования», т.е. «образование новых слов» [3, с. 5]. Зоне пересечения принадлежит образование: а) степеней сравнения прилагательных; б) видовых пар; в) причастий: с этой позиции суффиксы П., например, рус. -ащ- / -ущ- (несущий) и лат. -ens / -ent- (*dicens* ‘говорящий’, род. *dicentis*), являются скорее формообразующими*, чем «словоизменительными» [22, с. 214]; г) деэпричастий; д) инфинитива, «при этом никто не предлагает считать инфинитив и личные формы представителями разных лексем» [28, с. 462]. С этой точки зрения по степени регулярности целесообразно противопоставить: 1) формообразование (в частности, словоизменение); 2) словообразование.

4. Лакуны и причины их появления в системе причастий

Оценка формулы «спрягаемая форма глагола → П.» как иррегулярной (следовательно, словообразовательной) послужила бы аргументом в пользу интерпретации П. как отдельной части речи; как регулярной (следовательно, формообразовательной) – аргументом против. Чтобы обосновать такую оценку, рассмотрим характерные для П. лакуны и их источники.

1. Страдательные П. прош. вр. СВ нередко характеризуются как образуемые несвободно. Назовем предполагаемые нами причины формообразовательной дефектности соответствующих производящих глаголов:

1.1 Неблагозвучие. Так, губной ауслаут основы глаголов затмить и заклеить требует эпентезы -л-, усиливающей консонантное скопление; этим фактором объясняется следующий запрет: заклеименный, не *заклеймленный [31, с. 667–668]. Тем не менее вторая форма фиксируется: а) <...> обнаружив через какое-то затмленное время, что потеря невосполнима (В. Володин. Неусопшее кладбище, 2014; НКРЯ**); б) «Вставай проклятьем заклеименный»... В облаках табачного дыма, в запахе пива и водки это звучало великолепно (П. Краснов. Подвиг, 1932; НКРЯ). Неблагозвучны П., содержащие столкновение слогов в краткой форме жен. рода: Доконана бысть сия книга у великом граде у Кракове (Н.М. Карамзин. История государства Российского, 1818). Неблагозвучие формы П. едва ли приводит к ее полному запрету, но повлиять на исход конкуренции вариантов способно (см. п. 1.2).

1.2 Формы с суффиксом -т- на месте -нн- / -енн-, образованные по аналогии с литературными формами типа умытый, неоднозначны по отношению к норме. Такие ва-

* Ср.: «Суффиксы, образующие формы слов <...>, можно называть формообразующими в отличие от суффиксов, образующих новые слова <...>, т.е. от суффиксов словообразующих» [6, с. 39].

** НКРЯ: Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>

рианты ввиду асистемности характерны для просторечия: убрatый, прогнатый, полатый, детской речи: Печенье съето; «Мурзилки» в макулатуру сдаты; Лифт вызват; Книжка порвата; Карандаш сломатый [37, с. 169]. Вместе с тем асистемные варианты запеленатый и перепеленатый в настоящее время характеризуются как «строго нормативные» [11, с. 224]. Системным представляется вариант запеленанный, закономерно образованный от глагола 1 словоизм. кл., ср.: запеленанный, розовенький, голубоглазый (Г. Флобер. Легенда о св. Юлиане Милостивом / Пер. И.С. Тургенева, 1877), но он неблагозвучен (а в краткой форме жен. рода содержит столкновение слогов: запеленана), ввиду чего, видимо, вышел из употребления и, следовательно, должен квалифицироваться как устаревший.

1.2.1 Глаголы достать, застать, как и глагол надеть, принадлежат 3-му подклассу 7 кл., т.е. требуют суффикса -т-. Форму с суффиксом -т- находим: а) в старинных текстах: Бегу за телегой, ровно дьявол, из самого пекла достатый (П. Якубович. В мире отверженных, 1896; НКРЯ); гуляющие люди пропивали последние деньги, достатые от подаяния приезжих и туточных людей (П. Торопов. Трехсотлетие города Верхотурья, 1892); б) в народной речи: Разных водочек достато же, / А и вот достато из глубоких-то из погребов [17, с. 635]. Но формы достат, застат искажены переакцентовкой, неблагозвучны и напоминают сомнительные формы с суффиксом -т- на месте -нн-, варианты же доста́н и за́стан асистемны; отсюда не востребо́ванность и первых, и вторых: Застан плохо сказано, смешно даже (А. Слаповский. Общедоступный песенник, 2009).

1.3 Двусмысленность, возникающая в результате омонимического совпадения кратких П. муж. рода лизнут, обманут, рубанут, свергнут и др., образованных от глаголов 3 и 4 словоизм. классов, с формами 3 л. мн. ч. буд. вр. в тех случаях, когда отсутствует необходимая контекстуальная опора, ср.: Кинут камень и в огород кремлевской команды (Е. Добрынина. Полчаса на бесплатный пиар, 2003; НКРЯ); Туда ввергнут образ Божий по суду Божию (В. Легойда. Религиозность в безрелигиозную эпоху, 2000; НКРЯ).

1.4 Неясность. Дефектны бывают глаголы с чередованиями, поскольку чередование может затруднить опознаваемость П. как принадлежащего парадигме соответствующего производящего глагола, чему способствует и переакцентовка: проглядеть → устар. прогляженный. Отсюда: 1) применение форм без чередования, т.е. асистемных: Паду ли я, стрелой пронзенный (А.С. Пушкин. Евгений Онегин, 1831), ср.: Там, в доме, был русский, кинжалом пронженный (М.Ю. Лермонтов. Баллада, 1832, изд. 1891 г., в новых изданиях: пронзенный); 2) рекомендации: а) исключают системные формы: пронзенный (не *пронженный), вонзенный, обезлесенный (не *обезлешенный), обезопасенный, обуржуазенный (не *обуржуаженный), спец. облесенный, разг. пропылесосенный [31, с. 667–668]; б) утверждающие вариативность асистемных и системных форм: обезопасенный и обезопасенный, изрешетенный и изрешеченный [34, с. 334].

2. От ряда переходных глаголов НСВ страдательные П. наст. вр. «образуются и употребляются редко или не образуются вообще, хотя грамматически они возможны» [31, с. 665–666], т.е. такие П.: а) системны; б) в пользу того факта, что их образование бывает невозможно, нет «никаких аргументов»; в) вводимые их исследователями ограничения «рационально никак не мотивированны» [15, с. 291–292]. Здесь необходимо развести два аспекта проблемы: а) возможность образования таких П. практически от любого переходного глагола НСВ, что сомнений не вызывает; б) качество таких дериватов, которое не всегда отвечает норме. По нашим наблюдениям, причинами конфликта с требованиями нормы выступают:

2.1 Двусмысленность, возникающая в результате омонимического совпадения форм кратких П. ед. ч. муж. рода с формами 1 л. мн. ч. наст. вр. в тех случаях, когда отсутствует необходимая контекстуальная опора: Объем слышанного храним. Через сердце правильное: не будут изнашиваться силы (Б. Абрамов. Грани Агни Йоги,

1951; НКРЯ); Спасибо! Извините, насчет елочка вопрос решаем. Канитель надо разводить? (Г. Попов. Елочка, 1988; НКРЯ); ср.: Долг свято исполняем; Храм почитаем (мы? нами?).

В том, что ограничение (2.1) остается релевантным даже при наличии опорного контекста (например, связки или агентивного дополнения), убеждает следующее замечание А.В. Исаченко: «нельзя сказать “Дом был строим”» [16, с. 360]; сходные примеры столкновения смыслов: Так обстояло дело и в Афинах со времени Солона, постановившего, чтобы на панафинейском агоне был исполняем весь Гомер (Ф. Зелинский. История античной культуры, 1914; НКРЯ); Поэт, что второгодниками знаем (Б. Ахмадулина. Глубокий обморок, 1999). Л.В. Зубова видит здесь «десубстантивацию причастия» незнаемое как случай «обратного словообразования» [15, с. 302]. Это замечание (остроумное, но спорное) лишь подтверждает тот факт, что форма знаем в данном контексте семантически осложнена.

2.2 Неясность. Формы с суффиксом -óm- (жнóмый, прóмый, трóмый) с трудом опознаются как принадлежащие парадигмам соответствующих производящих глаголов – думается, ввиду изменений, вносимых чередованиями, в частности по мягкости / твердости в ауслауте основы, представленном: а) твердым заднеязычным согласным, который чередуется по 1-й («шипящей») палатализации с мягким переднеязычным: вле-чем, но: влекомый; жжем (мягкий исторически, а также в московском произношении), но: жгомый; б) мягким переднеязычным согласным, который чередуется с твердым переднеязычным: жнем, но: жномый; едим, но: едомый. Такое различие обретает особую значимость, если учесть, что деривация страд. П. наст. вр. происходит с ориентацией на форму 1 л. мн. ч. производящего глагола [12, с. 86].

Заметим: чередование по мягкости / твердости отсутствуют в схеме производства страд. П. наст. вр. от глаголов на -ить (ср.: хранить, храним, хранят и хранимый), отсюда экспансия данной схемы как более удобной в указанном плане и, соответственно, появление асистемных вариантов, образованных на ее основе, например: Чрез зеркала, зовимые Престолы, Сияет свыше Бог нам правосудный (Данте. Божественная комедия / Пер. Н. Голованова, 1896) вм. зовомые; Он все как есть блюдет, сей преусердный муж, И все, что он блюдет, блюдимо к пользе душ (К. Чуковский. Высокое искусство, 1968) вм. блюдомо; Деревьев чахлых поросль да трава, / Толчима в бетонно-пыльных ступах (В. Калабин. Озеро огненных лилий, 2019) вм. толкомая; шутил. заголовок: Не колбасой едимой... (Экономика и жизнь, 11.11.2015), ср.: едомой.

Таким образом, схема производства П. анализируемого типа затемнена, в силу чего ее активность, судя по данным НКРЯ, ограничена отдельными словоупотреблениями*, при этом чем меньше длина слова, тем труднее оно опознается, ср.: а) двухсложные: жгомый (2), ждомый (0), жмомый (0), жномый (0), жромый (0), мномый (0), промый (0), рвомый (0), тромый (0), чтомый (8); б) трехсложные: беромый (1), блюдомый (2), везомый (21), грызкомый (2), деромый (0), едомый (7), зовомый (39), кладомый (0), клянкомый (0), пекомый (0), плетомый (0), секомый (9), скребомый (0), сосомый (0), стригомый (0), толкомый (0), трясомый (1), тягомый (0), чесомый (0), в) четырехсложные: берегомый (1), стерегомый (2). Узуальны лишь отдельные единицы, во-первых, трехсложные, во-вторых, номинативно востребованные: ведомый (1891), искомый** (1573), влекомый (174), несомый (119) и церк.-религ. пасомый (156).

Вместе с тем даже эта деривационно пассивная схема при необходимости активизируется: камень о камень тромый скоро извлекает искру (Феофан Затворник. Святые отцы о молитве и трезвении, 1889); тщательно стерегомая тайна (Л. Петрушевская.

* Источники приведенных ниже форм: [9, с. 77; 38, с. 343].

** Форма искомый асистемна, т.е. содержит «уклонение от правила» [7, с. 101], поскольку образована от основы инф. / прош., сюда же отнесем формы чесомый, пряткомый; системны были бы формы ищемый, чешемый, прячемый, образованные от основы наст. / буд. вр.

Реквиемы, 2001); А вставлять их [зубы] – с их дешевой, кладомой на ночь пластмассовой сутью я не намерен (В. Алексеев. Монолог под кроватью, 2014); Появился напрасно ждомый автором парусиновый человечек (В. Перцов. Последний закон Ньютона, 2016); Борозда в 14 километров, тягомая на женских плечах, оборонила-окружила Самарку (А. Кованов. Сила Веры, 2018) и т.д.

2.3 Рассмотренные П. синонимичны спрягаемым формам глагола, но ввиду преимущественно книжного характера, а также ограничений (2.1–2.2) уступают им в продуктивности: а) которого ждут *вм. ждомый*; б) дом строился *вм. дом был строим*; в) дом строится *вм. дом строим*. Приемлема и замена причастием, произведенным от пассива НСВ на -ся: «Так, например, у глагола петь отсутствует страдательное причастие настоящего времени*, поэтому единственное П., при помощи которого можно передать необходимое значение, – это поющий» [36, с. 341]. Но в этом случае возможна неоднозначность на основе осмысления пассива НСВ на -ся как возвратного глагола: Пух собирают с гнезд, виемых по утесам (В.Ф. Зуев. Педагогические труды, 1956) → *с гнезд, вьющихся по утесам (ср.: вьющихся волос).

3. Образование действительных П. затруднений не вызывает. Замечено, однако, что действительные П. прош. вр., которые образованы от глаголов с основой, заканчивающейся на согласный, «употребляются реже» [35, с. 484] – думается, по причине консонантных скоплений, т.е. артикуляционного неблагозвучия, ср.: ползший, стерегший, цветший, гребший.

5. Сопоставление с недостаточными глаголами

Анализ показывает, что причины ограничений в сфере образования П. те же, что действуют в микросистеме недостаточных глаголов. Рассмотрим их.

1. Как и для П. (см. раздел 4, пп. 1.1 и 1.2), неблагозвучие. В зоне этого ограничения находятся недостаточные глаголы, содержащие: а) консонантные скопления: затмлю, клеймлю; б) столкновение слогов: очучусь, ощущу; в) звуковую тавтологию: обуржуажу.

2. Как и для П. (см. раздел 4, пп. 1.3 и 2.1), двусмысленность, ср.: бужу (~ бузить? будить?), держу (~ дерзить? держать?). Исход конкуренции омонимичных форм зависит от их частотности. Так, соотношением частотности глаголов будить и бузить определяется дефектность второго из них, ср.: будить (15.1) → бужу, но: бузить (0.6) → *бужу**.

3. Как и для П. (раздел 4, пп. 1.4 и 2.2), неясность. В зоне этого ограничения находятся те формы, которые, будучи искажены чередованием, не опознаются как принадлежащие парадигме соответствующего глагола, при этом чем меньше длина слова, тем труднее оно поддается осмыслению, ср.: бжу; башу, вонму, воршу, джу, чжу, шкожу; колешу; обезопашу, умилосержу ← бдеть; басить, внять, ворсить, дудеть, чудить, шкодить; колесить; обезопасить, умилосердить.

4. Как и для П. (раздел 4, п. 1.4), и по тем же причинам, для недостаточных глаголов характерно применение асистемных форм без чередования (победу, бузю, дудю) ввиду стилистической аномальности форм с чередованием: а) неблагозвучия (побежду); б) двусмысленности (бужу); в) неясности (дужу).

Таким образом, и в сфере формообразования, и в сфере словоизменения глаголов действуют сходные ограничения, не приводящие к жестким запретам.

6. Понятие дефектности глагольной парадигмы

По мнению И.Г. Милославского, нерегулярность образования страдательных П. затрудняет отнесение их к глагольным лексемам [24, с. 465]. Однако: 1) фактор дефектности парадигм и, соответственно, нерегулярности в производстве форм имеет место в образовании не только П., но и личных форм недостаточных глаголов, что не мешает отнести те и другие к глагольным лексемам; 2) П. преодолевают дефектность за счет

* Строго говоря, такая форма существует: церк.-религ. поёмый (4 фиксации в НКРЯ). – В. М.

** Частотность выставлена по словарю О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [21].

применения асистемных форм, отсутствует жесткий запрет и на использование форм двусмысленных, неясных, неблагозвучных; 3) целесообразно различать две причины отсутствия в текстах (в частности, по данным НКРЯ) системной формы: а) ее двусмысленность, неясность, неблагозвучие, которые могут вести к лакуарности: б) невостребованность соответствующего смысла. Отсутствие системной формы по причине (б) не образует лакуны: так, в НКРЯ не зафиксированы страд. П. наст. вр. бьемый, вьемый, льемый, пьемый, шьемый, но при необходимости их можно образовать: каждая линия – вервие трудное вьемое (В. Шмаков. 22 стихотворения, 2016), такие П. известны как «грамматически возможные» (см. список в: [31, с. 666]). С этой точки зрения прав А.А. Зализняк, полагая, что П. можно образовать «от любого глагола» [13, с. 95].

Для П. и личных форм глагола безусловно ограничивающую роль играет семантический фактор, вместе с тем: 1) всегда можно представить ситуации, для которых будут приемлемы речения Я его лихоражу (своим присутствием), Он лихорадим (моим присутствием); 2) морфонологических ограничений на эти формы нет, т.е. они грамматически возможны и лакун не образуют.

7. Асистемные грамматические категории

Как показано ниже, асистемность распространяется в языке не только на грамматические формы, но и на грамматические категории.

1. Так, *participia futuri* типа сумеющий (действительные), прочитаемый (страдательные) не кодифицированы и считаются «отступлением от литературной нормы» [31, с. 665]. Приведем противоположное мнение: «Одна из назревших перемен в грамматическом законодательстве – это допущение причастий будущего времени» [43, с. 259]. Сторонники этого решения указывают на то, что такие П.: а) «не воспринимаются как абсолютно маргинальные носителями языка» [19, с. 97]; б) образуют в языке «развивающийся участок» [8, с. 209]; в) применяются авторитетными носителями языка, например: Братьев моих истребленье, тогда неизбежно падающих / В прах под рукою врага* (Гомер. Илиада / Пер. В.А. Жуковского, 1829); ловкий вор, сумеющий спрятать все концы, приглашается воровать дальше (Ф.Ф. Тютчев. Кто прав? 1892); г) представляют собой системные формы**. Вместе с тем такие П. «появляются еще недостаточно регулярно, чтобы можно было уверенно судить о факторах, способствующих или препятствующих их возникновению» [8, с. 195]. На наш взгляд, П. буд. вр. представляет собой результат контаминации, т.е. соединения гетерогенных единиц, ср.: глагол СВ переплывут + суффикс НСВ -ущ-*** → П. СВ переплывущий; глагол СВ сохраним + суффикс НСВ -им- → П. СВ сохранимый****. Если трактовать П. буд. вр. как результат контаминации, то причина иррегулярности таких форм видится в их асистемности, т.е. аграмматизме, отсюда употребление: а) эпатажное: Мое фамилье прошумящий веками – вот образец аграмматической фразы подлинно поэтической речи (В. Шершеневич. 2×2=5, 1920); б) шутивно-ироническое: Вот я – пойдуший и найдуший. / Вот я – дорогу перейдуший. / Не то в грядущее бредущий, / не то в бредущее грядущий. / Вот я – мудреных улыбнуший / и удрученных рассмеящий, / одних язвительно споткнувший, / других наивно обаявший (А. Левин. Памятник, 2005). С этой позиции трудно трактовать отсутствие П. буд. вр. как лакуну в грамматической системе русского литературного языка: здесь они воспринимаются как аномальные, в отличие, например, от латинского, где

* Ср. в оригинале: ἐν κοινήσι πέσοιεν ὑπ' ἀνδράσι δυσμενέεσσιν '«кои бы» в пыль упали под мужей враждебных'. В древнегреческом П. буд. вр. практически не применялись, так что форму падающих объяснить иноязычным влиянием нельзя.

** М. Эпштейн справедливо констатирует, что «не приводится никаких убедительных доводов против причастий будущего времени», и с иронией добавляет: «Я буду благодарен грамматистам, сумеющим объяснить, почему так нельзя говорить» [43, с. 260].

*** Действительное П. наст. вр. «образуется заменой конечного -т в форме 3 мн. наст. на -щий» [12, с. 85].

**** Аналогично: глагол СВ возлюбить + суффикс НСВ -я → контаминированная форма деепричастия СВ возлюбляя в м. системной формы СВ возлюбив.

есть суффикс *-ur-*, с помощью которого образуются стилистически нейтральные формы таких П.: *lego* ‘читаю’ → *lecturus* ‘намеревающийся читать’.

2. Страдательные П. прош. вр. типа писанный, тверженный. Причина их асистемности видится в том, что они образованы от глаголов НСВ посредством суффиксов *-nn-*, *-enn-*, в норме применяемых при образовании П. СВ. Констатируемая специалистами редкость таких форм [1, с. 613] представляется следствием их асистемности. Кроме того, они:

2.1 Дублируют страдательную форму глагола НСВ с постфиксом *-ся*: А которые вотчины даваны в монастырь с 7121-го году (т.е. с 1613. – В. М.), <...> те вотчины отписывать на Государя (В.Н. Седашев. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в., 1912) в.м. давались; – Дудка вон сухая везде по полю, значит, место-то и не пахано *и не* кошено (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Клад Кучума, 1897) в.м. не пахалось и не косилось. Считается, что страдательные П. прош. вр. не образуются от глаголов НСВ типа переделывать [31, с. 669]. Такие П. возможны, но они: а) асистемны; б) дублируют пассив НСВ на *-ся*, ср.: каждый из них [рассказов] был переделыван по 10 раз (Л. Толстой. Письмо Е.В. Львову, 29.02.1876) → переделывался по 10 раз.

2.2 Образованы от форм НСВ, но употребляются в значении СВ: которым даваны будут из канцелярии от строений кормовые деньги (Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 2. 1731–1735; 1886) в.м. будут даны; Урок твержен [7, с. 183] в.м. вытвержен; Прошу вас требовать моей трагедии от дирекции обратно, не допуская, чтобы она была в третий раз играна (М. Пыляев. Старый Петербург, 1889) в.м. была сыграна; Пожалела сироту <...> Последнюю схваткою чрева – жаленный <...> – *Любимый! желанный!* жаленный! болезный! (М. Цветаева. Стихи сироте, 1936) в.м. пожаленный (~ жалеть, пожалеть и жалить, пожалить).

Формы типа читан более кратки по сравнению с закономерными читался (1.1) или прочитан (1.2), т.е. отвечают закону речевой экономии, но вместе с тем неоднозначны и асистемны. Думается, что именно этим фактом обусловлено обилие узуально мертвых единиц типа сеяно, жато, полото, молочено, пивано, едано, девано [25, с. 157–158]. Едва ли их отсутствие в современном русском литературном языке можно считать лакуной.

3. Формы СВ пассива на *-ся*: Сражение выигралось нами (в.м. П. выиграно) – по аналогии с НСВ пассива на *-ся*: Сражение выигрывается нами. Появление форм возвратного перфективного пассива (за счет перфективации: выигрывать → выиграться) считается «одним из казусов в грамматике русского языка», примеры употребления этих форм расцениваются как архаические, например: Закроются глаза мне чуждою рукой (Ф. Вольтер. Танкред / Пер. Н.И. Гнедича, 1809) в.м. будут закрыты [27, с. 43–50]. Модель образования таких форм явно периферийна, но вместе с тем жива (из списка Н.В. Перцова: Такой оравой все это молоко выпьется за два дня в.м. будет выпито; Суп сварился поваром в.м. был сварен; Вопрос рассмотрелся комиссией в.м. был рассмотрен), поэтому назвать их архаичными трудно. Причина востребованности данной модели видится в том, что она представляет собой однословную, т.е. экономную замену формулы «связка + П.», причина ограничений на такую замену – в ее асистемности и неоднозначности.

Выводы

1. Причинами ограничений на производство П. выступают: а) неблагозвучие: затмленный; б) двусмысленность краткого П. (кинут, строим) ввиду совпадения с личной формой производящего глагола; в) неясность П. ввиду ослабления ассоциативной связи с производящим глаголом (обезлешенный ←?). Дефектность глагольных парадигм в сфере деривации П. преодолевается за счет применения асистемных форм с более ясной мотивацией (обезлешенный ← обезлешить); нет запрета и на формы: а) неблагозвучные, двусмысленные, неясные; б) отсутствующие в узусе, но теоретически возможные.

2. Высокая регулярность деривации, равно как тот известный факт, что лексическое значение в этом процессе не претерпевает изменений, говорит о сугубо грамматическом, формообразовательном статусе схем производства П. и служит дополнительным доводом в пользу трактовки П. как формы глагола.

3. Причины, затрудняющие как образование П., так и спряжение недостаточных глаголов, одинаковы, т.е. в сферах глагольного формообразования и словоизменения действует один набор ограничений.

4. Асистемность в сфере деривации П. распространяется не только на грамматические формы, но и на грамматические категории: а) П. буд. вр. типа переплывущий и сохранимый, представляющие собой результат контаминации, поскольку образуются от глаголов СВ посредством суффиксов -ущ- / -ющ-, -ащ- / -ящ- и -ом- / -ем-, в норме применяемых при образовании П. НСВ; б) страдательные П. прош. вр. типа писанный, тверженный, причина асистемности которых состоит в том, что они образованы от глаголов НСВ посредством суффиксов -нн-, -енн-, в норме применяемых при образовании П. СВ.

Список литературы

1. Авилова Н.С. Категория залога и разряды переходных и непереходных глаголов // Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. С. 611–616.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
3. Бондарко А.В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 3–14.
4. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976.
5. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксисъ. 5-е изд. М.: Кн. маг. Насл. бр. Салаевых, 1881.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001.
7. Востоковъ А. Русская грамматика. 6-е изд., испр. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1844.
8. Гловинская М.Я. Действительные причастия будущего времени // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков: монография / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 209–216.
9. Греч Н.И. Начальные правила русской грамматики. 4-е изд. СПб.: Тип. Имп. воспитат. дома, 1835.
10. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование: монография. М.: Изд-во МГУ, 1994.
11. Еськова Н.А. К интерпретации некоторых фактов русской глагольной морфологии // Еськова Н.А. Избранные работы по русистике. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 220–230.
12. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1980.
13. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 1–370.
14. Замятина И.В. Грамматика русского причастия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
15. Зубова Л.В. Грамматические вольности современной поэзии. 1950–2020. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
16. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I–II. 2-е изд. М.: Языки славянских культур, 2003.
17. Как Дюк Степанович женился на Марфе Митревне // Былины М.С. Крюковой. Т. 1. М.: Гос. лит. музей, 1939. С. 623–640.
18. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971.

19. Кирьянов Д.П., Шагал К.А. Действительное причастие будущего времени совершенного вида в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвистических исследований*. 2011. Т. 7. № 3. С. 93–98.
20. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 389–578.
21. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка. М.: Азбуковник, 2009.
22. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. IV. Ч. 5. Морфологические знаки / Пер. с франц. Е.Н. Саввиной. Общ. ред. Н.В. Перцова. М. – Вена: Языки славянских культур, 2001.
23. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. 2-е изд. Л.: Наука, 1978.
24. Милославский И.Г. Морфология // В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, Л.А. Новиков, М.В. Панов. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. С. 380–531.
25. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
26. Перцов Н.В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // *Вопросы языкознания*. 2003. № 4. С. 43–71.
27. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении: монография. М.: Языки русской культуры, 2001.
28. Перцов Н.В. Об альтернативности в грамматическом описании // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. ст. / Ред. кол.: В.С. Храковский и др. М.: Знак, 2004. С. 457–472.
29. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянских культур, 2001.
30. Плотникова В.А. Морфология. Введение // *Русская грамматика* / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. С. 451–457.
31. Плотникова В.А. Словоизменение глагола // *Русская грамматика* / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. С. 644–700.
32. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.
33. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / Общ. ред. В.И. Борковского. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958.
34. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Феникс, 2008.
35. Сай С.С. Действительные причастия // *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории / Ред. В.А. Плунгян, Н.М. Стойнова. СПб.: ООО «Нестор-История», 2017. С. 463–524.
36. Сай С.С. Причастие // *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Глагол. Ч. 1 / Отв. ред. В.А. Плунгян. СПб.: ООО «Нестор-История», 2016. С. 341–388.
37. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
38. Чернышев В.И. Правильность и чистота русской рѣчи. Опыт русской стилистической грамматики. 2-е изд., испр. и доп. Вып. 2. Части рѣчи. Петроградъ: Типография М. Меркушева, 1915.
39. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987.
40. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / С введ. ст. С.И. Бернштейна. 4-е изд. М.: Учпедгиз, 1941.
41. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Вступ. ст. Е.В. Клобукова; ред. и комментарии Е.С. Истриной. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
42. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Под ред. М.И. Матусевич. М.: Юрайт, 2022. С. 69–91.
43. Эпштейн М. Есть ли будущее у причастий будущего времени? // *Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: Мат-лы междунар. науч. конф.* / Ред. Н.А. Фатеева. М.: Институт русского языка РАН, 2007. С. 259–266.
44. Varro. On the Latin language. With an English translation by Roland G. Kent. In 2 vols. Vol. 2. Books VIII–X. Fragments. London & Cambridge, 1938.
45. Διονύσιος ὁ Θράξ. Τέχνη Γραμματική // *Anecdota Graeca* / Ed Immanuel Bekker. Т. II. Berolini, 1816. P. 627–643.

1. Avilova N.S. Kategoriya zalogi i razryady perekhodnyh i neperekhodnyh glagolov // Russkaya grammatika / Gl. red. N.Yu. Shvedova. T. 1. M.: Nauka, 1980. S. 611–616.
2. Apresyan Yu.D. Izbrannyye trudy, tom II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1995.
3. Bondarko A.V. Formoobrazovanie, slovoizmenenie i klassifikaciya morfologicheskikh kategorij // Voprosy yazykoznaniya. 1974. № 2. S. 3–14.
4. Bulanin L.L. Trudnye voprosy morfologii: Posobie dlya uchitelej. M.: Prosveshchenie, 1976.
5. Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. 5-e izd. M.: Kn. mag. Nasl. br. Salaevykh, 1881.
6. Vinogradov V.V. Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) / Pod red. G.A. Zolotovoj. 4-e izd. M.: Russkij yazyk, 2001.
7. Vostokov A. Russkaya grammatika. 6-e izd., ispr. SPb.: Tip. Imp. Ros. akad., 1844.
8. Glovinskaya M.Ya. Dejstvitel'nye prichastiya budushchego vremeni // Sovremennyy russkij yazyk. Aktivnye processy na rubezhe XX–XXI vekov: Monografiya / Otв. red. L.P. Krysin. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. S. 209–216.
9. Grech N.I. Nachal'nyya pravila russkoj grammatiki. 4-e izd. SPb.: Tip. Imp. vospitat. doma, 1835.
10. Dem'yankov V.Z. Morfologicheskaya interpretaciya teksta i ee modelirovanie: Monografiya. M.: Izd-vo MGU, 1994.
11. Es'kova N.A. K interpretacii nekotorykh faktov russkoj glagol'noj morfologii // Es'kova N.A. Izbrannyye raboty po rusistike. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. S. 220–230.
12. Zaliznyak A.A. Grammaticheskij slovar' russkogo yazyka. 2-e izd., stereotip. M.: Russkij yazyk, 1980.
13. Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie // Zaliznyak A.A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2002. S. 1–370.
14. Zamyatina I.V. Grammatika russkogo prichastiya: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2010.
15. Zubova L.V. Grammaticheskie vol'nosti sovremennoj poezii. 1950–2020. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
16. Isachenko A.V. Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii s slovackim. Morfologiya. I–II. 2-e izd. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2003.
17. Kak Dyuk Stepanovich zhenilsya na Marfe Mitrevne // Byliny M.S. Kryukovoj. T. 1. M.: Gos. lit. muzej, 1939. S. 623–640.
18. Kalakuckaya L.P. Ad'ektivaciya prichastij v sovremennom russkom literaturnom yazyke. M.: Nauka, 1971.
19. Kir'yanov D.P., Shagal K.A. Dejstvitel'noe prichastie budushchego vremeni sovershennogo vida v russkom yazyke // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy in-ta lingvisticheskikh issledovanij. 2011. T. 7. № 3. S. 93–98.
20. Lomonosov M.V. Rossijskaya grammatika // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 7. Trudy po filologii. 1739–1758. M.–L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952. S. 389–578.
21. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M.: Azbukovnik, 2009.
22. Mel'chuk I.A. Kurs obshchej morfologii. T. IV. Ch. 5. Morfologicheskie znaki // Per. s franc. E.N. Savvinov. Obshch. red. N.V. Percova. M. – Vena: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2001.
23. Meshchaninov I.I. Chleny predlozheniya i chasti rechi. 2-e izd. L.: Nauka, 1978.
24. Miloslavskij I.G. Morfologiya // V.A. Beloshapkova, E.A. Bryzgunova, E.A. Zemskaya, I.G. Miloslavskij, L.A. Novikov, M.V. Panov. Sovremennyy russkij yazyk // Pod red. V.A. Beloshapkovoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vysshaya shkola, 1989. S. 380–531.
25. Obnorskij S.P. Ocherki po morfologii russkogo glagola. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953.
26. Percov N.V. Vozvratnye stradatel'nye formy russkogo glagola v svyazi s problemoj sushchestvovaniya v morfologii // Voprosy yazykoznaniya. 2003. № 4. S. 43–71.
27. Percov N.V. Invarianty v russkom slovoizmenenii: Monografiya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2001.
28. Percov N.V. Ob al'ternativnosti v grammaticheskom opisanii // 40 let Sankt-Peterburgskoj tipologicheskoy shkole: Sb. st. / Red. kol.: V.S. Hrankovskij i dr. M.: Znak, 2004. S. 457–472.

29. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii. 8-e izd., dop. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2001.
30. Plotnikova V.A. Morfologiya. Vvedenie // Russkaya grammatika / Gl. red. N.Yu. Shvedova. T. 1. M.: Nauka, 1980. S. 451–457.
31. Plotnikova V.A. Slovoizmenenie glagola // Russkaya grammatika / Gl. red. N.Yu. Shvedova. T. 1. M.: Nauka, 1980. S. 644–700.
32. Plungyan V.A. Vvedenie v grammaticeskuyu semantiku. M.: RGGU, 2011.
33. Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike / Obshch. red. V.I. Borkovskogo. T. I–II. M.: Uchpedgiz, 1958.
34. Rozental' D.E. Spravochnik po pravopisaniju i literaturnoj pravke. M.: Feniks, 2008.
35. Saj S.S. Dejstvitel'nye prichastiya // Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Vyp. II. Sintaksicheskie konstrukcii i grammaticheskie kategorii / Red. V.A. Plungyan, N.M. Stojnova. SPb.: OOO «Nestor-Istoriya», 2017. S. 463–524.
36. Saj S.S. Prichastie // Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Glagol. Ch. 1 / Otv. red. V.A. Plungyan. SPb.: OOO «Nestor-Istoriya», 2016. S. 341–388.
37. Cejtin S.N. Ocherki po slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj rechi. M.: Znak, 2009.
38. Chernyshev V.I. Pravil'nost' i chistota russkoj rěchi. Opyt russkoj stilisticheskoy grammatiki. 2-e izd., ispr. i dop. Vyp. 2. Chasti rěchi. Petrograd: Tipografiya M. Merkusheva, 1915.
39. Shanskij N.M., Tihonov A.N. Sovremennij russkij yazyk. Slovoobrazovanie. Morfologiya. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Prosveshchenie, 1987.
40. Shahmatov A.A. Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / S vvod. st. S.I. Bernshtejna. 4-e izd. M.: Uchpedgiz, 1941.
41. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka // Vstup. st. E.V. Klobukova; red. i kommentarii E.S. Istrinoy. 3-e izd. M.: Editorial URSS, 2001.
42. Shcherba L.V. O chastyah rechi v russkom yazyke // Shcherba L.V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku // Pod red. M.I. Matusevich. M.: Yurajt, 2022. S. 69–91.
43. Epshtejn M. Est' li budushchee u prichastij budushchego vremeni? // Lingvistika i poetika v nachale tret'ego tysyacheletiya: Mat-ly mezhdunar. nauch. konf. / Red. N.A. Fateeva. M.: Institut russkogo yazyka RAN, 2007. S. 259–266.

***Asystemic phenomena and lacunes in the sphere of derivation
of the Russian participle: types, causes and assessment***

The asystemic phenomena, lacunes and the reasons of their origin in the production of participles are considered that allows to answer the question about the degree of regularity of derivational processes in this sphere, and the results of the study suggest that it serves as the additional reason for solving the problem of grammatical status of the participle.

Keywords: *participle, lacunarity, discordance, obliquity, ambiguity of form.*

(Статья поступила в редакцию 10.01.2026).

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СВЕТА И ЦВЕТА МЫСЛИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Исследуется световая и цветовая семантика феномена «мысль» как концепта в русской лингвокультуре. В светообозначении и цветообозначении мысли обнаруживается связь концепта «мысль» с макроконцептом «род» и макроконцептом «свет». Для описания световых и цветовых значений мысли в качестве источника языкового материала используется Национальный корпус русского языка. Основными методами исследования выступают концептуальный и интерпретативный методы.

Ключевые слова: *концепт, макроконцепт, мысль, свет, цвет, светлые мысли, темные мысли, черные мысли.*

Лингвоконцептология – одно из актуальных направлений отечественной лингвистики [3; 5, с. 4–15; 9, с. 56–63]. Одним из самых важных для понимания культуры и менталитета народа является концепт «мысль», уже становившийся объектом лингвистического описания [1; 6; 7; 8, с. 186–190; 10, с. 696–705]. Обращение к описанию этого концепта обусловлено, на наш взгляд, его значимостью для специалистов по когнитивной лингвистике и лингвоконцептологии.

Словарь современного русского литературного языка определяет мысль как «любое действие разума, сознания, воображение чего-либо в уме, идею, мнение, концепцию, знание, точку зрения, заключение, интерпретацию, изобретение» [11, с. 965–966]. Уместно вспомнить В. фон Гумбольдта, который писал о неразрывной связи мысли, органов речи и языка: «В языке все направлено на выполнение определенной задачи, а именно – на выражение мысли. Действительная материя языка – это, с одной стороны, звук вообще, а с другой – совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений разума, предшествующих образованию понятий, которое совершается с помощью языка» [4, с. 47]. Светообозначение и цветообозначение мысли в русской лингвокультуре показывает, что процесс мыслепорождения обозначается феноменами света и цвета, и зрение опосредованно связано с органами речи и языка. Следовательно, абстрактные существительные (например, надежда, радость, вера, любовь, память, доброта и т.п.) получают световые и цветовые обозначения, потому что обнаруживают сильную связь с оппозициями зримого/незримого и видимого/невидимого.

Насколько мы можем судить, существует дефицит научных работ, посвященных световой и цветовой семантике мысли. Заметим при этом, что у психологов, культурологов есть цветовые представления об интеллекте (индиго, синий и др.).

Исследуя в одной из своих работ макроконцепт «род», мы рассматривали значения рождения, связанные с макроконцептом «свет» [2, с. 284–286]. Световые значения мысли актуализируют феномены рождения, жизни и угасания: рождение мысли, появление мысли, возникновение мысли, исчезновение мысли и т.п.: *рождение мысли всегда находит отклик в душе, всегда изумляет, как всякое рождение и возникновение, за которым удалось проследить* (С. Соловейчик. Ватага «Семь ветров», 1979); *Мысли тоже рождаются, как живые дети, и их тоже долго вынашивают, прежде чем выпустить в свет* (М. Пришвин. Незабудки, 2017); *И вдруг, как молния, возникла мысль: Только один человек, только он мог так пойти навстречу жизни, так бешено двинуть собы-*

тия вперед (А.К. Виноградов. Черный консул, 1932); *Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо* (В.Я. Брюсов. Через пятнадцать лет, 1909); *Угасла мысль, <...> поставим точку* (С. Краснопольский. Угасла мысль); *Из них пропала мысль, все, что в ней происходило, и прочесть в них было нечего* (И.А. Гончаров. Обрыв, 1869); *Он выбил, один за другим, колья, укреплявшие дверь, тихо приотворил ее, и разом исчезла мысль ...* (А.С. Грин. Колония Ланфьер, 1910).

Мысль как абстрактное понятие маркируется световыми и цветовыми значениями (озарение, просветление, вспышка, угасание, мрак, тьма, темнота), сопоставимыми с наименованиями суточных циклов, которые проживает человек, и астрономическими явлениями (заря, восход, рассвет, вечер, закат, ночь). Символика зари реализуется в цветообозначениях мысли *озаряется* и *озарение*: *Мысль бывает светла только тогда, когда озаряется изнутри добрым чувством* (В.О. Ключевский. Афоризмы и мысли об истории, 1990); *Он – вечное движение, всплески идей, озарение мысли, но и неожиданные ошибки, провалы в никуда, стихия музыки, стихия чувств* (А.А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания, 2009).

С солнцем и восходом солнца в народной культуре связывали рождение жизни, продолжение жизни, урожай. Рождение мысли ассоциативно связывается с восходом солнца, рассветом: *В голове робко забрезжила мысль, что, может, есть контакты троюродного брата по материнской линии. Правда, мы давно не общались <...> очень давно* (К. Бойе. Каллокаин, 1940); *Тут же забрезжила мысль, что на самом деле может быть ещё один человек, который нужен, но я тут же её прогнала* (С. Грей. Обнаженное прошлое, 2019); *На уголке сознания брезжила мысль, что они догонят меня, начнут уговаривать, объяснять, выяснять отношения* (М. Лисай. Во имя жизни, 2024).

Концепт «мысль» объективируется символическими значениями ‘светоч (огонь мысли)’. Слово *светоч* толкуется в словаре как «1. большая свеча, факел (устар.). Твой светоч, грозно пламеня, жестоким блеском озарил (А.С. Пушкин); 2. перен., чего. О том, кто или что является источником истины, просвещения, свободы, кто несет с собой истину, просвещение (книжн.). Светоч науки» [12].

При описании мысли возникает символ внутреннего мира человека и ума, его гениальности, остроты – светоч. Например: *Чудный человек, выдающийся философ, светоч мысли... Боже мой, да как же вы туда попали?* (И.М. Косых. Нелегалы, 2011).

Когнитивная модель (далее – КМ) – это стереотипный образ, с помощью которого организуется некоторый жизненный опыт [10, с. 696–705]. Световая семантика макроконцепта «мысль» реализуется в значениях светлый, ясный и т.п.

Когнитивная модель «ясная (светлая) мысль осеняла» строится на оппозиции *свет/тьма*: *Но по временам меня вдруг осеняла мысль: зачем, однако ж, он предлагает мне столь несвойственные своему званию вопросы, и, признаюсь, эта назойливая мысль прожигала меня насквозь* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо, 1878–1879).

Словарь Д.Н. Ушакова трактует слово *осенить* как «1. закрыть, покрыть (тенью чего-нибудь), заслонить (поэт. устар.): Бледный высокий лоб, осененный черными клоками волос (А.С. Пушкин); перен. Покрыть, охватить собою (поэт. устар.). Природу всю широко осенев, царил покой (А.К. Толстой); 2. Появиться, внезапно прийти (о мысли, догадке). Вдруг осененная внезапной мыслью, она заговорила (М. Горький)» [12].

Когнитивная модель «светлая мысль» связана со смыслами ‘светлый человек’, ‘светлая душа’: *Тот, кто оставил после себя хоть одну светлую, новую мысль, хоть один полезный для человечества подвиг, не умер бездетен* (А.А. Бестужев-Марлинский. Избранные афоризмы, 2019); *Светлая мысль блеснула в голове моей* (И.И. Лажечников. Вся беда от стыда, 1858); *<...> протяжно и вполголоса промолвила девушка, у которой светлая мысль промелькнула в голове* (О.М. Сомов. Матушка и сынок, 1831).

Когнитивная модель «блестящая мысль» репрезентирует световые значения: ‘отражающий свет’, ‘обладающий блеском’, ‘сияющий’, ‘сверкающий’, например: *Там у*

кого-то возникла **блестящая мысль** (В.И. Сандлер. Вокруг Александра Грина. Жизнь Грина в письмах и документах, 1971); *На рассвете Николая Николаевича осенила блестящая мысль* (В.В. Шульгин. Последний очевидец, 1971); *Разве это не блестящая мысль?* (Е.А. Бекетова-Краснова. В старом доме, 1877–1892); *У меня явилась внезапно-блестящая мысль!* (Н.А. Тучкова-Огарева. Воспоминания, 1890); *Это блестящая мысль* (А.А. Потехин. В мутной воде, 1871).

Символический образ огня (яркого пламени, красного цвета) возникает при употреблении различных когнитивных моделей: а) **жгла мысль**: *Дни и ночи жгла мысль об Агнии и о значении того, что случилось с сестрой* (М. Криницкий. У зеркала, 1908); б) **горела мысль**: *Здесь, на самом этом месте, некогда волновались страсти, горела мысль* (В.Ф. Одоевский. Город без имени, 1839); в) **вспыхнула мысль**: *Вспыхнула мысль. Озарил мозг пожаром* (С.И. Гусев-Оренбургский. Сказки Земли, 1908); г) **угасла мысль**: *Мысль угасла, как свеча, Звёзд рассыпались мгновенья. Успокоилась душа, Погружаясь в сновиденья*; д) **погасла мысль**: *... в душе всякая погасла мысль, в которой ея и существо состоит ...* (Архиепископ Платон (Левшин). Слово в день успения Пресвятыя Богородицы, 1763).

Цветовая символика красного цвета реализуется в образах свечи, огня, пламени, искры. Концептуальная метафора «искра мысли» объективирует красный цвет: *И затем, словно искра, засветилась мысль ...* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи, 1876); *Оглядывалась и ничего не видела, а мысли одна за другою искрами вспыхивали и гасли в ее мозгу* (М. Горький. Мать, 1906).

Цветовая символика серого цвета выражается репрезентантом «серые мысли»: *Человек серым не рождается; это – цвет общества. Чёрно-белое мышление выделяет серые мысли, как печень – желчь* (Р. Шакир-Алиев. Афоризмы об оттенках серого цвета, 2020); *В голове Евсея тоже слабо засветилась бледная узкая полоса робкого огня, через неё медленно и неумело проползали осторожные, серые мысли, беспомощно цепляясь друг за друга, точно вереница слепых* (М. Горький. Жизнь ненужного человека, 1908).

Концепт «мысль» передается цветовой семантикой белого и черного цветов, например, траурные мысли ассоциируются с черным цветом: *Похорошено. Траурные мысли стали потихоньку линять... Мне было интересно в компании этих людей, называвших себя «челноками»* (В. Баранец. Генштаб без тайн. Книга 1, 1999).

Когнитивная модель «темные мысли» эксплицируется словами тьма, темнота, ночь, темень, передающими значение отсутствия света: *Иногда же вырывались темные мысли* (Митрополит Вениамин (Федченков). Два сорокоуста, 1927–1948); *Все смутные, дурные и темные мысли его мгновенно исчезли* (М.А. Алданов. Истоки. Части 9–17, 1942–1946); *Спаси меня! Темные мысли (горькие, низкие) овладевают мною. Боже!* (Р. Ивнев. Дневник, 1917); *Тяжкие, темные мысли ворочались в мозгу Передонова* (Ф.К. Сологуб. Мелкий бес, 1902).

Когнитивная модель «мрачные мысли» выражает значение отсутствия света: *Томная, печальная душа моя сетует вместе с природою, мрачные мысли ее волнуют* (Г.П. Каменев. Инна, 1804). В Словаре русского языка дается следующая дефиниция слову *темнота*: «1) перен. неясность, непонятность. В самой истории он нового, против Карамзина, ничего не сказал, а только отличился от него неровным и неизящным слогом, противоречиями, сбивчивостью и **темнотою повествования**. Белинский, Очерки русской литературы. Соч. Н. Полевого. Друг мой, не сердись на меня за **темноту слов** и выражений моих, если и теперь покажется тебе что неясным или неискренним. Гоголь, Письмо С.П. Шевыреву, 10 марта 1847; 2. перен. разг. Невежество, культурная отсталость. Вон как в вас поднялась ваша деревенская темнота. Мамин-Сибиряк, Городская сестра. Торопчин шел, глубоко задумавшись. И как это некоторые колхозники до сих пор не понимают простой истины? Что это – отсталость, не изжитая еще **темнота**? Лаптев, Заря» [11].

Ироническая оценка интеллекта, умственных способностей человека: *И потом у меня приличное заведение, а ты со средней порцией на тарелке! Темнота ты, Леха!* (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой, 1998). Атрибутивное сочетание *темный человек* указывает на неясность мысли, на отсутствие знаний в определённой области: *Я в этом не убежден – я темный человек в этом вопросе* (В.С. Саппак. Блокноты, 1956); Мыслью полуинтеллигент еще серяк, *темный человек, а телом, т.е. костюмом, привычками, стремлениями к комфорту, – барин* (А.В. Амфитеатров. Уголовная чернь (из сборника «Бабы и дамы», 1892–1902); <...> *разве темный человек может это понять?* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Ворон-челобитчик, 1889).

Символика цвета мысли передается именами прилагательными чистые, грязные: *Я хочу, чтобы у меня чистые мысли были...* (В. Розов. В поисках радости, 1957); *Есть мысли, которые живут вне времени и пространства. Чистые мысли. Жить надо ими* (В.Я. Зазубрин. Два мира, 1921).

Религиозная символика чистоты мысли и чистоты помыслов: В христианской религии нет ничего человеческого, тварного, она есть чистая, как слеза или кристалл, мысль Божия (Архимандрит Спиридон (Кисляков). Из виденного и пережитого, 1919); И еще было у него драгоценное качество – это кристальная чистота помыслов, *намерений, суждений* (Н.П. Кончаловская. Волшебство и трудолюбие, 1989).

Атрибутивное сочетание прозрачные мысли выражает значение ‘видеть мир без искажений’: *И Лужин постепенно стал понимать, что райская пустота, в которой витают его прозрачные мысли, со всех сторон заполняется* (В.В. Набоков. Защита Лукина, 1929–1930).

Невидимость мысли, незримость выражает атрибутивное сочетание бесплотная мысль: Его бесплотная мысль, находясь в теле, возносится к небесам и постигает совершенство мира сего (Е. Водолазкин. Лавр, 2012); *Факторы, например, статуи, – это, с одной стороны, бесплотная мысль ваятеля, смутная для него самого и недоступная никому другому, с другой – кусок мрамора, не имеющий ничего общего с этой мыслью; но статуя не есть ни мысль, ни мрамор, а нечто отличное от своих производителей, заключающее в себе больше, чем они* (А.А. Потебня. Мысль и язык, 1862).

Таким образом, языковая объективация световых значений позволяет обнаружить в символике мысли пересечение с древним макроментальным образованием *свет/тьма* и соотносимой с ним оппозицией *добро/зло*. Когнитивный уровень знания световой символики мысли позволяет выявить, каким образом концепт «мысль» представлен в наивной картине мира (*Слепота мысли хуже слепоты глаза, слова ясны – мысли ясны и др.*). Концептуализация света в структуре концепта «мысль» определяет взаимосвязи с макроконцептом «свет», с характеристиками интенсивности света, с ассоциациями с природными явлениями (*рассвет, заря, тьма, мрак, темнота*). Языковая объективация мысли представлена различными значениями света и цвета, и в перспективе исследования можно обнаружить новые смыслы света и цвета в паремиологическом фонде русского языка, сопоставить эти значения с контекстами других языков. Светообозначение и цветообозначение абстрактных понятий создает зримое представление осмысления этих явлений в языке.

Список литературы

1. Бондарева Е.П. Актуализация концепта «мысль» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
2. Вайрах Ю.В. Когнитивная модель «появиться на свет» в русской лингвокультуре // Казанская наука. 2026. №1. С. 284–286.

3. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт: монография. М.: Гнозис, 2007.
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–298.
5. Карасик В.И. Осмысление интереса в языковом сознании // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. №4 (08). С. 4–15.
6. Маняхин А.В. Концепты «дух», «душа», «сердце» и «мысль», «разум», «рассудок» в лирике Е.А. Боратынского (лингвистический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.
7. Нойгебауер Т.А. Концепты «слово», «дело», «мысль» в творчестве И.В. Гёте как средство формирования авторской картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2013.
8. Пазилова С.К., Элчиев Ж., Беккулова Д.К. Выражение концепта «мысль» в лексикографии и семантических полях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4–3(79). С. 186–190.
9. Пименова М.В. Символический макроконцепт «чудо» в зеркале мотивирующих признаков // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. №4 (08). С. 56–63.
10. Румянцева М.В. Концепт «мысль» сквозь призму культурных кодов (на материале казахской художественной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6(94). С. 696–705.
11. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 12. М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935–1940.

* * *

1. Bondareva E.P. Aktualizaciya koncepta «mysl'» v russkoj yazykovoj kartine mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2005.
2. Vajrah Yu.V. Kognitivnaya model' «poyavit'sya na svet» v russkoj lingvokul'ture // Kazanskaya nauka. 2026. №1. S. 284–286.
3. Vorkachev S.G. Lyubov' kak lingvokul'turnyj koncept: monografiya. M.: Gnozis, 2007.
4. Gumbol'dt V. O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyaniya na duhovnoe razvitie chelovechestva // Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. M.: Progress, 1984. S. 37–298.
5. Karasik V.I. Osmyslenie interesa v yazykovom soznanii // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. №4 (08). S. 4–15.
6. Manyahin A.V. Koncepty «duh», «dusha», «serdce» i «mysl'», «razum», «rassudok» v lirike E.A. Boratynskogo (lingvisticheskij aspekt): dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2005.
7. Nojgebauer T.A. Koncepty «slovo», «delo», «mysl'» v tvorchestve I.V. Gyote kak sredstvo formirovaniya avtorskoj kartiny mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2013.
8. Pazilova S.K., Elchiev Zh., Bekkulova D.K. Vyrazhenie koncepta «mysl'» v leksikografii i semanticheskikh polyah // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2023. № 4–3(79). S. 186–190.
9. Pimenova M.V. Simvolicheskij makrokoncept «chudo» v zerkale motiviruyushchih priznakov // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. №4 (08). S. 56–63.
10. Rumyanceva M.V. Koncept «mysl'» skvoz' prizmu kul'turnyh kodov (na materiale kazahskoj hudozhestvennoj literatury) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 24. № 6(94). S. 696–705.
11. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. T. 12. M.:L.: Izd-vo AN SSSR, 1961.
12. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Sov. encikl.; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov. 1935–1940.

*The conceptualization of bright and colour of thought
in the Russian linguistic culture*

The bright and colour semantics of the phenomenon "thought" as the concept in the Russian linguistic culture is studied. The connection between the concept "thought" and the macroconcept "gender" and the macroconcept "bright" is discovered in bright and colour designation of thought. The material of the National corpus of the Russian language is used as the source of language material for the description of bright and colour meanings. The basic methods of study are the conceptual and interpretative methods.

Keywords: concept, macroconcept, thought, bright, colour, bright thoughts, dark thoughts, black thoughts.

(Статья поступила в редакцию 20.04.2026).

К.Г. КОРОВИНА
Н.В. БОЧАРНИКОВА
Волгоград

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАССКАЗОВ
В.В. НАБОКОВА «ПАСХАЛЬНЫЙ ДОЖДЬ» И «РОЖДЕСТВО»**

Проводится сравнительный анализ рассказов В.В. Набокова «Пасхальный дождь» и «Рождество». Рассматриваются доминантные стилистические средства, репрезентирующие авторскую картину мира, а также культурные особенности, связывающие оба произведения. Особое внимание уделяется концепту «праздник» как хронотопу памяти в эмигрантском сознании. В рамках исследования проведен билингвальный анализ текстов оригинала и английских переводов, демонстрирующий специфику передачи набоковской поэтики, особенности синтаксиса и визуально-эстетического кода.

Ключевые слова: В.В. Набоков, стилистика, культурный код, билингвизм, мотив памяти, перевод, метафора, синтаксис.

Творчество В.В. Набокова (Сирина) остается одним из самых неразгаданных в наследии русской литературы, его произведения требуют глубокого исследовательского участия и анализа.

В данной работе рассматриваются лингвокультурные и стилистические характеристики языка рассказов В.В. Набокова «Пасхальный дождь» и «Рождество». Данные

произведения, написанные в 1925 г. в Берлине, объединены не только хронологической близостью, но и общностью экзистенциальной проблематики. Если «Рождество» – это канонический текст, широко изученный в набоковедении, то «Пасхальный дождь» – рассказ, считавшийся утраченным и найденный лишь в конце 1990-х гг., что делает их сопоставительный анализ особенно актуальным.

Феномен лингвокультурного кода активно исследуется учеными [5, с. 5–21; 12, с. 4351–4358; 13, с. 101–104]. Вся этническая культура, по мнению В.М. Савицкого и Е.В. Черкасовой, пронизана лингвокультурными кодами [12]. Проанализировав различные подходы к изучению лингвокультурного кода, мы возьмем за основу его понимание, представленное в работе С.В. Шустовой и Х.Е. Розенковой. Данный феномен мы будем рассматривать как «важный инструмент, обеспечивающий наиболее глубокое понимание и, как следствие, полноценную коммуникацию между носителями разных культур» [13, с. 102].

Лингвокультурный концепт нами понимается вслед за В.И. Карасиком как базовая единица культуры, ее концентрат, многомерное, культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме. Главное в концепте – это многомерность и дискретная целостность смысла [3].

Оба рассказа строятся вокруг сакральных христианских праздников – Рождества и Пасхи. Однако в художественном мире В.В. Набокова праздник лишается традиционного радостного звучания, трансформируясь в катализатор острой тоски по утраченному прошлому и русской действительности. Для того чтобы объективно оценить данные рассказы, представим краткий пересказ.

Первое произведение ставит в центр повествования жительницу Швейцарии Жозефину Львовну, внутреннее состояние которой изображается на фоне крайне значимого для носителя русской культуры православного праздника Пасхи. «Известно, что для пасхальных произведений характерны следующие особенности: художественный текст приурочивается ко дню Пасхи, сюжетная значимость которой как события велика, необходимо присутствие героя, на которого направлено катарсическое (сюжетное) воздействие. Эти традиционные атрибуты пасхального рассказа свойственны и произведению Набокова «Пасхальный дождь» [9]. Рассказ имеет реального прототипа – гувернантку самого В.В. Набокова Сисиль Миотон, приехавшую из г. Лозанны и прожившую в семье Набоковых 8 лет.

Культурный код обоих произведений глубоко укоренен в эстетике русского дворянского быта, ныне разрушенного. В «Рождестве» эта культура материализована в вещах покойного мальчика: коллекции бабочек, английских бисквитах, велосипеде. В.В. Набоков делает процесс развития насекомого (от кокона до имаго) центральной философской метафорой рассказа. В «Пасхальном дожде» культурная парадигма смещена. Жозефина Львовна, носительница швейцарского менталитета, парадоксальным образом становится хранительницей русской культуры в эмиграции. В.В. Набоков подчеркивает конфликт между стерильным европейским настоящим и фактурным русским прошлым.

Поэтика В.В. Набокова отличается тем, что в ней выстроена яркая, самобытная стилистика, где важнейшую роль играет глубокая работа с деталью. «Творчество писателя синтезирует прозу и поэзию, вселяя определенный ритм <...>. Особое звучание текста является столь же важным аспектом, как и смысловая наполненность» [4, с. 58].

Ключевые концепты, пронизывающие рассказ «Пасхальный дождь», – «одиночество» и «тоска по России».

Эти состояния героини раскрываются через многократное повторение эпитета «черный». В рассказе присутствует *черная кисть, зонтик, узкий как черная трость, пенсне с черными ободками, черные на никелевой цепочке часы, черный платок, черная шляпка, черная маслянистая вода, черные тучи, черный заголовок*. Даже пасхальные,

окрашенные бывшей гувернанткой яйца имеют почти черный цвет. Они темно-фиолетовые.

Черный цвет присутствует и в заключительной части рассказа (черный платок, нить и спицы), но он реализуется на фоне смеха главной героини, тем самым актуализируется контраст, который является неотъемлемой частью произведения.

Представим и другие эпитеты, символы и олицетворения, подчеркивающие ее одиночество и несчастное существование: *траурные брови, пустынная, сырая, темная улица, плачущие деревья, тревожное небо, тучи как развалины, погибающий лебедь*.

Особого внимания заслуживает образ погибающей птицы – это олицетворение самой страдающей героини. Птица в произведениях В.В. Набокова – интертекстуальный образ, который сопровождает и другие произведения мастера слова, таким образом, он превращается в автореминисценцию. Кроме того, здесь мы наблюдаем и аллюзию на стихотворение Ш. Бодлера «Альбатрос», которое в 1924 г. В.В. Набоков перевёл на русский язык. «В произведении Ш. Бодлера пойманная матросами громадная неуклюжая птица описывается почти теми же словами, что старый лебедь из «Пасхального дождя». Так в столь раннем произведении нашла как наиболее тонкое проявление “литературности” Набокова система аллюзий (намёков). Владимир Владимирович считал, что “настоящий писатель должен внимательно изучать творчество соперников, включая Всевышнего. Он должен обладать врождённой способностью не только перемешивать части данного мира, но и вновь создавать его”, поэтому литературная аллюзия – излюбленный приём Владимира Владимировича» [11].

Рассказ в целом построен на контрасте. В словаре В.П. Москвина контраст определяется как «семантическая категория, основанная на противопоставлении» [8, с. 335]. В рассказе «Пасхальный дождь» реализуется следующая оппозиция: повседневная жизнь – праздник; жизнь в пышном ярком Петербурге противопоставляется холодно-му, одинокому существованию в швейцарском городе. Данная оппозиция интенсифицируется противительным союзом а: «Ей казалось, что теперь она без конца будет наслаждаться болтовней вечерних друзей, уютом родного городка. А вышло как раз наоборот»; «А завтра – православная Пасха» [9].

В развязке произведения, которое заканчивается выздоровлением Жозефины, присутствует антитеза, когда вместо черных туч появляется белое небо.

Имя героини *Жозефина Львовна* парадоксально и также построено на противопоставлении двух культур: французской и русской. Оно образовано от еврейского имени Иосиф, имеет значение «Бог приумножит», «Бог добавит», «Бог воздаст», и это не случайно. В рассказе реализуется аллюзия к Ветхому завету, который повествует о всемирном потоке как акте наказания человечества, а в рассказе изображен сильный затяжной дождь, прекращение которого означает выздоровление Жозефины.

В рассказе показаны негативные черты характера соседей, которые обрекли старую женщину на одиночество: эгоизм, невнимательность, отчужденность, полное равнодушие. Пасха – тот праздник, который должен дарить единение, любовь, поддержку, радость, но чета Платоновых не признают ценности этого праздника. Платоновы остаются злобными и безразличными к состоянию больной женщины, более того, ее присутствие тяготит и раздражает эмигрантов из России.

Жозефина, в попытке стать «своей», найти поддержку, сострадание, употребляет слова, являющимися выражением культурного кода русской нации: «Вам нужно немного отдыха, мои добрые друзья. Но до того как уйти, я хочу вам сказать... – И, близко подойдя к Платонову, который встал тоже, – она звонко и фальшиво воскликнула: – Крестосе Воскресе! Это была ее последняя надежда вызвать взрыв горячих сладких слез, пасхальных поцелуев, приглашения разговестись вместе... Но Платонов только расправил плечи и спокойно засмеялся» [9]. Так иностранка попыталась преодолеть идеозтизм: «Достижению межкультурного взаимопонимания в известной мере мешает иде-

этнизм (этническое своеобразие) культур и вербальных языков. Его удобно описывать в семиотических категориях – прежде всего в категориях «знак» и «код». В основе лингвокультуры лежит система кодов. Коды обуславливают различия в этнических менталитетах, определяют специфику мышления и поведения носителей лингвокультуры, усваивающих эти коды в онтогенезе наряду с родным вербальным языком. Иностранцы же, чтобы понять и освоить чужую лингвокультуру, нуждаются в ее декодировании» [12, с. 4353].

Мы можем заключить, что идея, заложенная в говорящем имени героини, раскрывается следующим образом: Жозефина найдет с помощью добра, веры и Бога путь к успокоению, а эгоистичные и неспособные к состраданию и добру соседи будут вечно жить в злобе и отчуждении.

Числа, содержащиеся в произведении, подобраны осознанно, и они тоже несут в себе культурные коды. Хорошо известно значение и связь с Библией чисел три и шесть («Рано утром, на шестой день болезни, после кризиса, Жозефина Львовна очнулась. В окне светло мерцало белое небо, шел отвесный дождь, шелестел, журчал по желобам»). Именно на шестой день Бог создал человека, а на третий день происходит восхождение Христа. Таким образом, рассказ пронизан идеями веры, милосердия, присутствия Бога в земной жизни и необходимости сострадания.

Говоря об интертекстуальности и аллюзиях, остановимся и на заголовке рассказа, который, в отношении анализируемого рассказа, активно выполняет функции, помимо собственно номинативной, информативной и контактоустанавливающей, ассоциативную и символизирующую [2, с. 36–38]. Дождь – это дар природы и, можно сказать, Бога. Данный заголовок символизирует обновление, чистоту и надежду. И в нем реализуется символическая связь с именем героини. Пасха символизирует победу жизни над смертью. Таким образом, заявленные в заголовке коды реализуют смысловую диадиду.

Среди важнейших стилистических особенностей, выявленных в этом произведении, отметим *умолчание*. Нами выявлено 20 случаев использования данного стилистического приема. Рассмотрим функции умолчания в произведении.

1. Функция реализации реминисценции и тоски по ушедшей жизни. Даная функция проявляется в моментах, когда сознание Жозефины отправляется в прошлую жизнь в России: «И из русских слов она только и знала, что: кутчер, тиш-тиш, нитчего...»; «И моя маленькая Элен была в этот день как ангел... О, я по целым ночам плачу, когда думаю о вашей прекрасной родине...» [9].

2. Функция упрека и недовольства. Она реализуется как в момент общения Жозефины с внезапно зашедшей соседкой, так и во время разговора четы Платоновых с пожилой женщиной: «Что вам нужно? Я не люблю, когда входят ко мне так...»; «А, добрый вечер, Mademoiselle...»; «Что это она еврейские инициалы закатила...» [Там же].

3. Функция реализации надежды на единение: «Вам нужно немного отдыха, мои добрые друзья. Но до того как уйти, я хочу вам сказать... – И, близко подойдя к Платонову, который встал тоже, – она звонко и фальшиво воскликнула: – Крестосе Воскресе!» [Там же].

4. Функция описания переломного момента: «Смех наполнил ее, – но еще был беззвучным, переливался по телу, щекотал нёбо – вот-вот вырвется сейчас... Что-то зацарапало и вздохнуло, слева, в углу комнаты... Вся дрожала от смеха, растущего в ней, она отвела глаза от окна, повернула лицо» [Там же].

В качестве суммирующего высказывания невозможно не привести следующую цитату: «Вероятно, состояние героини в моральном и духовном плане типологически близко автору, включено в кругозор объективного (сочувствующего) повествования, поскольку известно, что воспоминание о Родине, о Петербурге постоянно сопутствовали писателю, считавшему, что жизнь в эмиграции эфемерна, подлинная – в пусть и рабочей, но такой неизбежно родной России. Набоков уехал из страны в девятнадцатилет-

нем возрасте, поэтому все лучшее осталось для Владимира Владимировича на Родине, и “сквозняк из прошлого” беспокоил автора «Пасхального дождя» до конца дней. Зинаида Шаховская полагала: “Трагедия Набокова в том, что он малолетним Адамом был изгнан из своего земного рая... В ранних его произведениях или в поздних – почти всегда обнажается травма русского писателя-эмигранта: дореволюционный рай набоковского детства, русская природа...” [11].

Данный текст насыщен лингвокультурными кодами, сопровождающими канун праздника Пасхи: окрашивание яиц, поход в церковь, устойчивые выражения (Христос Воскресе), разговение, троекратное целование в щеки, числа три и шесть.

Объектом нашего разбора является и рассказ «Рождество» В.В. Набокова. События рассказа «Рождество» также происходят на фоне главного, ключевого для русской культуры праздника, но на этот раз – Рождества. Главный персонаж произведения – убитый горем отец, потерявший сына.

Боль утраты – ключевой компонент обоих произведений. Если героиня первого рассказа теряет связь с дорогим сердцу местом, то второй персонаж теряет сына и смысл жизни.

Тема взаимоотношений с Богом, а точнее, отказа от следования христианским законам, – одна из центральных в произведениях. Если герои первого рассказа, Платоновы, отвергают идеи добра и сострадания, то Слепцов не замечал божественных, природных чудес, пока не увидел рождение бабочки: «Слепцов открыл глаза и увидел: в бисквитной коробке торчит прорванный кокон, а по стене, над столом, быстро ползет вверх черное сморщенное существо величиной с мышь. Оно остановилось, вцепившись шестью черными мохнатыми лапками в стену, и стало странно трепетать. Оно вылупилась оттого, что изнемогающий от горя человек перенес жестяную коробку к себе, в теплую комнату, оно вырвалось оттого, что сквозь тугой шелк кокона проникло тепло, оно так долго ожидало этого, так напряженно набиралось сил и вот теперь, вырвавшись, медленно и чудесно росло. Медленно разворачивались смятые лоскутки, бархатные бахромки, крепили, наливаясь воздухом, веерные жилы. Оно стало крылатым незаметно, как незаметно становится прекрасным мужающее лицо. И крылья – еще слабые, еще влажные – все продолжали расти, расправляться, вот развернулись до предела, положенного им Богом, – и на стене уже была – вместо комочка, вместо черной мыши, – громадная ночная бабочка, индийский шелкопряд, что летает, как птица, в сумраке, во-круг фонарей Бомбея» [10].

«Случайно ли использование местоимение “оно” и формы глаголов в среднем роде? Это рождественский рассказ, а в Рождество происходит чудо. Бабочка является символом рождественского чуда, символом рождения новой жизни» [1]. Не случайно употребление эпитета «чудесно» и обращение к Богу. Важно повторение лексем «теплый», «тепло», тем самым автор в обоих произведениях говорит о значимости близких, согревающих душу взаимоотношениях, как с родными, так и с людьми, находящимися в нашем окружении.

Говорящее имя главного героя, Слепцов, требует особого внимания. Собственно имя В.В. Набоков не дает своему персонажу, тем самым характеризует его безразличное отношение к миру вокруг себя, для него все «безымянно». Тогда как фамилия вполне отчетливо демонстрирует «слепое» отношение к окружению. Он не знал о важных событиях в жизни сына, таких, как его любовь, а слуга для Слепцова – тихий Иван, недавно сбивший усы.

Эпитеты плюшевый и желтый не раз встречаются в произведении «Рождество», тем самым выражается потребность человека в тепле и уюте.

Ярко проявляют себя олицетворения, метафоры и сравнения («дверь с тяжелым рыданием раскрылась», «Комната плавала во тьме», «Иван, тихий, тучный слуга, недавно сбивший себе усы, внес заправленную, керосиновым огнем налитую, лампу, поста-

вил на стол и беззвучно опустил на нее шелковую клетку: розовый абажур», «Ночь была сизая, лунная; тонкие тучи, как совиные перья, рассыпались по небу, но не касались легкой ледяной луны. Деревья – груды серого инея – отбрасывали черную тень на сугробы, загоравшиеся там и сям металлической искрой» [10]), рисующие атмосферу безысходности. При этом на контрасте автор использует и метафоры, реализующие идею жизни и радости: «Слепцов вышел на холодную веранду, так весело выстрелила под ногой половица, и на беленую лавку легли райскими ромбами отраженья цветных стекол. Дверь поддалась не сразу, затем сладко хрюснула, и в лицо ударил блистательный мороз» [10]. Тем самым оба рассказа апеллируют к классической дихотомии противостояния жизни и смерти. Несмотря на печальность сюжета, развязки обоих рассказов наполнены надеждой на лучшее будущее и верой в победу жизни над смертью.

Перевод набоковских текстов на английский язык представляет собой уникальный лингвистический прецедент. Анализ показывает, что при переводе В.В. Набоков (а также его соавторы-переводчики) стремится сохранить не буквализм, а ритмический и визуальный рисунок прозы. Сравнительно-сопоставительный анализ оригинала рассказов и его автоперевода показал, что тексты изобилуют стилистическими средствами. Так, например, в рассказе «Рождество» русский вариант: «Слепцов закрыл глаза, и на мгновение ему показалось, что до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь...» [10] менее колоритен, чем перевод: «Sleptsov closed his eyes, and for a fleeting instant it seemed to him that earthly life lay bared to the bone, that he understood it to the end...» [15], где выражение «bared to the bone» (обнажена до костей) усиливает физиологическое ощущение смерти по сравнению с более абстрактным русским «до конца обнажена». В англоязычной версии метафора уплотняется, становится более телесной.

Далее в английском варианте рассказа вводится латинское научное название бабочки – *Attacus atlas*. Это дополнение не разрушает художественную ткань, а напротив, усиливает набоковскую страсть к научной точности, добавляя тексту энциклопедическую строгость, которая контрастирует с мистицизмом происходящего чуда: «...громадная ночная бабочка, индийский шелкопряд, который летает, как птица, в сумраке, вокруг фонарей Бомбея» [10]. (Ср. английский перевод: «...a huge moth, the Indian silk moth (*Attacus atlas*), that flies like a bird in the gloom around the lanterns of Bombay») [15].

В рассказе «Пасхальный дождь» есть примеры культурной непереводаемости (лакуны). Так, в русском оригинале говорится: «Буква В вышла похожей на кривое Я», в английском переводе: «The *V* turned out looking like a crooked *Ya*». Переводчики сталкиваются с проблемой алфавитной специфики. Кириллица транслитерируется, поскольку визуальный образ буквы содержит ключевой философский подтекст. Англоязычному читателю требуется дополнительный культурный комментарий.

Визуальный акцент и образ изгнания присутствует в «Пасхальном дожде»: «Внизу, на озере, в синеватой вечерней мгле... плавал старый лебедь» [9] («Down on the lake, in the bluish evening haze... an old swan floated») [14]. Фраза «bluish evening haze» безупречно передает светотеневой эффект «синеватой мглы». Однако образ старого лебедя на швейцарском озере в английском языке (an old swan floated) звучит более изолированно из-за прямого порядка слов, подчеркивая одиночество героини, оторванной от русской среды.

Среди лингвокультурных кодов, присутствующих в рассказе, можно назвать следующие: белый цвет, олицетворяющий как чистоту, святость, необходимую человечеству, так и пустоту, одиночество и холод; церковный крест, как напоминание о Боге и необходимости стойко нести свой крест, Рождество – символ не только рождения Бога, но и предстоящих страданий и потерь.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что лингвокультурные коды, находящие свое воплощение в произведениях В.В. Набокова, относятся к области мифов и религии. Помимо названных кодов, Ю.М. Лотман говорит об образных

кодах, которые также находят свою непосредственную реализацию в рассмотренных рассказах [7]. По определению В.В. Красных, культурный код – это «“сетка”, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [6, с. 232]. В этой связи автор выделяет 6 основных кодов культуры: временной, пространственный, духовный, предметный, биоморфный, соматический. Они «задают и предопределяют эталонную сферу, участвующую в структурировании и оценке материального мира» [5, с. 19]. Принимая за основу данную классификацию, мы можем видеть актуализацию и воплощение, прежде всего, духовных кодов.

Подведем итоги. Рассказы В.В. Набокова «Пасхальный дождь» и «Рождество» апеллируют к таким ключевым ценностям, как тоска по России, одиночество, человечность / чуткость.

К стилистическим приемам, актуализирующим данные концепты, относятся контраст, эпитеты, олицетворения, символы, говорящие имена, умолчание и аллюзия. Оба рассказа апеллируют к классической оппозиции жизни и смерти.

Данные рассказы, объединенные темой христианских праздников, раскрывают мотив памяти и утраты. Проведенный анализ показывает, что основными стилистическими средствами в обоих произведениях являются развернутые метафоры, сложный ритмизированный синтаксис и внимание к визуальным деталям. В «Рождестве» доминирует трагический посыл, тогда как в «Пасхальном дожде» преобладает ностальгическая интонация.

Билингвальный анализ английских переводов демонстрирует, что при адаптации текстов сохраняется их сложный визуальный код. При этом английские версии тяготеют к терминологической точности (добавление латинских названий) и более телесной метафорике. Тексты В.В. Набокова, преодолевая языковые барьеры, сохраняют свою главную функцию – воскрешение утраченного мира через филигранную эстетику искусства.

Список литературы

1. Амангельды Н.Т. Вечные темы в рассказе В.В. Набокова «Рождество» // Молодой ученый. 2023. № 33 (480). С. 204–207.
2. Бочарникова Н.В. Перевод названий текстов массовой культуры как инструмент лингвистического маркетинга: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.
3. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 127–155.
4. Коровина К.Г. Особенности художественного билингвизма (на примере рассказа В.В. Набокова «Звуки») // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. 2015. Т. 9. С. 58–59.
5. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 19. М.: МАКС-Пресс, 2001. С. 5–21.
6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПБ, 2010.
8. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007.
9. Набоков В.В. Пасхальный дождь // Звезда. 1999. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/1999/4/pashalnyj-dozhd-rasskaz.html> (дата обращения: 02.05.2006).
10. Набоков В.В. Рождество // URL: https://royallib.com/read/nabokov_vladimir/roghdestvo.html#0 (дата обращения: 02.05.2006).
11. Ноздрина А.В. Поэтика рассказа Набокова «Пасхальный дождь» // URL: <https://urok.1sept.ru/publication/14832> (дата обращения: 02.05.2026).
12. Савицкий В.М., Черкасова Е.В. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 12. С. 4351–4358.
13. Шустова С.В., Розенкова Х.Е. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Научный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.

14. Nabokov V.V. Easter Rain // URL: <https://griersplagueyear.wordpress.com/wp-content/uploads/2020/10/the-stories-of-vladimir-nabokov-vladimir-nabokov.pdf> (дата обращения: 02.05.2026).

15. Nabokov V.V. Christmas By Vladimir Nabokov and Dmitri Nabokov (trans.) // URL: https://vk.com/@new_forwardls_ru-fiction-christmas-by-vladimir-nabokov-and-dmitri-nabokov-tra (дата обращения: 02.05.2026).

* * *

1. Amangel'dy N.T. Vechnye temy v rasskaze V.V. Nabokova «Rozhdestvo» // Molodoy uchenyj. 2023. № 33 (480). S. 204–207.

2. Bocharnikova N.V. Perevod nazvanij tekstov massovoj kul'tury kak instrument lingvisticheskogo marketinga: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2014.

3. Karasik V.I. Lingvokul'turnye koncepty: podhody k izucheniyu // Sociolingvistika vchera i segodnya. M.: INION RAN, 2008. S. 127–155.

4. Korovina K.G. Osobennosti hudozhestvennogo bilingvizma (na primere rasskaza V.V. Nabokova «Zvuki») // Menyayushchayasya kommunikaciya v menyayushchimsya mire. 2015. T. 9. S. 58–59.

5. Krasnyh V.V. Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) // Yazyk, soznanie, kommunikaciya. Vyp. 19. M.: MAKS-Press, 2001. S. 5–21.

6. Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya. Lekcionnyj kurs. M.: Gnozis, 2002.

7. Lotman Yu.M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchih mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki. SPb.: Iskustvo-SPB, 2010.

8. Moskvina V.P. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar. Rostov n/D: Feniks, 2007.

9. Nabokov V.V. Paskhal'nyj dozhd' // Zvezda. 1999. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/1999/4/pashalnyj-dozhd-rasskaz.html> (data obrashcheniya: 02.05.2006).

10. Nabokov V.V. Rozhdestvo // URL: https://royallib.com/read/nabokov_vladimir/rozhdestvo.html#0 (data obrashcheniya: 02.05.2006).

11. Nozdrina A.V. Poetika rasskaza Nabokova «Paskhal'nyj dozhd'» // URL: <https://urok.1sept.ru/publication/14832> (data obrashcheniya: 02.05.2026).

12. Savickij V.M., Cherkasova E.V. Kul'turnye i lingvokul'turnye kody: teoreticheskij obzor // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. Vyp. 12. S. 4351–4358.

13. Shustova S.V., Rozenkova H.E. Lingvokul'turnyj kod: opredelenie, problema klassifikacii, rol' v mezhkul'turnoj kommunikacii // Nauchnyj zhurnal. 2017. № 2. S. 101–104.

The stylistic and cultural characteristics of the stories “Easter Rain” and “Christmas” by V.V. Nabokov

The comparative analysis of the stories “Easter Rain” and “Christmas” by V.V. Nabokov is conducted. The dominant stylistic means, representing the author's world picture and the cultural peculiarities, connecting two writings, are considered. The concept “holiday” as the chronotopos of memory in emigrant consciousness is emphasized. The bilingual analysis of texts of the original and the English translations, demonstrating the specific features of transfer of poetics by V.V. Nabokov, and the peculiarities of syntax and visual-aesthetic code is conducted within the framework of studies.

Keywords: *V.V. Nabokov, stylistics, cultural code, bilingualism, motive of memory, translation, metaphor, syntax.*

(Статья поступила в редакцию 15.05.2026).

Е.Е. ЗАВЬЯЛОВА

М.В. ДЕДОВА

Л.А. УНАШАЕВА

Астрахань

**СЕМАНТИКА ОНИМОВ В ПЬЕСЕ А.В. КОРОЛЁВА «ФОРМАЛИН»:
ПРОБЛЕМА ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ И ЖИВОТНЫМ**

Анализируются играющие ключевую роль в композиции пьесы А.В. Королёва «Формалин» «остановки памяти» – обособленные рассказы персонажей о собаках, которые возникают в контексте судебного разбирательства, но не сводятся к показаниям. Установлено, что психологическим центром этих фрагментов является Георг Блот, считающий, что отношение человека к животному говорит о нём больше, чем рациональные объяснения, и проецирующий на окружающих собственную утрату. Исследуется семантика зоонимов (кинонимов) и антропонимов, делается вывод, что ономастика в пьесе А.В. Королёва служит инструментом изучения травмы и размывания границы между человеческим и животным.

Ключевые слова: А.В. Королёв, зооним, киноним, антропоним, мотив травмы, драматургия.

Одной из особенностей пьесы А.В. Королёва «Формалин» является включение в её структуру серии обособленных рассказов – «остановок памяти», тематически связанных с образом собаки. Данные фрагменты возникают в контексте судебного разбирательства, но отнюдь не сводятся к функции показаний – их смысловая нагруженность позволяет изучать эти эпизоды как самостоятельные элементы, дающие возможность провести отдельный анализ. Психологическим центром «остановок памяти» выступает Георг Блот. Его история травматична: после смерти жены и дочери единственным живым существом, сохранившим с ним эмоциональную связь, осталась собака. Для Блота она становится абсолютной ценностью – мерой любви, верности и утраты. Именно поэтому, взаимодействуя с другими персонажами, герой невольно проецирует на них свой внутренний мир: Блот «дарит» каждому из них историю о собаке. Согласно наблюдениям исследователей, в 2010-е гг. именно память выступает в качестве структурообразующего принципа целого ряда театральных текстов, открывая авторам возможность анализировать природу травмы и пути её преодоления [4].

В логике Блота собака превращается в «зеркало души». То, как человек относился к животному в детстве или в минуту отчаяния, для героя значит больше, чем любые рациональные объяснения. Рассказ Прокурора о первой любви через игру в собаку свидетельствует о его способности к нежности; история Рукова с плюшевым псом Плюшкой показывает внутреннюю жестокость и отказ принять себя; монолог Психиатра о собаке-спасателе указывает на дар исцеления. Приписывая другим собственный, выстраданный опыт, Блот не столько описывает участников судебного процесса, сколько ищет в них своё отражение. Так «собачья шкура» становится в пьесе не только зооморфным мотивом, но и глубоко личным инструментом познания души человека.

В художественном мире А.В. Королёва живые существа уравниваются в своей значимости с человеком, наделяются душой и способностью к рефлексии. В «Формалине» эта черта получает несколько иную трактовку: собака становится проекцией травмы Георга Блота.

Композиционное чередование подобных «остановок памяти» заставляет задуматься о характере этих фрагментов: можно ли рассматривать их как непосредственные высказывания персонажей, или они отражают более сложный ход осмысления пережитого. Важную роль играет система номинации собак, каждая из кличек которых оказывается семантически обусловленной и включённой в процесс осмысления травматического опыта. Прозвище выходит за рамки простого наименования животного и приобретает статус значимого элемента художественного текста. Так проявляются особенности восприятия и интерпретации памяти Георга Блота, который и придумал все эти истории в ходе психиатрического обследования: «ПСИХИАТР. Это был рядовой психологический тест, вроде школьного сочинения “Как я провел это лето...”, только в роли сочинителя выступает больной, в данном случае Блот. Ему предлагается описать психологический портрет основных фигурантов дела».

Имя Вилли является краткой формой имени Уильям, которое, в свою очередь, происходит от древнегерманских слов *willio* ‘воля, желание’ и *helm* ‘шлем, защита’ [5]. Поэтому дословное значение имени – ‘решительный защитник’. Ср.: «А однажды – это я хорошо помню – спас ему жизнь, у хозяина был приступ, и тот потерял сознание. Упал. Дело было зимой, и он бы, конечно, замерз. Так вот его этот пес – Вилли – лег на него сверху, прикрыл телом и так держал тепло, пока не приехала скорая. Часа два прошло. Спас» [2]. Кличка оказывается семантически мотивированной – Вилли в буквальном смысле выполняет функцию защитника, спасая человека от смерти. Благодаря этому имя становится способом дополнительной характеристики образа рыжего сеттера. После смерти от собаки остаётся только шкура – внешняя оболочка, лишённая жизни, но продолжающая участвовать в отношениях между людьми. Блот не избавляется от неё, а делает частью игры с Антоном: «А мне пристегивал шкуру. Мягкую, теплую, пушистую, чтобы я был настоящей собакой <...>» [2]. Тем самым герой пытается механически удержать то, что вернуть невозможно.

В истории Прокурора киноним Артемон уже сам по себе оказывается культурно значимым. Он неизбежно вызывает ассоциацию с пуделем Артемоном из «Золотого ключика» А.Н. Толстого – персонажем, связанным с пространством детства, игры и своеобразного театрального мира [6]. Подобная ассоциация оказывается особенно уместной в контексте самого воспоминания. Рассказ Прокурора строится как почти идиллическая сцена детства, наполненная ощущением свободы, первой любви и игры. Герой вспоминает, как «бегал по песку на четвереньках» и лаял вместе с сеттером, добровольно перенимая собачьи повадки. Важно, что это превращение не связано с унижением или насилием. Напротив, игра становится способом эмоционального сближения с Евой и самим Артемоном – пространством счастливого воспоминания.

Красно-рыжий шотландский сеттер оказывается своеобразным посредником между детьми, благодаря ему возникает контакт между мальчиком и девочкой. Пока Ева плавает, Прокурор играет с сеттером; через эту игру постепенно снимается неловкость, возникает доверие, а затем и первый поцелуй. Не случайно в рассказе постоянно подчёркивается мотив «совпадения» и узнавания: одинаковый шрам, одинаковая уязвимость, общая музыка. Характерно, что Артемон имеет ту же породу, что и погибший пёс Блота. Уже здесь возникает намёк на будущую травму.

Занимательно и то, что в воспоминании Прокурора звучит песня *Smoke Gets in Your Eyes* («Дым ест глаза»). Сам образ дыма здесь особенно значим: дым мешает видеть ясно, размывает очертания реальности. Герой «слышит» Еву в этой песне всю свою жизнь – воспоминание не исчезает. Оно продолжает существовать внутри человека как

законсервированный эмоциональный фрагмент счастья, которое невозможно вернуть, но невозможно и забыть.

Имя Джульбарс можно ассоциировать с легендарной собакой-сапёром времён Великой Отечественной войны, награждённой медалью «За боевые заслуги». В культурной памяти Джульбарс оказался едва ли не единственным широко известным псом, совершившим человеческий подвиг. Показательно и происхождение самого киномима: в тюркских языках слово «джульбарс» соотносится со значением ‘тигр’ или ‘барс’, что актуализирует семантику силы и героизма.

Примечательно, что в рассказе Первого адвоката Джульбарсу приписываются человеческие качества. Девочка пытается научить его танцевать, «очеловечивает» его эмоции: «по-человечески глубоко вздыхал и страдальчески смиренно закатывал глаза» [2]. Она воспринимает его как наиболее близкое себе существо. Героиня признаётся: «Я смотрела на него и думала, что я, наверное, собака» [2]. Детское сознание выстраивает систему сходства по эмоциональной близости и телесной схожести: «У меня два глаза и у него, у меня рот и у него тоже. Правда, уши у него были не очень похожи на мои, <...>, все время бегал на четвереньках, как я ни билась поставить его стоймя на две лапы», «он был абсолютный молчун, и не умел связать даже двух слов» [2]. Родители остаются для неё почти чужими, в то время как Джульбарс становится первым опытом эмоционального родства и взаимопонимания. На этом фоне собака оказывается своеобразным посредником между человеком и миром, в котором «смерти не будет...» [2].

Если сопоставить рассказ Первого адвоката с историей Блота и Антона Рукова, то можно понять, что в обоих случаях возникает мотив единения человека и собаки. Пожилой мужчина, вовлекая мальчика в игру, предлагает ему существование «внутри» собаки: «Я большой взрослый пес, а ты почти что щенок, пёс – малыш» [2]. Однако если в воспоминании о Джульбарсе подобное сближение сохраняет характер естественной детской эмпатии, то у Блота та же модель восприятия оказывается «запятнана» травматическим опытом.

Рассмотрим кличку Плюшка, возникающую в рассказе Рукова. Уже сама природа этого имени оказывается неоднозначной. С одной стороны, плюшка ассоциируется с чем-то мягким, домашним, безобидным, что соответствует внешнему облику игрушечной собаки из жёлтого плюша. С другой – в контексте монолога прозвище постепенно начинает отражать внутренний конфликт владельца. Плюшка существует в пространстве постоянного спора о собственной природе: для Рукова это «отважный храбрый кокер» [2], тогда как окружающие называют его питомца кошкой: «Нет, это кошка, кошка, кис-кис!» [Там же] или поросёнком: «Какая кошка, это же поросёнок» [Там же]. Попытки героя «исправить» Плюшку выражаются в оторванном банте, изменённых ушах, нарисованных помадой зубах. Это демонстрирует стремление насильственно сформировать желаемого зверька. Руков пытается подчинить реальность собственной воле, заставить предмет соответствовать надуманному образу. Важно, что в дальнейшем то же самое проявится и в поведении уже взрослого персонажа, стремящегося полностью контролировать окружающее пространство.

В этом контексте любопытна реплика Рукова о строительстве «берлинской стены» вокруг участка. Деталь приобретает дополнительную выразительность благодаря тому, что герой родился в 1961 году – в год возведения Берлинской стены, ставшей символом тотального разделения и изоляции. Подобное совпадение трудно считать случайным. Уже в детском воспоминании Руков существует в логике разделения мира на «своих» и «чужих», друзей и врагов, собак и кошек, что в некотором смысле демонстрирует его чёрно-белое мышление. Однако и окружающие не допускают невинности – игрушка вызовет спор о том, является она собакой или кошкой. Образ Плюшки оказывается своеобразной точкой столкновения различных мнений, но для него самого эта неоднозначность невыносима – он изо всех сил стремится закрепить за ней единственно возмож-

ный вариант. Так, его особенно травмирует момент, когда Плюшка «оказалась кошкой». Здесь искусственно созданная система самоопределения рушится.

Игрушечная собака выполняет функции настоящего существа: становится объектом любви, защиты, дружбы и даже надежды на спасение. Однако в критический момент Плюшка оказывается неспособной исполнить ожидаемую роль защитника. Его финальное признание – «Я поднял Плюшку... и понял, что это была кошка» [2] – звучит как крушение детской фантазии, момент внутреннего раздвоя героя.

В истории Блота мотив «игры в собаку» достигает апогея: человек уже не просто ассоциирует себя с животным, а сознательно создаёт новую реальность, в которой ребёнок должен существовать в образе «щенка». На этом фоне воспоминание Рукова может восприниматься как стремление подчинить живое существо собственному представлению о нём, не принимая во внимание его подлинную природу.

Особое место в системе кинонимов пьесы занимает кличка Волчек. Она рождается непосредственно внутри детского восприятия героини. Примечательно, что знакомство с собакой «предсказывается» образом игрушки-волчка: «Я играла с юлой на крыльце» [2]. Семантическая близость слов «волчок» и «волчёр» создаёт скрытую связь между предметом детской игры и образом животного. Как и игрушечный волчок, собака связана с движением, вращением, изменчивостью пространства: она появляется внезапно, выводит героиню из привычного мира вещей («мама», «подушка», «игрушки»), а позднее буквально проводит её через ночное пространство к дому бабушки с пирожками.

Волчек помогает героине впервые почувствовать связь с миром за пределами привычного и понятного. Не случайно собака выступает проводником: героиня держится за её хвост, чтобы не потеряться в темноте. Важна и сама пространственная организация воспоминания: путь к дому связан с переправой через реку на лодке, что вызывает ассоциации с мотивом пересечения границы между мирами. Мотив ночи, дороги, воды и переправы формирует почти мифологическое пространство перехода, в котором Волчек становится существом, помогающим пройти через темноту. Дополнительную семантическую напряжённость создаёт фигура дяди-электрика, живущего у самой реки. Соединение воды и электричества в данном контексте порождает скрытую ассоциацию со смертью, однако эта потенциальная угроза оказывается преодолённой благодаря присутствию собаки-проводника. Исчезновение собаки приравнивается для героини к утрате смысла жизни: «<...> Если ночью нельзя уцепиться за рыжий пушистый хвост, то ни в чем и ни в ком нет никакого смысла. <...> Никакого смысла...» [2]. В этом плане Волчек оказывается одним из наиболее светлых образов пьесы – образом памяти, помогающей человеку сохранить ощущение пути, возможности возвращения домой и спасения.

Немаловажно имя собаки-спасателя, которая фигурирует в заключительной «остановке памяти» – *Фелюш де Жарден Пенкон*. Здесь, в отличие от других кличек, построенных по упрощённому принципу, создаётся нарочито усложнённая конструкция, имитирующая человеческое имя. Трёхчленная форма – «Фелюш де Жарден Пенкон» – включает личное имя, дворянскую частицу и фамильный компонент, благодаря чему собака воспринимается не просто как животное, а как существо, наделённое почти человеческим статусом. Важно и то, как это имя вводится в речь: Серджио произносит его без сокращений и фамильярности: «Это не я, это она – Фелюш де Жарден Пенкон» [2], будто представляет человека. Так в очередной раз происходит размывание границы между человеческим и животным.

История Фелюш принципиально отличается от других «остановок памяти». В остальных рассказах собака связана прежде всего с детским воспоминанием, тогда как здесь она становится силой спасения уже взрослого человека. В момент, когда Психиатра накрыло лавиной, появляется собака, обученная искать людей под снегом. Для неё герой не просто человек из кафе, а тот, кто «засыпан» проблемами и нуждается в спасении. Значимо, что сама Фелюш физически травмирована: «однажды ее подстрелили

на охоте, пуля повредила позвоночник», однако это не мешает ей выступить в роли защитника. Спасение приходит от существа, уже прошедшего через собственную травму.

Вероятно, именно поэтому имя Фелюш приобретает особую смысловую нагрузку. Его возможная связь с латинским *felix* 'счастливый', 'благополучный' [5] звучит не как характеристика внешней судьбы собаки, а как указание на её внутреннюю функцию – способность возвращать человека к благополучной жизни. В отличие от большинства персонажей пьесы, застывших внутри собственного травматического опыта, Фелюш оказывается существом, которое способно вывести другого из состояния внутреннего «замерзания». Поэтому её образ становится одним из немногих в пьесе, где память перестаёт быть пространством застывшей боли и открывает возможность спасения.

История Фелюш имеет значение для понимания центральной линии пьесы. Если собака-спасатель интуитивно распознаёт человека, внутренне «засыпанного лавиной», и помогает ему вернуться к жизни, то в истории Блота тот же мотив получает искажённое воплощение. Пережив смерть рыжего сеттера и разрушение собственной внутренней реальности, Блот также пытается спасти другого человека – мальчика Антона, вовлекая его в игру «в собак». Однако Фелюш возвращает человека к самому себе, в отличие от Блота, который, напротив, стремится вывести ребёнка за пределы человеческой идентифицированности.

А.В. Королёв не ограничивается анималистической символикой – семантически нагруженными оказываются и антропонимы.

Примечателен эпизод, связанный с охранником по имени Роман. В тексте он неожиданно даёт понять, что уже знает о подробностях гибели Журналиста: «ПИСАТЕЛЬ. Один журналист. Но он погиб. ОХРАННИК. Как погиб? В автокатастрофе?». При этом напрямую о причине смерти героя в предшествующем диалоге не говорится, что порождает ощущение скрытого знания. Такая деталь позволяет предположить возможную причастность персонажа к произошедшему. В данном контексте не менее значимым оказывается и само имя героя. Созвучие имени Роман с жанром «роман» вступает в показательную связь с репликой Журналиста: «ЖУРНАЛИСТ. Я решил написать роман...». В результате возникает языковая игра: Роман «убивает» Журналиста, намеревавшегося написать роман. Омонимия выводит имя за пределы простой номинации и превращает его в один из элементов смысловой организации текста.

Отдельного внимания заслуживает имя матери Антона Рукова – Юна (полная форма – Юния). В античной мифологической традиции имя Юна восходит к имени Юнона (лат. *Iuno*) [3]. Так звали верховную богиню римского пантеона, супругу Юпитера, которая почиталась как покровительница брака, семьи и материнства. Семантика имени включает в себе архетипическую модель женщины-хранительницы домашнего очага, защитницы деторождения и супружеского союза. Однако поведение героини полностью противоположно. Юна не выполняет ни одной из функций, «предписанных» её именем. Она не ограждает семью от бед, напротив – именно её присутствие (или, точнее, отсутствие) оказывается причиной травмы. В пьесе она является скорее источником внутреннего разрушения, нежели воплощением материнской защиты. Ребёнок не находит в ней опоры; вместо этого он вынужден выстраивать защитные механизмы. Этот разрыв между именем и характером персонажа создаёт эффект семантической иронии: имя обещает одно, в то время как реальность оказывается прямо противоположной. Поведение матери Антона Рукова становится катализатором процесса распада семьи. Вероятно, это можно расценивать как сознательный авторский ход, направленный на подчёркивание общей для пьесы темы дисфункциональности семейных связей и невозможности восстановления утраченного «дома» как такового.

Последовательность «остановок памяти» представляет особый интерес. Рассказы о собаках образуют своеобразную внутреннюю траекторию переживания утраты, которая, вероятно, связана с бессознательной работой памяти самого Блота.

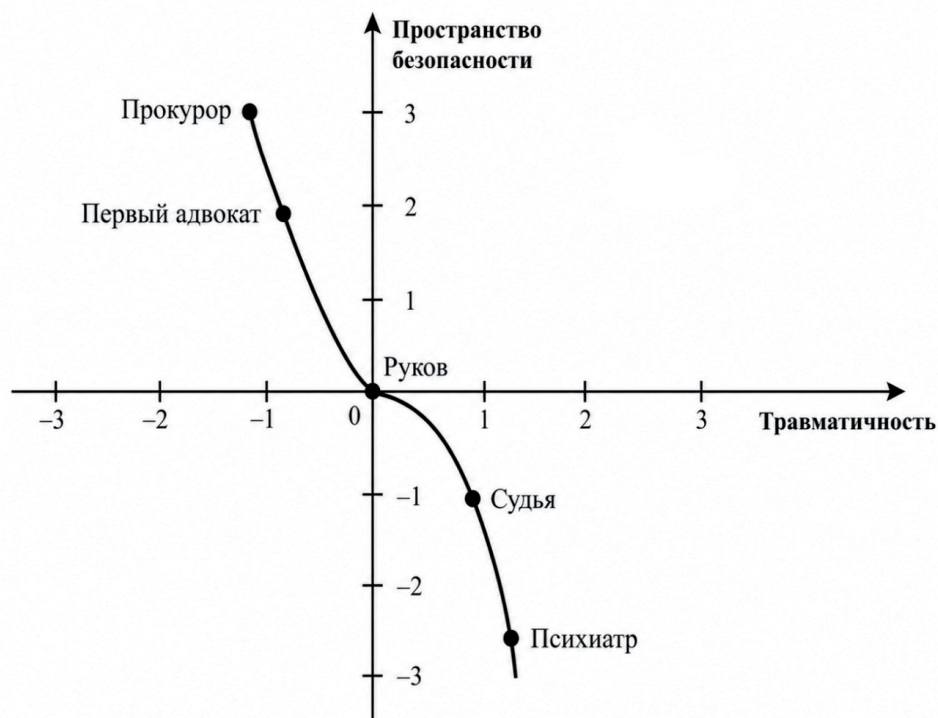

Схема. Траектория «остановок памяти»

В таком случае истории, формально принадлежащие разным персонажам, могут рассматриваться как расщеплённые проекции единого травматического опыта. Блот будто организует монологи таким образом, чтобы чужими голосами рассказать собственную историю, оставаясь при этом внешним наблюдателем и избегая прямой исповеди. Каждая «остановка памяти» оказывается связанной не столько с конкретным персонажем, сколько с определённым способом переживания боли, одиночества и утраты главным героем.

Так, рассказ Прокурора об Артемоне связан с пространством дотравматического счастья – временем, когда эмоциональная близость ещё не несла в себе угрозы потери. Воспоминание наполнено ощущением игры, свободы, телесной лёгкости, первой любви.

В рассказе Первого адвоката о Джульбарсе возникает уже иной мотив – отрицание смерти и стремление сохранить утраченный мир в неприкосновенности памяти. Звучит мечта о пространстве, «где смерти не будет» [2]. Для Блота, пережившего смерть жены, дочери, а в будущем и собаки, подобное отрицание оказывается особенно значимым. Невозможность принять окончательность утраты постепенно становится одной из центральных особенностей его внутреннего мира.

История Рукова с Плюшкой демонстрирует следующую стадию – попытку защититься от боли через разрушение самой привязанности. Плюшка оказывается искусственной заменой живого существа, а стремление героя насильственно превратить игрушку в «настоящую собаку» отражает желание полностью подчинить реальность собственной воле. В этом контексте значимо, что именно после гибели Плюшки Ру-

ков больше «не завел ни одной собаки». Память о травме фиксируется в сознании как запрет на дальнейшую эмоциональную близость с кем-либо ещё. В некотором смысле этот рассказ наиболее отчётливо перекликается с состоянием самого Блота, который после смерти любимых также оказывается неспособен отпустить прошлое и заменить утраченную связь.

В рассказе Судьи о Волчке возникает мотив поиска проводника и безопасной опоры. Собака здесь является существом, помогающим преодолеть страх, провести через темноту и вернуть ощущение жизни. Не случайно подобную роль выполнял и Вилли. С рыжим сеттером у Блота связано ощущение эмоциональной устойчивости и внутренней целостности. Собака становится для него опорой, помогающей удерживать связь с жизнью. Как следствие, смерть Вилли оказывается для героя разрушением того внутреннего пространства безопасности, которое прежде делало существование выносимым.

История Фелюш де Жарден Пенкон – вариант спасения, которое для самого Блота так и не произошло. Здесь собака не просто сопровождает человека или запечатлена в его памяти, а действительно возвращает его к жизни. В определённом смысле после смерти Вилли попыткой такого «возвращения к жизни» выступает для него Антон. Вовлекая мальчика в игру «в собак», Блот бессознательно пытается восстановить утраченную эмоциональную связь и вновь обрести смысл существования через близость с другим существом. Поэтому история Антона оказывается несколько противоречивой – в ней одновременно присутствуют и забота, и насилие, и стремление спасти, и неспособность принять реальность утраты. Согласно наблюдениям исследователей, перформансы насилия в современной драматургии служат не шоку, а выявлению травматического разлома в идентичности персонажа [1].

На этом фоне систему собачьих образов можно воспринимать как расщеплённую автобиографию Георга Блота, развернутую в пространстве судебного заседания. Каждая «остановка памяти» фиксирует отдельный этап внутренней работы травмы. Благодаря этому рассказы о собаках перестают быть случайными воспоминаниями персонажей и превращаются в сложную систему «зеркал», через которую постепенно раскрывается внутренняя катастрофа самого Блота.

Список литературы

1. Боймерс Б., Липовецкий М. Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «новой драмы». М.: Новое литературное обозрение, 2012.
2. Королёв А. Формалин: пьеса // Литература: электронный журнал. Драматургия. 22 января 2019. URL: <https://litteratura.org/dramaturgy/3118-anatoliy-korolev-formalin.html?ysclid=mlnf4jtc3h605048018> (дата обращения: 14.02.2026).
3. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: АСТ, 2011.
4. Руднев П. Драма памяти: очерки истории российской драматургии. 1950–2010-е. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
5. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005.
6. Толстой А.Н. Золотой ключик, или Приключения Буратино: для младшего возраста. Л.: Изд-во детской литературы, 1936.

* * *

1. Bojmers B., Lipoveckij M. Performansy nasiliya: literaturnye i teatral'nye eksperimenty «novoj dramy». M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
2. Korolyov A. Formalin: p'esa // Litteratura: elektronnyj zhurnal. Dramaturgiya. 22 yanvarya 2019. URL: <https://litteratura.org/dramaturgy/3118-anatoliy-korolev-formalin.html?ysclid=mlnf4jtc3h605048018> (data obrashcheniya: 14.02.2026).
3. Petrovskij N.A. Slovar' russkih lichnyh imen. M.: AST, 2011.

4. Rudnev P. Drama pamyati: ocherki istorii rossijskoj dramaturgii. 1950–2010-e. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
5. Superanskaya A.V. Sovremennyy slovar' lichnyh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie. M.: Ajris-press, 2005.
6. Tolstoj A.N. Zolotoj klyuchik, ili Priklyucheniya Buratino: dlya mladshego vozrasta. L.: Izd-vo detskoj literatury, 1936.

***The semantics of onyms in the play “Formalities” by A.V. Korolev:
the problem of border between human and animal***

The “memory stops” - the separate stories of characters about dogs that originate in the context of the judicial proceeding but do not come to evidence, playing the key role in the composition of the play “Formalities” by A.V. Korolev, are analyzed. It is stated that the psychological center of these fragments is George Blot, considering that the human attitude towards animals indicates more than the rational explanation and projecting his own loss to the others.

Keywords: A.V. Korolev, zoonym, cynonym, anthroponym, motif of trauma, dramaturgy.

(Статья поступила в редакцию 20.06.2026).

Д.А. КУДРЯВЦЕВ

Волгоград

НАУЧНАЯ ПРОЗА Н.В. ГОГОЛЯ И АСПЕКТЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Рассматриваются основные аспекты изучения научной прозы Н.В. Гоголя, включающей исторические, географические, фольклорно-этнографические статьи и материалы писателя, определяются главные векторы научных исследований в этой области гоголеведения, систематизируются и обобщаются их результаты.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, научная проза, аспекты изучения, история, география, фольклор, этнография.

Изучение научной прозы в творческом наследии писателя предполагает отграничение от его художественных текстов. Наиболее существенное различие этих видов словесного творчества коренится в языке, в средствах языкового выражения, художественных в первом случае (тропы, образы, особые стилистические средства и т.п.), и стилистически нейтральных во втором.

Основателем русской научной прозы справедливо считают М.В. Ломоносова, ученого-энциклопедиста, гений которого проявился в точных и естественных науках, астрономии, географии, геологии, физике, химии, металлургии, выдающегося филолога, одного из реформаторов русского литературного и стихотворного языка, поэта, историка, художника. Не случайно А.С. Пушкин назвал его «первым нашим университетом». Ученый и поэт в нем были нераздельны. По словам академика С.И. Вавилова, «поэзия Ломоносова пронизана естественно-научными мотивами, мыслями и догадками и в некоторых случаях дает замечательные научно-дидактические образцы. С другой стороны – научная проза М.В. Ломоносова и особенно его «Слова» являются иногда такими же классическими примерами художественной прозы, как *Saggiatore* Галилея» [6, с. 3].

Эти качества творческой личности М.В. Ломоносова были близки Гоголю-художнику и автору научной прозы. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» из книги «Выбранные места из переписки с друзьями» он писал о Ломоносове: «Коснулся он северного сияния, бывшего предметом его ученых исследований, – и плодом этого прикосновения была ода <...> Всякое прикосновение к любезной сердцу его России, на которую он смотрит под углом ее сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной. Среди холодных строф польются вдруг у него такие строфы, что не знаешь сам, где ты находишься. <...> Всю русскую землю озирает он от края до края с какой-то светлой вышины, любуясь и не налюбуйся ее беспредельностию и действенною природою. В описаниях слышен взгляд скорее ученого натуралиста, нежели поэта; но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста в поэта <...> Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступленье впереди книги» [15, Т. VIII, с. 371]. В характеристике М.В. Ломоносова для автора «Мертвых душ», как заметил Ю.В. Манн, «чрезвычайно важна установка на универсальность: “вся Русь” должна явиться в поэме. Но эту установку Гоголь ощущал у Ломоносова; больше того, Ломоносов ее впервые и выразил, воплотил» [33, с. 550].

Подобная универсальность присуща историческим и научно-педагогическим статьям Гоголя о преподавании всеобщей истории и географии, университетским лекциям по истории, плану книги «География России для юношества», материалам по ботанике, фольклору и этнографии, составленным им словарям и конспектам научных трудов, многообразно отразившимся в его художественном творчестве. Многие произведения научной прозы Н.В. Гоголя, сохраняя верность научным фактам, лишены стилистической нейтральности, насыщены яркими художественными образами, увлекательны и поэтичны в изложении научных идей. Как и М.В. Ломоносов, он совмещает в них ученого и художника слова.

Следует очертить круг основных источников творческого наследия писателя, которые можно отнести к текстам научной прозы Н.В. Гоголя. Их можно условно разделить на два периода: первая половина 1830-х и конец 1840 – начало 1850-х гг. К первому относятся научно-педагогические статьи, вошедшие в книгу «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя» (1835), четыре из которых были опубликованы в 1834 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», основанном С.С. Уваровым, и по его прямому заказу. Это статьи «О преподавании всеобщей истории», «Отрывок из истории Малороссии», «О малороссийских песнях», «О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С. Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем». Они дополнены в «Арабесках» статьями «Ал-Мамун», «Шлецер, Миллер и Гердер», «Мысли о географии», «О движении народов в конце V века» и научно-художественным эссе «Жизнь», представляющим в сжатом виде историю человечества до ее кульминации – начала христианской эры.

К этому же периоду относятся наброски и подготовительные материалы к университетским лекциям по всеобщей истории, истории Древнего мира, истории Средних веков, истории Нового времени, русской, славянской и украинской истории, замет-

ки и выписки при чтении «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Многочисленные выписки из научных трудов содержит «Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия», которую Гоголь вел с гимназических лет. Особый вид научной прозы представляют конспекты книг Галлама «Европа в средние века», Н. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках». Ко второму периоду следует отнести конспекты многотомного труда П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства», выписки из фольклорно-этнографических трудов И.П. Сахарова и И.М. Снегирева, лечебные травники, заметки о сельском хозяйстве и крестьянском быте. Многие из них носят следы художественной обработки писателем.

В этих материалах отразились разные грани единой творческой личности Н.В. Гоголя. В «Арабесках» научные тексты Н.В. Гоголя соседствуют с его художественными произведениями: петербургскими повестями «Невский проспект», «Клочки из записок сумасшедшего» и двумя отрывками, построенными на историческом малороссийском материале: «Главой из исторического романа», «Пленником».

В отличие от локальных украинских топов «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода», взгляд писателя охватывает в «Арабесках» крайне обширные географические пространства и хронологически всю историю человечества. Универсализм, всеобъемлющий взгляд на историю и на мир, «иде[я] об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы» (Шлецер, Миллер и Гердер) [15, т. VIII, с. 85], были важной составляющей картины мира, нашедшей отражение в научных публикациях «Арабесок». Этот взгляд, характерный для эпохи романтизма, он отстаивает как педагогический принцип в своих статьях о преподавании географии и истории и как историографический принцип в статье «Шлецер, Миллер и Гердер».

С начала 1840-х гг. более десяти лет длилась работа писателя над вторым томом «Мертвых душ», в ходе которой писатель комментировал замысел продолжения своей поэмы. Именно с ним была связана работа Гоголя с многочисленными духовными, историческими, естественно-научными, этнографическими и фольклористическими трудами, призванными углубить его познания о России. Параллельно со вторым томом «Мертвых душ» Гоголь готовил давно задуманную книгу о географии России для юношества. Она должна была дать юному читателю представление о характере местности, природе, хозяйственной деятельности, образе жизни, обычаях и обрядах народов, населяющих страну. На рубеже 1840–1850 гг. Гоголь стремился совместить обе грани своей творческой личности – художника и ученого-просветителя. Первым опытом такого совмещения стал сборник «Арабески» (1835), научные статьи которого современники писателя восприняли негативно.

Подавляющее большинство исследователей творчества писателя сосредоточивали свое внимание на его художественных произведениях. Это было вполне оправдано: Гоголь вошел в русскую и мировую литературу прежде всего как прозаик и драматург, как величайший комический писатель Нового времени. Научная сторона его творческого наследия долгие годы оставалась в тени. На нее обратили пристальное внимание лишь к столетию со дня рождения писателя, когда хранитель рукописей Румянцевской библиотеки Г.П. Георгиевский впервые опубликовал гоголевские конспекты естественно-научных и этнографических трудов, относящиеся к 1840–1850 гг. [14]. Их общую характеристику дал в своем этюде «Гоголь-ученый» (1913) известный историк русской литературы С.А. Венгеров. Они, по его мнению, открывают новые грани творческой личности Гоголя и демонстрируют «исполинский» масштаб научных замыслов позднего творчества писателя. По его словам, «Гоголь-художник и Гоголь-теоретик – двуликий Янус» [7, с. 18].

Пристальный интерес исследователей вызвали исторические статьи писателя в «Арабесках», поскольку их можно было соотнести с художественными произведениями Гоголя на исторические темы. В качестве источников художественных текстов Н.В. Го-

голя его исторические труды рассматривал И.М. Каманин в статье «Научные и литературные произведения Н.В. Гоголя по истории Малороссии» (1902) [26].

В работе М.О. Ковалевского «Гоголь как историк» (1909) было подчеркнуто пренебрежительное отношение Н.В. Гоголя к источникам и «художественно-изобразительное понимание и изложение истории» [31, с. 42–43, 47]. В.Е. Романовский сделал попытку оценить исторические штудии Гоголя с позиций науки начала XX в. в статье «Взгляд Гоголя на историю и географию» (1909). Он утверждал, что Гоголь «“почувствовал” то, что теперь признается исторической наукой, т.е. что изучение истории не может быть вполне объективным и что понимание истории достигается при значительном участии субъективного развития историка»; при этом «в истории он видел прежде всего “органическое развитие исторического процесса”, отводя “героям” второстепенное значение, но вместе с тем не отвергая и их известного влияния на направление и ход исторических событий» [37, с. 225–226, 229, 231].

В советское время интерес к историческим штудиям писателя был стимулирован подготовкой академического собрания сочинений Н.В. Гоголя в 14 томах (1937–1952). Появились исследования М.П. Алексеева «Драма Гоголя из англо-саксонской истории» (1936) [2], С.О. Машинского «Историческая повесть Н.В. Гоголя» (1940) [35], И.Я. Айзенштока «Н.В. Гоголь и Петербургский университет» (1952) [1], комментарии к публикации гоголевских исторических материалов Г.М. Фридендера (1952) [44].

К историческим трудам Н.В. Гоголя постоянно обращаются современные зарубежные и российские ученые: В.Ф. Семенов «Гоголь как историк-медиевист» (1972) [38], Н.Е. Андреев «Гоголь как историк» (1989) [3], А.Б. Куделин «К характеристике исторических взглядов Гоголя: От “Арабесок” к “Выбранным местам из переписки с друзьями”» (1993) [32], Е.Е. Замыслова «Н.В. Гоголь в “Журнале министерства народного просвещения”: историк, преподаватель, публицист» (2009) [23]. Отдельные аспекты наследия Гоголя-историка анализируются в работах Ю.В. Манна (2012) [34], А.А. Формозова (2012) [43], А.Б. Соколова (2018) [40], И.А. Виноградова (2021, 2022) [9; 10], В.Т. Сиротенко (2024) [11] и др.

Среди современных исследований исторических статей и материалов университетских лекций Н.В. Гоголя следует выделить научное издание сборника «Арабески» в серии «Литературные памятники» (2009), подготовленное В.Д. Денисовым, автором статей и комментариев к историческим материалам сборника [20, с. 271–360]; статью И.А. Виноградова «Неизвестная книга Н.В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции» (2022) [10], выдвинувшего предположение, что Гоголь готовил свои университетские лекции по истории к изданию отдельной книгой.

Уже в начале прошлого века появились серьезные работы, связанные с гоголевским замыслом написать книгу о географии России для юношества. Его попытался реализовать известный ученый-географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский в многотомном издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (1899–1914). Он же дал высокую оценку гоголевским мыслям о преподавании географии в статье «Памяти Гоголя, первого глашатая у нас правильных идей школьной географии» (1934) [39]. Собранные Гоголем географические материалы были обстоятельно рассмотрены Л.Е. Иофа в статье «Работа Н.В. Гоголя над географией России» (1948) [25]. Географизму как характерной особенности творческого мышления Н.В. Гоголя, отразившейся в его художественных произведениях, посвящены глава в книге А. Терца (А.Д. Синявского) «В тени Гоголя» (1992) [42, с. 195–291]; монография И. Видугирите «Гоголь и географическое воображение романтизма» (2019) [8]; работы С.Н. Киселева «Статья Н.В. Гоголя “Мысли о географии” (История создания и источники)» (1996) [29] и «Географизм гоголевской прозы. Из книги “Н.В. Гоголь и география”» (2007) [30], комментарии Л.В. Дерюгиной к статье Н.В. Гоголя «Мысли о географии» из 3 тома академического Полного собрания сочинений и писем в 23 томах (2009) [21].

Еще одной гранью изучения научного наследия Н.В. Гоголя стали собранные писателем материалы о ботанике, которой писатель увлекся в юности во время учебы в Нежинской гимназии высших наук. Здесь следует прежде всего назвать работы доктора фармацевтических наук В.С. Карташова, в которых дано научное описание ботанических конспектов Гоголя [28], его гербария, впервые воспроизведенного и описанного в Полном собрании сочинений и писем Н.В. Гоголя в 17 томах (2009–2010) [16, т. 16, с. 694–703]. Одним из важнейших источников географических, ботанических и этнографических знаний о России стала для писателя книга академика П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (1773–1788), которую Гоголь конспектировал дважды. Ее роль в художественных замыслах писателя и научном творчестве рассмотрена в работе А.Х. Гольденберга «Конспекты Гоголя. Опыт комментария» (2024) [18].

Немалое число трудов посвящено исследованию фольклорных и этнографических материалов, собранных Гоголем. Это записи народных песен, преданий, легенд, быличек и поверий, загадок, пословиц и поговорок, народных обрядов и обычаев, сохранившихся в рукописях Гоголя. Такова, к примеру, рукописная книга «Песни, собранные Гоголем», впервые изданная Г.П. Георгиевским в 1908 г. и включающая более трехсот русских и украинских народных песен [13]. Чаще всего фольклорные и этнографические материалы Н.В. Гоголя рассматривают в качестве источника сюжетов, мотивов и образов художественных текстов писателя, их фольклоризма и мифопоэтики. Одной из первых в этом ряду стала работа Б.М. Соколова «Гоголь как фольклорист и этнограф» (1910) [41]. В современном гоголеведении этому аспекту изучения научного наследия писателя посвящены труды Е.И. Анненковой [4], Ю.Я. Барабаша [5], В.А. Воропаева [12], А.Х. Гольденберга [17], Е.Е. Дмитриевой [22], В.А. Зарецкого [24], А.И. Карпенко [27], Д.Н. Медриша [36] и целого ряда других ученых.

Таковы на сегодняшний день основные результаты изучения научной прозы Гоголя. Они, однако, не исчерпывают всего многообразия научных материалов из наследия писателя. Его системное исследование остается актуальной научной задачей.

Список литературы

1. Айзеншток И.А. Н.В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского университета (серия общественных наук). 1952. № 3. С. 17–38.
2. Алексеев М.П. Драма Гоголя из англо-саксонской истории // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования / Под ред. В.В. Гиппиуса; отв. ред. Ю.Г. Оксман. М.; Л.: АН СССР, 1936. Т. 2. С. 242–285.
3. Андреев Н.Е. Гоголь как историк // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1986. Т. 19. С. 189–202.
4. Анненкова Е.И. Гоголь и русское общество: монография. СПб.: Росток, 2012.
5. Барабаш Ю.Я. Уроки этнографии. Возвращаясь к давним спорам // Седьмые Гоголевские чтения. Гоголь и народная культура. М.: ЧеРо, 2008. С. 29–42.
6. Вавилов С.И. Предисловие (к сборнику статей и материалов о Ломоносове) // Ломоносов / Под ред. А.И. Андреева и Л.Б. Модзалевского. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 3–5.
7. Венгеров С.А. Гоголь-ученый // Венгеров С.А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб.: Прометей, 1913. С. 145–164.
8. Видугирите И. Гоголь и географическое воображение романтизма: монография. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
9. Виноградов И.А. «Арабески» Н.В. Гоголя: единство композиции и проблематики цикла // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 234–304.

10. Виноградов И.А. Неизвестная книга Н.В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 8–54.
11. Виноградов И.А. Неизданная статья историка-медиевиста В.Т. Сиротенко о Гоголе (Сиротенко В.Т. Раннее средневековье в освещении Н.В. Гоголя) // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 362–378.
12. Воропаев В.А. «Мертвые души» и традиции народной культуры (Н. Гоголь и И. Снегирев) // Русская литература. 1981. № 2. С. 92–107.
13. Георгиевский Г.П. Песни, собранные Гоголем // Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. Вып. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1908.
14. Георгиевский Г.П. Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. Вып. 3. Гоголевские тексты. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1909.
15. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. / Гл. ред. Н.Л. Мещеряков. М.; Л.: АН СССР, 1937–1952.
16. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов, комм. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
17. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. 8-е изд., испр. М.: Флинта, 2023.
18. Гольденберг А.Х. Конспекты Гоголя. Опыт комментария // Неевклидова геометрия Юрия Манна: памяти ученого / Отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 136–159.
19. Даниленко В.П. О языке научной прозы // Русская речь. 1978. № 5. С. 46–50.
20. Денисов В.Д. Гоголевские «Арабески» // Гоголь Н.В. Арабески / Изд. подгот. В.Д. Денисов. СПб.: Наука, 2009. С. 271–360. (Литературные памятники).
21. Дерюгина Л.В. Мысли о географии. Комментарий // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 3 / Отв. ред. С.Г. Бочаров. М.: Наука, 2009. С. 796–813.
22. Дмитриева Е.Е. «Вечера на хуторе близ Диканьки». Комментарий // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 1. М.: Наследие, 2001. С. 611–850.
23. Замыслова Е.Е. Н.В. Гоголь в «Журнале министерства народного просвещения»: историк, преподаватель, публицист // Вестник Московского ун-та. Серия 10: Журналистика. 2009. № 2. С. 119–134.
24. Зарецкий В.А. Народные исторические предания в творчестве Н.В. Гоголя: История и биографии: монография. Стерлитамак: Стерлитамакский гос. пед. ун-т; Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1999.
25. Иофа Л.Е. Работа Гоголя над географией России // География в школе. 1948. № 2. С. 38–42.
26. Каманин И.М. Научные и литературные произведения Н.В. Гоголя по истории Малороссии. Киев: тип. М.М. Фиха, 1902.
27. Карпенко А.И. О народности Гоголя (Художественный историзм писателя и его народные истоки) // А.И. Карпенко. Киев: Вища школа, 1973.
28. Карташов В.С. Гоголь и ботаника // Гоголевский вестник / Под ред. В.А. Воропаева. Вып. 1. М.: Наука, 2007. С. 221–233.
29. Киселев С.Н. Статья Н.В. Гоголя «Мысли о географии» (История создания и источники) // Вопросы русской литературы. 1996. Вып. 2. С. 18–34.
30. Киселев С.Н. Географизм гоголевской прозы. Из книги «Н.В. Гоголь и география» // URL: https://ruskline.ru/analitika/2007/02/19/geografizm_gogolevskoj_prozy?ysclid=mq7r8v v8xi308676592 (дата обращения: 10.05.2026).
31. Ковалевский М.О. Гоголь как историк. Чит. 20 марта 1909 г. в Имп. Казан. первой гимназии. Казань: Изд-во типо-лит. Имп. Ун-та, 1909.
32. Куделин А.Б. К характеристике исторических взглядов Гоголя: от «Арабесок» к «Выбранным местам.....» // Контекст. Литературно-теоретические исследования. 1993. М.: Наука, 1996. С. 76–85.
33. Манн Ю.В. Ломоносов в творческом сознании Гоголя // Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 534–554.
34. Манн Ю.В. Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 2012.
35. Машинский С.О. Историческая повесть Н.В. Гоголя. М.: Сов. писатель, 1940.
36. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980.

37. Романовский В.Е. Взгляд Гоголя на историю и географию // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. Сентябрь-октябрь. С. 222–278.
38. Семенов В.Ф. Гоголь – историк–медиевист // Из истории западноевропейского Средневековья: Сб. ст. М.: МГПИ, 1972. С. 3–20.
39. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Памяти Гоголя, первого глашатая у нас правильных идей школьной географии // География в школе. 1934. № 1. С. 19–21.
40. Соколов А.Б. Гоголь как историк (к 210-летию со дня рождения писателя) // Преподавание истории в школе. 2018. № 10. С. 10–16.
41. Соколов Б.М. Гоголь-этнограф (Интересы и занятия Гоголя этнографией). М.: Тип. Импер. Моск. ун-та, 1910.
42. Терц А. (Синяевский А.Д.) В тени Гоголя // А. Терц. Соч.: В 2 т. М.: СП «Старт», 1992. Т. 2. С. 3–336.
43. Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. 2-е изд., доп. Тула: Гриф и К, 2012.
44. Фридлиндер Г.М. <Гоголь> Исторические наброски, материалы, лекции. Комментарий // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 9. Л.: АН СССР, 1952. С. 622–640.

* * *

1. Ajzenshtok I.A. N.V. Gogol' i Peterburgskij universitet // Vestnik Leningradskogo universiteta (seriya obshchestvennyh nauk). 1952. № 3. S. 17–38.
2. Alekseev M.P. Drama Gogolya iz anglo-saksonskoj istorii // N.V. Gogol'. Materialy i issledovaniya / Pod red. V.V. Gippiusa; otv. red. Yu.G. Oksman. M.; L.: AN SSSR, 1936. T. 2. S. 242–285.
3. Andreev N.E. Gogol' kak istorik // Zapiski russkoj akademicheskoy gruppy v SShA. N'yu-Jork, 1986. T. 19. S. 189–202.
4. Annenkova E.I. Gogol' i russkoe obshchestvo: Monografiya. SPb.: Rostok, 2012.
5. Barabash Yu.Ya. Uroki etnografii. Vozvrashchayas' k davnim sporam // Sed'mye Gogolevskie chteniya. Gogol' i narodnaya kul'tura. M.: CheRo, 2008. S. 29–42.
6. Vavilov S.I. Predislovie (k sborniku statej i materialov o Lomonosove) // Lomonosov / Pod red. A.I. Andreeva i L.B. Modzalevskogo. T. 1. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. S. 3–5.
7. Vengerov S.A. Gogol'-uchenyj // Vengerov S.A. Sobr. soch.: V 5 t. T. 2. SPb.: Prometej, 1913. S. 145–164.
8. Vidugirite I. Gogol' i geograficheskoe voobrazhenie romantizma: Monografiya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
9. Vinogradov I.A. «Arabeski» N.V. Gogolya: edinstvo kompozicii i problematiki cikla // Problemy istoricheskoy poetiki. 2021. T. 19. № 4. S. 234–304.
10. Vinogradov I.A. Neizvestnaya kniga N.V. Gogolya 1834 g.: zamysel, kontekst, reminiscencii // Literaturnyj fakt. 2022. № 1 (23). S. 8–54.
11. Vinogradov I.A. Neizdannaya stat'ya istorika-medievista V.T. Sirotenko o Gogole (Sirotenko V.T. Rannee srednevekov'e v osveshchenii N.V. Gogolya) // Literaturnyj fakt. 2024. № 2 (32). S. 362–378.
12. Voropaev V.A. «Mertvye dushi» i tradicii narodnoj kul'tury (N. Gogol' i I. Snegirev) // Russkaya literatura. 1981. № 2. S. 92–107.
13. Georgievskij G.P. Pesni, sobrannye Gogolem // Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya. Vyp. 2. SPb.: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1908.
14. Georgievskij G.P. Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya. Vyp. 3. Gogolevskie teksty. SPb.: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1909.
15. Gogol' N.V. Poln. sobr. soch.: V 14 t. / Gl. red. N.L. Meshcheryakov. M.; L.: AN SSSR, 1937–1952.
16. Gogol' N.V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. // Sost., podgot. tekstov, komm. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. M.: Izd-vo Moskovskoj Patriarii, 2009–2010.
17. Gol'denberg A.H. Arhetipy v poetike N.V. Gogolya: Monografiya. 8-e izd., ispr. M.: Flinta, 2023.

18. Gol'denberg A.H. Konspekty Gogolya. Opyt kommentariya // Neevklidova geometriya Yuriya Manna: pamyati uchenogo // Otv. red. E.E. Dmitrieva. M.: IMLI RAN, 2023. S. 136–159.
19. Danilenko V.P. O yazyke nauchnoj prozy // Russkaya rech'. 1978. № 5. S. 46–50.
20. Denisov V.D. Gogolevskie «Arabeski» // Gogol' N.V. Arabeski // Izd. podgot. V.D. Denisov. SPb.: Nauka, 2009. S. 271–360. (Literaturnye pamyatniki).
21. Deryugina L.V. Mysli o geografii. Kommentarij // Gogol' N.V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t. T. 3 / Otv. red. S.G. Bocharov. M.: Nauka, 2009. S. 796–813.
22. Dmitrieva E.E. «Večera na hutore bliz Dikan'ki». Kommentarij // Gogol' N.V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t. T. 1. M.: Nasledie, 2001. S. 611–850.
23. Zamyslova E.E. N.V. Gogol' v «Zhurnale ministerstva narodnogo prosveshcheniya»: istorik, преподаvatel', publicist // Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2009. № 2. S. 119–134.
24. Zareckij V.A. Narodnye istoricheskie predaniya v tvorchestve N.V. Gogolya: Istoriya i biografii: Monografiya. Sterlitamak: Sterlitamaskij gos. ped. un-t; Ekaterinburg: Ural'skij gos. ped. un-t, 1999.
25. Iofa L.E. Rabota Gogolya nad geografiej Rossii // Geografiya v shkole. 1948. № 2. S. 38–42.
26. Kamanin I.M. Nauchnye i literaturnye proizvedeniya N.V. Gogolya po istorii Malorossii. Kiev: tip. M.M. Fiha, 1902.
27. Karpenko A.I. O narodnosti Gogolya (Hudozhestvennyj istorizm pisatelya i ego narodnye istoki) // A.I. Karpenko. Kiev: Vishcha shkola, 1973.
28. Kartashov V.S. Gogol' i botanika // Gogolevskij vestnik / Pod red. V.A. Voropaeva. Vyp. 1. M.: Nauka, 2007. S. 221–233.
29. Kiselev S.N. Stat'ya N.V. Gogolya «Mysli o geografii» (Istoriya sozdaniya i istochniki) // Voprosy russkoj literatury. 1996. Vyp. 2. S. 18–34.
30. Kiselev S.N. Geografizm gogolevskoj prozy. Iz knigi «N.V. Gogol' i geografija» // URL: https://ruskline.ru/analitika/2007/02/19/geografizm_gogolevskoj_prozy?ysclid=mq7r8vv8xi308676592 (data obrashcheniya: 10.05.2026).
31. Kovalevskij M.O. Gogol' kak istorik. Chit. 20 marta 1909 g. v Imp. Kazan. pervoj gimnazii. Kazan': Izd-vo tipo-lit. Imp. Un-ta, 1909.
32. Kudelin A.B. K harakteristike istoricheskikh vzglyadov Gogolya: ot «Arabesok» k «Vybrannym mestam.....» // Kontekst. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya. 1993. M.: Nauka, 1996. S. 76–85.
33. Mann Yu.V. Lomonosov v tvorchestvom soznanii Gogolya // Mann Yu.V. Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. S. 534–554.
34. Mann Yu.V. Gogol'. Kniga pervaya. Nachalo: 1809–1835. 2-e izd., pererab. i dop. M.: RGGU, 2012.
35. Mashinskij S.O. Istoricheskaya povest' N.V. Gogolya. M.: Sov. pisatel', 1940.
36. Medrish D.N. Literatura i fol'klornaya tradiciya. Voprosy poetiki. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1980.
37. Romanovskij V.E. Vzglyad Gogolya na istoriyu i geografiyu // Pedagogicheskij sbornik, izdavaemyj pri Glavnom upravlenii voenno-uchebnyh zavedenij. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1909. Sentyabr'-oktyabr'. S. 222–278.
38. Semenov V.F. Gogol' – istorik–medievist // Iz istorii zapadnoevropejskogo Srednevekov'ya: Sb. st. M.: MGPI, 1972. S. 3–20.
39. Semenov-Tyan-Shanskij V.P. Pamyati Gogolya, pervogo glashataya u nas pravil'nyh idej shkol'noj geografii // Geografiya v shkole. 1934. № 1. S. 19–21.
40. Sokolov A.B. Gogol' kak istorik (k 210-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya) // Prepodavanie istorii v shkole. 2018. № 10. S. 10–16.
41. Sokolov B.M. Gogol'-etnograf (Interesy i zanyatiya Gogolya etnografiej). M.: Tip. Imper. Mosk. un-ta, 1910.
42. Terc A. (Sinyavskij A.D.) V teni Gogolya // A. Terc. Soch.: V 2 t. M.: SP «Start», 1992. T. 2. S. 3–336.
43. Formozov A. A. Klassiki russkoj literatury i istoricheskaya nauka. 2-e izd., dop. Tula: Grif i K, 2012.
44. Fridlender G.M. <Gogol'> Istoricheskie nabroski, materialy, lekicii. Kommentarij // Gogol' N.V. Poln. sobr. soch.: V 14 t. T. 9. L.: AN SSSR, 1952. S. 622–640.

The scientific prose of N.V. Gogol and the aspects of its study

The fundamental aspects of studying the scientific prose of N.V. Gogol, including the historical, geographical, folkloristic and ethnographical articles and materials of the author are considered.

*The principal vectors of scientific studies in the field of Gogol studies are defined,
their results are structured and generalized.*

Keywords: *N.V. Gogol, scientific prose, aspects of study, history, geography, folklore, ethnography.*

(Статья поступила в редакцию 09.06.2026).

Н.В. ЗИМИНА

Волгоград

**СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕМОНСТРАТИВНОСТИ:
ПРИЗНАКИ, ФУНКЦИИ, СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ
ТИПАХ ДИСКУРСА (рецензия на монографию И.А. Тисленковой
«Демонстративность как коммуникативная тональность: функции, жанры,
способы выражения». Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2025. 329 с.)**

Современный этап развития лингвистической науки отмечен устойчивым интересом исследователей к антропоцентрической парадигме. В фокусе научного внимания при этом оказывается языковая личность и весь спектр её коммуникативных проявлений [1; 2; 3; 4, с. 100–103; 5, с. 10–16].

Тема исследования, предпринятого И.А. Тисленковой, является актуальной, поскольку автор предлагает ответы на вопросы о том, каким образом и с помощью каких средств индивид конструирует собственный образ, создает впечатление о себе и транслирует свою идентичность в ходе общения. Демонстративность анализируется в монографии как системообразующая коммуникативная категория «тональность», что позволяет по-новому взглянуть на механизмы самопрезентации в различных коммуникативных ситуациях.

Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что современное общество в настоящее время переживает переход от постмодернизма к метамодернизму (с. 11), вследствие чего свободное самовыражение, нонконформизм и демонстрация собственной уникальности становятся базовыми ценностями. Информационная революция и тотальная цифровизация практически всех сфер жизни обуславливают беспрецедентный рост демонстративного поведения: социальные сети, блоги, влоги, мессенджеры служат площадками для самопрезентации, где статус и успешность индивида находятся в прямой зависимости от его способности к эффектной самоподаче. В сложившихся условиях лингвистическое осмысление феномена коммуникативной демонстративности, предпринятое И.А. Тисленковой, приобретает не только теоретическую, но и прикладную значимость.

Несмотря на то, что демонстративность изучается в психологии, социологии, культурологии и ряде других наук, в лингвистике до настоящего времени не было предпринято всестороннего комплексного исследования, которое рассматривало бы этот феномен как самостоятельную коммуникативную категорию. Следует также отметить, что предложенный автором подход синтезирует данные когнитивной лингвистики, прагматики, семиотики, психологии и других областей знания. Применение такого междисциплинарного инструментария позволяет расширить спектр используемых исследовательских методов и получить новые, нетривиальные результаты.

В первой главе рецензируемой монографии автором обосновывается статус демонстративности как коммуникативной категории спектрального типа – тональности, обладающей структурно-образующей функцией (с. 14).

Выделяются конститутивные признаки демонстративной тональности: самопрезентация (эксплицитная и имплицитная), акцентированность (положительная и отрица-

тельная), преувеличение (осознанное и неосознанное). В качестве периферийных элементов называются самовосхваление, себялюбие, кичливость, неискренность, лицемерие, театральность, манипуляция и др.

Автор также вводит и обосновывает дефиницию демонстративной тональности как эмоционально-стилевой формы коммуникации, характеризующейся установками на самопрезентацию, неискренностью с тенденцией к преувеличению своих качеств, акцентированностью доминирующей эмоции, выражаемых посредством семиотической полимодальности (с. 21).

Заслуживает внимания разработка оригинальной структуры тонального поля – моноцентрической иерархической системы, состоящей из четырёх уровней (микрополей), а также выявление и описание механизма функционирования демонстративной тональности, основанного на транспозиции и встраивании элементов из нижележащих уровней тонального поля в кумулятивное ядро демонстративности с последующим их сочетанием с инвариантными элементами (самопрезентацией, преувеличением, акцентированностью) (с. 33).

Особый интерес представляет предлагаемая И.А. Тисленковой типология коммуникативной демонстративности, в основе которой лежат три критерия: ситуативно-дискурсивная специфика, способ презентации информации (эксплицитный/имплицитный), характер ответной реакции адресата (положительный/отрицательный). В данной части работы выделяются также восемь подвидов демонстративной тональности, которые получают рассмотрение в ходе дальнейшего исследования (с. 53).

Вторая глава рецензируемой монографии посвящена анализу эксплицитной демонстративной тональности, для которой характерно очевидное, однозначное, прямое представление образа говорящего. Автор выделяет и анализирует лексико-фразеологические средства выражения четырёх видов эксплицитной демонстративности. По мнению И.А. Тисленковой, эксплицитная нарративная положительная демонстративность реализуется гиперболическими эпитетами, я-модальностью, лексическими повторами, назывными предложениями и др. (стратегия самопохвалы); эксплицитная нарративная отрицательная демонстративность актуализируется пейоративными гиперболическими тропами, абстрактными существительными с негативной коннотацией, синтаксическим параллелизмом и др. (стратегия самоосуждения); эксплицитная манипулятивная положительная демонстративность выражается мелиоративными гиперболическими тропами, риторическими вопросами, синтаксическим параллелизмом и др. (стратегии самопревозношения и преувеличения); эксплицитная манипулятивная отрицательная демонстративность создаётся посредством пейоративных тропов, парадокса, литоты, градации и др. (стратегии самоумаления, лжеуродства, шутовства, самобичевания, эпатажа).

В данной главе также вводится и обосновывается понятие «коммуникативный демонстратив» – декларативно-репрезентативная единица коммуникативного акта демонстративной тональности, выражающаяся средствами семиотической полимодальности, отражающая вариативность личной идентичности продуцента и используемая для управления впечатлением о себе (с. 81–82).

Автор уделяет внимание невербальным коммуникативным демонстративам, к которым относит демонстративное действие, демонстративный образ, демонстративную просодию, демонстративный объект, демонстративную идею, демонстративное изображение. Помимо этого, И.А. Тисленкова рассматривает смешанный способ выражения демонстративности, который актуализируется лингвистическим гештальтом – социосемиотическим комплексом, объединяющим образ, мысли, чувства, моторную и речевую деятельность, фрейм, схему и сценарий в одной единице речевого общения (с. 86–88).

Несомненным достоинством работы является анализ эксплицитной демонстративности в четырнадцати типах дискурса: персональном, научном, административном,

спортивном, медицинском, юридическом, политическом, деловом, педагогическом, массово-информационном, рекламном, военном, медийно-дипломатическом, религиозном. Для каждого типа дискурса выявлены доминирующие виды демонстративной тоналности, их функции и средства выражения.

Важным результатом проведённого исследования является построенная автором модель демонстративной тоналности, включающая следующие компоненты: адресант, адресат, средства выражения (жанр, языковой/неязыковой демонстратив, демонстратив смешанного типа), способ самопрезентации (эмоционально-рациональная, эмоциональная или рациональная демонстративность), функции (воздействия и убеждения), ответная реакция (с. 183).

Третья глава монографии посвящена имплицитной демонстративности – форме коммуникации, при которой образ говорящего, его значимое качество и доминирующая эмоция выражаются скрытыми языковыми и неязыковыми средствами, требующими интерпретации со стороны реципиента. В результате проведённого исследования автор устанавливает связь имплицитной манипулятивной демонстративности с базовыми психологическими потребностями личности, а именно – с потребностями в самоактуализации, превосходстве, исключительности, авторитетности, лидерстве и сохранении имиджа.

Выявлены возрастные особенности использования имплицитной демонстративности. Так, по мнению автора, в период молодости (22–44 года) преобладает имплицитная манипулятивная положительная демонстративность, реализуемая мелиоративной гиперболой, афоризмами, фразеологизмами разговорного характера и др. В период зрелости (45–60 лет) коммуниканты избегают отрицательной имплицитной демонстративности, используя преимущественно положительную её разновидность в стратегиях ссылки на авторитетное мнение и позитивной ассоциации. В пожилом возрасте (от 60 лет) представлены обе формы имплицитной демонстративности: положительная – для констатации идентичности, отрицательная – для её защиты.

Автор детально анализирует как языковые (стилистические) средства выражения имплицитной демонстративности (метафора, эпитет, метонимия, синекдоха, гипербола, олицетворение, аллегория, языковая игра, литота, оксюморон, ирония), так и неязыковые (визуальные) способы её реализации: интерьер жилого помещения, предметы декора и интерьера, одежда и костюм, украшения и модификации тела. В работе убедительно показано, что имплицитная демонстративность выполняет функции моделирования идентичности, аттракции и дискредитации реципиента, реализуясь в коммуникативных стратегиях косвенной самохарактеристики, отстранения, ссылки на авторитет, самоумаления, дистанцирования.

Рецензируемая монография И.А. Тисленковой, безусловно, заслуживает внимания широкой читательской аудитории благодаря актуальности темы, тщательному анализу имеющейся научной литературы по проблеме исследования, обоснованности выводов и глубокому анализу фактического материала, а также существенному вкладу в развитие теории дискурса, лингвопрагматики и лингвосемиотики.

В качестве пожелания можно было бы рекомендовать в последующих исследованиях расширить корпус аутентичных примеров (расшифровок реальных диалогов, записей публичных выступлений, постов в социальных сетях без дополнительной художественной обработки) для более строгой верификации предложенной теоретической модели, а также дополнить исследование элементами количественного анализа (например, выявить соотношение эксплицитной и имплицитной демонстративности в различных типах дискурса, частотность использования положительной и отрицательной манипулятивной демонстративности в зависимости от статуса коммуникантов).

Несколько дискуссионным представляется вводимое автором понятие «нулевая демонстративность». В работе данный феномен определяется как структурообразующий

нейтральный элемент метаструктурного уровня тонального поля (уровень 4) (с. 31). Однако возникает вопрос: существует ли в действительности коммуникативная ситуация, в которой можно было бы говорить о полном отсутствии демонстративности? Не является ли намеренный отказ от самопрезентации всего лишь одной из форм демонстративного поведения? Также не вполне однозначным представляется один из конститутивных признаков демонстративной тональности – «неискренность с тенденцией к преувеличению своих качеств» (с. 28). В работе приводятся примеры, где, казалось бы, речь идёт о выражении искренних эмоций (переживания профессора А.В. Серебрякова, плач Сони Мармеладовой и др.). Как следует трактовать случаи, когда говорящий выражает эмоции искренне, но при этом демонстративно? Возможно, данный вопрос послужит импульсом к дальнейшему исследованию, в частности, в области уточнения границ между демонстративной тональностью и смежными коммуникативными феноменами.

Монография И.А. Тисленковой создаёт прочную основу для дальнейших изысканий в области коммуникативной тональности и дискурсивной демонстративности.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. В чаше символов: образ в языке и культуре: монография. М.: Флинта, 2023.
2. Карасик В.И. Языковое зазеркалье: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2026.
3. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концептосферы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля: монография. Волгоград: Перемена, 2023.
4. Макарова О.С. Концепт мир в концептосфере немецкого философа Фридриха Ницше // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. №4 (04). С. 41–45.
5. Стефанский Е.Е. О методологических подходах к анализу культурных кодов в произведениях Миланы Кундеры // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. №2 (06). С. 10–16.

* * *

1. Vorkachev S.G. V chashche simvolov: obraz v yazyke i kul'ture: Monografiya. M.: Flinta, 2023.
2. Karasik V.I. Yazykovoe zazerkal'e: Monografiya. M.: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2026.
3. Krasavskij N.A. Individual'no-avtorskie konceptosfery emocij Germana Gesse, Stefana Cvejga i Roberta Muzilya: Monografiya. Volgograd: Peremena, 2023.
4. Makarova O.S. Koncept mir v konceptosfere nemeckogo filosofa Fridriha Nicshe // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. №4 (04). S. 41–45.
5. Stefanskij E.E. O metodologicheskikh podhodah k analizu kul'turnyh kodov v proizvedeniyah Milany Kundery // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. №2 (06). S. 10–16.

(Рецензия поступила в редакцию 29.04.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Балхова
Светлана Якубовна* – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. E-mail: balkhovasvetlana@gmail.com
- Бочарникова
Наталья Викторовна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: bocharnikoff@mail.ru
- Буряковская
Валерия Анатольевна* – доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru
- Вайрах
Юлия Викторовна* – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы и журналистики, Иркутский национальный исследовательский технический университет. E-mail: vayrakh@yandex.ru
- Ван Цзиньлин* – доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков, Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР. E-mail: elizaveta@163.com
- Грасс
Елена Павловна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: grasslena@gmail.com
- Дедова
Маргарита Викторовна* – Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. E-mail: margeardant@mail.ru
- Екимцова
Елизавета Николаевна* – аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет. E-mail: lizaekimtova18@yandex.ru
- Завьялова
Елена Евгеньевна* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. E-mail: zavyalovaelena@mail.ru
- Зимина
Наталья Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nataliasimina@yandex.ru
- Кислякова
Евгения Юрьевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: evgenia.kislyakova2@yandex.ru
- Коровина
Кристина Геннадьевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: ktristy_life@mail.ru

- Кудрявцев
Дмитрий Александрович* – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: dmtr.kudryavtsev@yandex.ru
- Кузнецова
Вилена Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: v.kouznetsova@inbox.ru
- Ленец
Анна Викторовна* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии, Южный федеральный университет. E-mail: annalenets@sfedu.ru
- Мельникова
Ксения Александровна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ярославский государственный технический университет. E-mail: ledeja@yandex.ru
- Милованова
Марина Васильевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет. E-mail: mv_milovanova@volsu.ru
- Мосейко
Анна Александровна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: mosanya74@mail.ru
- Москвин
Василий Павлович* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: vasmoskvin@yandex.ru
- Муродбекова
Шобегим Наврузшоевна* – Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. E-mail: mshobegim@gmail.com
- Никодимова
Анна Дмитриевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: baas-tet@mail.ru
- Орлов
Пётр Викторович* – Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: petr.orlov.14@gmail.com
- Панченко
Надежда Николаевна* – доктор филологических наук, заведующий кафедрой языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: panchnn@yandex.ru
- Попова
Мария Александровна* – аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: daisy1611@mail.ru
- Рыкунова
Ирина Юрьевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: irykunova@yandex.ru
- Унашаева
Лина Артуровна* – Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. E-mail: lina.unashaeval@yandex.ru
- Цуканов
Михаил Викторович* – аспирант института иностранных языков, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева. E-mail: tsukanov1307@yandex.ru

Штеба
Алексей Андреевич

– кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: alexchteba@yandex.ru

Чжао Чуньюй

– Институт иностранных языков, Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР. E-mail: 1332782170@qq.com

Юань Лин

– доктор филологических наук, доцент Института иностранных языков, Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР. E-mail: 1271766319@qq.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

<i>Aleksey Shteba</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: alexchteba@yandex.ru
<i>Anna Lenets</i>	– Advanced PhD (Philosophy), Professor, Head of the Department of German Philology, Southern Federal University. E-mail: annalenets@sfedu.ru
<i>Anna Moseyko</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: mosanya74@mail.ru
<i>Anna Nikodimova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: baas-tet@mail.ru
<i>Dmitriy Kudryavtsev</i>	– Post Graduate Student, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: dmtr.kudryavtsev@yandex.ru
<i>Evgeniya Kislyakova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: evgenia.kislyakova2@yandex.ru
<i>Elena Grass</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: grasslena@gmail.com
<i>Elena Zavyalova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Literature, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev. E-mail: zavyalovaelena@mail.ru
<i>Elizaveta Ekimtova</i>	– Post Graduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University. E-mail: lizaekimtova18@yandex.ru
<i>Irina Rykunova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: irykunova@yandex.ru
<i>Kristina Korovina</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: ktristy_life@mail.ru
<i>Kseniya Melnikova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Yaroslavl State Technical University. E-mail: ledeja@yandex.ru
<i>Lina Unashaeva</i>	– Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev. E-mail: lina.unashaeva@yandex.ru
<i>Margarita Dedova</i>	– Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev. E-mail: margeardant@mail.ru
<i>Marina Milovanova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University. E-mail: mv_milovanova@volsu.ru

<i>Mariya Popova</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: daisy1611@mail.ru
<i>Mikhail Tsukanov</i>	– Post Graduate Student, Institute of Foreign Languages, Orel State University named after I.S. Turgenev. E-mail: tsukanov1307@yandex.ru
<i>Nadezhda Panchenko</i>	– Advanced PhD (Philology), Head of the Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: panchnn@yandex.ru
<i>Natalya Bocharnikova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: bocharnikoff@mail.ru
<i>Nataliya Zimina</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: nataliasimina@yandex.ru
<i>Petr Orlov</i>	– Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: petr.orlov.14@gmail.com
<i>Shobegim Murodbekova</i>	– Branch of Lomonosov Moscow State University in Dushanbe. E-mail: mshobegim@gmail.com
<i>Svetlana Balkhova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Linguistics, the branch of Lomonosov Moscow State University in Dushanbe. E-mail: balkhovasvetlana@gmail.com
<i>Valeriya Buryakovskaya</i>	– Advanced PhD (Philology), Head of Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru
<i>Vasiliy Moskvina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: vasmoskvina@yandex.ru
<i>Vilena Kuznetsova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: v.kouznetsova@inbox.ru
<i>Wang Jinling</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Institute of Foreign Languages, Changchun University. E-mail: elizaveta@163.com
<i>Yuan Liying</i>	– Advanced PhD (Philology), Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Changchun University. E-mail: 1271766319@qq.com
<i>Yuliya Vayrakh</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Head of Department of Advertisement and Journalism, Irkutsk National Research Technical University. E-mail: vayrakh@yandex.ru
<i>Zhao Chunyu</i>	– Institute of Foreign Languages, Changchun University. E-mail: 1332782170@qq.com

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Я.А. Волкова, д-р филол. наук, проф. (Москва)

С.Г. Воркачëв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Д.Ю. Гулинов, д-р филол. наук, проф.

В.В. Дементьев, д-р филол. наук, проф. (Саратов)

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

С.А. Мызников, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии